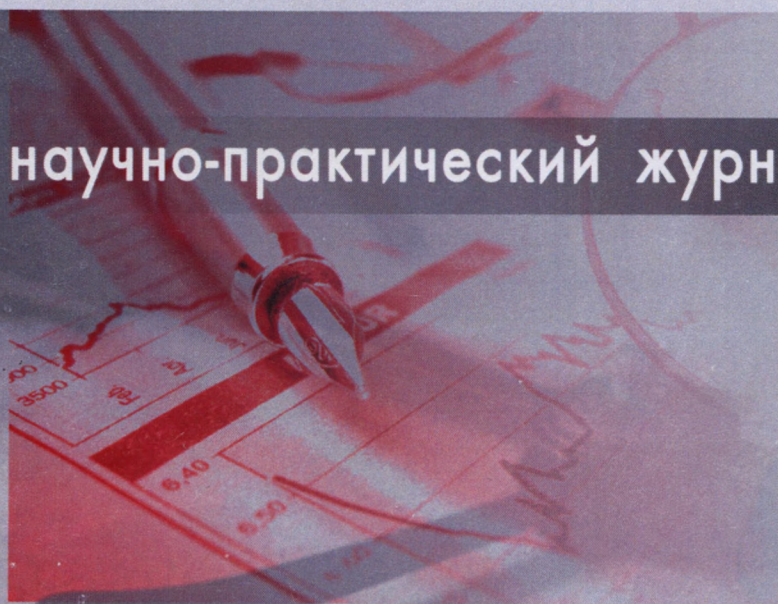

*П***РАВО** *Э***КОНОМИКА** *И***СИХОЛОГИЯ**

научно-практический журнал

№ 2 (2)

2015
Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2015 № 2(2)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:

И.И. Шматков (отв. за раздел «Право»),
Л.Ф. Трацевская (отв. за раздел «Экономика»),
Т.Е. Косаревская (отв. за раздел «Психология»),
В.Н. Бабило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, И.А. Фурманов,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Л.В. Винницкий (Россия),
Т.В. Воронович (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.Н. Моляко (Украина),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Журнал издается с марта 2015 года

Адрес редакции:

Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 21-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Подписано в печать 30.06.2015 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 8,97.
Тираж 100 экз. Заказ 88.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения
образования «Витебский государствен-
ный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский
проспект, 33.

П Р А В О

- Василевич Г.А.** Право граждан государств Евразийского эконо-
мического союза (ЕАЭС) на обращения в органы ЕАЭС 3
- Сильченко Н.В.** О конституционном институте источников права
и соотношении понятий «источники права» и «формы права» 9

Э К О Н О М И К А

- Трацевская Л.Ф.** Социально-экономический потенциал и пробле-
мы устойчивого развития Витебской области 15
- Дубенецкий Н.А., Коломыс Э.В.** Автомобилизация как инфра-
структурный фактор конкурентоспособности национальных
экономик 24
- Побяржина Т.П.** Переработка твердых бытовых отходов как
одна из составляющих экологической безопасности Республи-
ки Беларусь 30

П С И Х О Л О Г И Я

- Богачева Н.В., Войскунский А.Е.** Эмпирическое исследование
взаимосвязи когнитивных стилей у геймеров 36
- Лосик Г.В.** Лемма об антропогенной природе развития инфор-
мационных технологий 40
- Азаренок Г.С.** Диалогическая беседа в исследовании разгово-
рной речи дошкольника 47
- Виноградова С.А., Каратерзи В.А.** Психологическое сопрово-
ждение процесса подготовки будущих водителей: пилотажное
исследование 52
- Данилова Ж.Л.** Групповая сплоченность в адаптационном пери-
оде студенческой группы 57
- Шкетик Е.В.** Деловая игра как средство развития креативности
учащихся среднего специального учебного заведения 65
- Циркунова Н.И., Берашевич Я.Д.** Гендерные особенности про-
фессионального самоопределения старшеклассников 71
- Лауткина С.В., Курносова Н.А.** Специфика эмоциональной сфе-
ры взрослых с интеллектуальной недостаточностью 76

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

2015 № 2(2)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State University named after P.M. Masherov”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:

I.I. Shmatkov (Responsible
for the Law Section),
L.F. Tratsevskaia (Responsible
for the Economics Section),
T.E. Kosarevskaia (Responsible
for the Psychology Section),
V.N. Babilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
N.V. Kukhtova, S.V. Lautkina,
G.V. Losik, A.N. Pastushenia,
I.A. Furmanov, G.A. Yasheva,
V.A. Yanchuk

Editorial Council:

S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
L.V. Vinnitski (Russia),
T.V. Voronovich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.N. Moliako (Ukraine),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Published since March 2015

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Signed print 30.06.2015. Size 60x84¹/₈.
Offset paper. Conventional printed
sheet 9,77. Publisher's sheet 8,97.
Circulation 100 copies. Order 88.

Certificate of state registration as a
publisher, manufacturer, distributor of
publications № 1/255, 31.03.2014.

Copier printed at educational establishment
«Vitebsk State P.M. Masherov University».
33, Moskovsky Prospect, 210038, Vitebsk.

LAW

- Vasilevich G.A.** The Right of Citizens of the Eurasian Economic Union (EAEC) to Appeal to the EAEC Bodies 3
- Silchanka M.V.** On the Constitutional Institution of Sources of Law and Interrelation of the Concepts of “Source of Law” and “Form of Law” 9

ECONOMICS

- Tratsevskaia L.F.** Social and Economic Potential and Issues of Stable Development of Vitebsk Region 15
- Dubenetski N.A., Kolomys E.V.** Motorization as an Infrastructure Factor of Competitiveness of National Economies 24
- Pabiarzhina T.P.** Recycling of Solid Wastes as One of the Components of Ecological Safety of the Republic of Belarus 30

PSYCHOLOGY

- Bogacheva N.V., Voiskunski A.E.** Empirical Study of the Interaction of Gamers' Cognitive Styles 36
- Losyk G.V.** A Lemma about the Anthropogenic Nature of the Informational Technology Development 40
- Azarenok G.S.** Dialogue Conversation in Speech Studies of Preschool Children 47
- Vynogradova S.A., Karaterzi V.A.** Psychological Support of the Process Driver Training: Pilot Study 52
- Danilova Zh.L.** Group Unity in the Adaptation Period of a Student Group 57
- Shketyk E.V.** Business Game as a Means of Creativity Development of Vocational School Students 65
- Tsyrkunova N.I., Berashevich Ya.D.** Gender Features of Professional Self-Identification of High School Students 71
- Lautkina S.V., Kurnosova N.A.** Specific Character of the Emotional Sphere of the Adult Personality with Intellectual Insufficiency 76

Право граждан государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на обращения в органы ЕАЭС

Г.А. Василевич

Белорусский государственный университет

Создание и дальнейшее становление межгосударственных объединений требует решения ряда вопросов правового характера, в том числе определения порядка обращения в органы ЕАЭС и их рассмотрения. Только при этом условии органы ЕАЭС смогут успешно выполнять свои функции, а граждане будут иметь возможность выразить свое отношение к принимаемым в рамках ЕАЭС решениям.

Цель статьи – проанализировать нормы актов, принятых в рамках ЕАЭС, а также национального законодательства и внести предложения по оптимизации правового регулирования в указанной сфере отношений.

Материал и методы. Исследованы Договор о Евразийском экономическом союзе, конституции государств, входящих в ЕАЭС, а также их национальное законодательство. Использованы сравнительный и логический методы познания.

Результаты и их обсуждение. В статье проанализированы взгляды авторов публикаций относительно права граждан на обращения в органы власти, акцент сделан на применении норм интеграционного права.

Полагаем, что при отсутствии специального правового акта в рамках ЕАЭС, решающего указанный вопрос, можно было его основательно решить в Регламенте работы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Причем в нем не следует ограничиваться только запросами самой ЕЭК или ее членов. Практика складывается так, что по поручению Совета или по собственной инициативе как Коллегия, так и сами члены Комиссии могут запрашивать у органов власти Сторон, юридических и физических лиц информацию, необходимую для осуществления Комиссией своих полномочий. Обеспечение предоставления запрашиваемой информации в установленные сроки (не более тридцати дней с даты получения или такого запроса) возлагается на органы исполнительной власти – Стороны Договора. Однако, полагаем, что и субъекты хозяйствования в некоторых случаях могли бы непосредственно обращаться в ЕЭК. Например, тогда, когда на национальном уровне исчерпаны возможности защиты своих прав.

Заключение. В действующем белорусском законодательстве необходимо предусмотреть ответственность (дисциплинарную или административную) юридических лиц за недостоверный, неполный ответ по запросу Комиссии или оставление запроса без ответа.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, право на обращение, интеграционное и национальное право.

The Right of Citizens of the Eurasian Economic Union (EAEC) to Appeal to the EAEC Bodies

G.A. Vasilevich

Belarusian State University

The creation and shaping of interstate associations requires solving a number of legal issues, including the definition of the procedure for appeals to the bodies of the EAEC and their consideration. Only under this condition the EAEC bodies can successfully carry out their functions, and citizens will have the opportunity to tell their attitude to the adopted decisions under the EAEC.

The article aims to analyze the norms of acts adopted under the EAEC, as well as national legislation and to make proposals for the optimization of legal regulation in this sphere of relations.

Material and methods. The Treaty on the Eurasian Economic Union, the Constitutions of the EAEC states, as well as their national legislation are analyzed. The comparative and logical methods of cognition are used.

Findings and their discussion. The article analyzes the views of the authors of publications on the right of citizens to appeal to the authorities, the emphasis is on the application of the integration law.

We believe that in the absence of a specific legal act within the EAEC, which solves the issue, it could be thoroughly addressed in the work of the ECE Regulation. And it should not be limited by the requests of the ECE or its members. The practice shows that at the request of the Council or on their own initiative, both the College and the members of the Commission may request the authorities of the Parties, legal and physical persons, information necessary for the implementation of the Commission's powers. Provision of the information requested in a timely manner (no more than thirty days from the date of receipt of such a request) is assigned to the executive authorities of the Parties of the Agreement. However, we believe that economic bodies in some cases, could apply directly to the ECE. For example, when at the national level they have exhausted their ability to protect their rights.

Conclusion. The current Belarusian legislation should provide the responsibility (disciplinary or administrative) of legal persons for the false, incomplete response at the request of the Commission or the abandonment of the request unanswered.

Key words: Eurasian Economic Union, the right to appeal, integration and national law.

Одним из фундаментальных прав граждан является их право на обращения в государственные и общественные органы. Право на обращение относится к числу тех субъективных прав, надлежащая реализация которых «является гарантией обеспечения всего комплекса существующих прав и свобод» [1, с. 284], [2, с. 170]. Указанное право отдельные авторы рассматривают в качестве важнейшего элемента административно-правового статуса гражданина [3, с. 278].

Цель статьи – проанализировать нормы актов, принятых в рамках ЕАЭС, а также национального законодательства и внести предложения по оптимизации правового регулирования в указанной сфере отношений.

Материал и методы. Исследованы Договор о Евразийском экономическом союзе, конституции государств, входящих в ЕАЭС, а также их национальное законодательство. Используются сравнительный и логический методы познания.

Результаты и их обсуждение. Реализуя право на обращение, гражданин в значительной мере защищает, прежде всего, свои личные интересы, хотя оно имеет в определенной мере и публично-политический характер, также служит средством воздействия на властные структуры, местное самоуправление, институты гражданского общества [4, с. 750]. Обращения граждан – важное средство осуществления и охраны прав личности [5, с. 223]. Обращения граждан – это не только важнейшая форма и гарантия участия граждан в управлении делами государства и общества, но и существенный источник информации [6, с. 170]. На национальном уровне праву граждан на обращение в органы государственной власти, общественные объединения, к должностным лицам уделяется самое пристальное внимание. Право на обращение обычно соотносится с обязанностью соответствующих инстанций отреагировать на него.

Если проанализировать национальное законодательство государств, входящих в Евразийский экономический союз, то, прежде всего, в конституциях предусматриваются основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с обращениями граждан. Имеются также специальные законодательные акты.

В статье 40 Конституции Республики Беларусь закреплено, что каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы. Государственные органы, а

также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивированным. В развитие этого конституционного положения в нашей республике 18 июля 2011 г. принят закон «Об обращениях граждан и юридических лиц» [7].

Согласно статье 33 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Здесь также принят соответствующий федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [8].

В соответствии со статьей 41 Конституции Кыргызской Республики каждый имеет право на обращение в органы государственной власти, органы местного самоуправления и к их должностным лицам, которые обязаны предоставить обоснованный ответ в установленный законом срок. Каждый имеет право в соответствии с международными договорами обращаться в международные органы по правам человека за защитой нарушенных прав и свобод. В случае признания указанными органами нарушения прав и свобод человека Кыргызская Республика принимает меры по их восстановлению и/или возмещению вреда [9].

В случае когда на национальном уровне гражданину не удалось защитить свои права, он вправе обращаться в соответствующие международные институты, если это основано на международном или коммунитарном (интеграционном) праве.

Согласно статье 61 Конституции Республики Беларусь каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

В соответствии со статьей 18 Конституции Республики Армения каждый имеет право на эффективные средства правовой защиты своих прав и свобод в судебных, а также иных государственных органах. Каждый имеет право на защиту своих прав и свобод всеми средствами, не запрещенными законом. Каждый имеет право для за-

щиты своих прав и свобод получать содействие Защитника прав человека по основаниям и в порядке, которые установлены законом. Каждый в соответствии с международными договорами Республики Армения имеет право обращаться с просьбой о защите своих прав и свобод в международные органы по защите прав и свобод человека [10].

Надо отметить, что граждане нередко реализуют свое право на обращение в международные инстанции – структуры ООН, Европейский суд по правам человека и др.

Вместе с тем, полезно было бы предусмотреть механизм защиты прав граждан, юридических лиц в рамках тех межгосударственных образований, в которые входят Беларусь и иные государства бывшего СССР. Эффективная система защиты прав и их быстрого восстановления могла бы способствовать становлению наших государств в качестве правовых, влекла бы меньше издержек, чем это имеет место сейчас, когда, например, отдельные государства вынуждены выплачивать огромные суммы денежной компенсации или испытывать моральные издержки в связи с высказанными в их адрес претензиями по поводу допущенных нарушений.

Полагаем, что в рамках Евразийского экономического союза должна быть отработана модель защиты экономических прав и интересов граждан и юридических лиц государств, входящих в ЕАЭС. Ведь цель этого союза – укрепление и развитие экономических связей. Важно определить порядок взаимодействия указанных субъектов с органами ЕАЭС.

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе органами Союза являются:

- Высший Евразийский экономический совет (далее Высший совет);
- Евразийский межправительственный совет (далее Межправительственный совет);
- Евразийская экономическая комиссия (далее Комиссия, ЕЭК);
- Суд Евразийского экономического союза (далее Суд Союза).

Органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза (ст. 8).

Анализ закрепленных в Договоре полномочий указанных органов показывает, что в нем не говорится о праве непосредственного обращения к ним граждан или юридических лиц, хотя можно предположить, что принятие решений, изучение проблемных аспектов может быть обусловлено именно полученной от них информацией.

Так, согласно статье 12 Договора Высший совет рассматривает принципиальные вопросы деятельности Союза, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза и, в частности, рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения решений, принятых Межправительственным советом или Комиссией, рассматривает по предложению Межправительственного совета или Комиссии вопросы, по которым при принятии решения не был достигнут консенсус; обращается с запросами к Суду Союза. Но понятно, что для таких инициатив должны быть обращения, в которых отмечаются проблемы, требующие решения.

В соответствии со статьей 16 Договора Межправительственный совет, в частности, рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо в случае недостижения согласия вносит их на рассмотрение Высшего совета; принимает решение о приостановлении действия решений Совета или Коллегии Комиссии.

Договором предусмотрено активное административное сотрудничество, которое включает в себя:

- 1) оперативный информационный обмен между компетентными органами государств-членов как в целом по секторам услуг, так и в отношении конкретных участников рынка;
- 2) создание механизма предупреждения нарушения поставщиками услуг прав и законных интересов потребителей, добросовестных субъектов рынка, а также общественных (государственных) интересов.

Компетентные органы государства-члена могут запрашивать у компетентных органов других государств-членов в рамках заключенных соглашений информацию, относящуюся к сфере компетенции последних и необходимую для эффективной реализации требований, предусмотренных настоящим разделом, в том числе: о лицах этих других государств-членов, осуществивших учреждение или поставляющих услуги на территории первого государства-члена, и в частности о сведениях, подтверждающих, что такие лица действительно учреждены на их территориях и что, по сведениям компетентных органов, данные лица осуществляют предпринимательскую деятельность; о разрешениях, выданных компетентными органами, и видах деятельности, на осуществление которых выданы разрешения; об административных мерах, уголовно-право-

вых санкциях или решениях о признании несостоятельности (банкротства) лица, которые были приняты компетентными органами в отношении этого лица и которые непосредственно затрагивают его компетентность или деловую репутацию. Компетентные органы одного государства-члена должны представить соответствующую информацию запросившим ее компетентным органам другого государства-члена, в том числе об основаниях привлечения к ответственности лиц, осуществивших учреждение или поставляющих услуги на территории первого государства-члена.

Административное сотрудничество компетентных органов государств-членов (в том числе осуществляющих контроль и надзор за деятельностью) выполняется в целях:

1) создания эффективной системы защиты прав получателей услуг одного государства-члена при поставке этих услуг поставщиком другого государства-члена;

2) исполнения налоговых и иных обязательств поставщиками и получателями услуг;

3) пресечения недобросовестной деловой практики;

4) обеспечения достоверности статистических данных об объемах услуг государств-членов.

В случае если государству-члену стало известно о действиях любого из поставщиков услуг, лиц, осуществляющих учреждение или деятельность, либо инвесторов, которые способны причинить ущерб здоровью или безопасности людей, животных, растений или окружающей среде на территории этого государства-члена или на территориях других государств-членов, первое государство-член информирует об этом в кратчайшие сроки все государства-члены и Комиссию.

Важнейшим принципом деятельности в рамках ЕАЭС является транспарентность. Каждое государство-член обеспечивает открытость и доступность своего законодательства по вопросам, регулируемым настоящим разделом. В этих целях все нормативные правовые акты государства-члена, которые затрагивают или могут затрагивать вопросы, регулируемые настоящим разделом, должны быть опубликованы в официальном источнике, а по возможности также на соответствующем сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Особо в Договоре подчеркнуто сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции, определены особенности трудовой деятельности трудящихся государств-членов, их права.

Наиболее тесное взаимодействие граждан государств ЕАЭС может быть, на наш взгляд,

Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и Судом Союза.

Согласно Положению о Евразийской экономической комиссии Комиссия осуществляет свою деятельность на основе следующих принципов: 1) обеспечение взаимной выгоды, равноправия и учета национальных интересов государств-членов; 2) экономическая обоснованность принимаемых решений; 3) открытость, гласность и объективность.

Комиссия имеет право запрашивать у государств-членов позицию по вопросам, рассматриваемым Комиссией. Запрос о представлении позиции направляется в правительства государств-членов. Комиссия также имеет право запрашивать у органов исполнительной власти государств-членов, юридических и физических лиц информацию, необходимую для осуществления Комиссией своих полномочий. Копии запросов Комиссии в адрес юридических и физических лиц, за исключением запросов, содержащих конфиденциальную информацию, одновременно направляются в уполномоченный орган исполнительной власти государства-члена. Запрос о представлении позиции или информации от имени Комиссии направляется Председателем Коллегии Комиссии или членом Коллегии Комиссии, если иное не установлено Договором.

Органы исполнительной власти государств-членов обеспечивают представление запрашиваемой информации в срок, установленный Регламентом работы Комиссии, при условии, что информация не содержит сведений, отнесенных в соответствии с законодательством государств-членов к государственной тайне (государственным секретам) или к сведениям ограниченного распространения.

Порядок обмена информацией, содержащей сведения, отнесенные в соответствии с законодательством государств-членов к государственной тайне (государственным секретам) или к сведениям ограниченного распространения, устанавливается международными договорами в рамках Союза.

Согласно п. 27 Положения о ЕЭК в заседаниях Совета Комиссии принимают участие Председатель Коллегии Комиссии, а также по приглашению Совета Комиссии члены Коллегии Комиссии. Члены Совета Комиссии могут приглашать на заседания Совета Комиссии представителей государств-членов и иных лиц.

Государство-член в случае несогласия с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесения в него измене-

ний, либо в случае истечения предусмотренного в Положении срока, но не позднее 30 календарных дней с даты официального опубликования решения Совета Комиссии, может направить в Комиссию письмо за подписью главы правительства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета.

Согласно п. 39 Статута Суда Евразийского экономического союза Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза:

1) по заявлению государства-члена:

о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Для целей настоящего Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистри-

рованное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства.

Подчеркнем, что Суд при осуществлении правосудия применяет:

1) общепризнанные принципы и нормы международного права;

2) Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора;

3) решения и распоряжения органов Союза;

4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы (п. 50).

Заключение. Таким образом, в Договоре не вполне четко предусмотрено право граждан государств ЕАЭС обращаться в органы ЕАЭС. Особенно важно регламентировать порядок обращений в ЕЭК, так как Комиссия принимает те решения экономического характера, которые в существенной степени затрагивают права субъектов хозяйствования, а значит и граждан.

Полагаем, что при отсутствии специального правового акта в рамках ЕАЭС, решающего указанный вопрос, можно было его основательно решить в Регламенте работы ЕЭК. Причем в нем не следует ограничиваться только запросами самой ЕЭК или ее членов. Практика складывается так, что по поручению Совета или по собственной инициативе как Коллегия, так и сами члены Комиссии могут запрашивать у органов власти Сторон, юридических и физических лиц информацию, необходимую для осуществления Комиссией своих полномочий. Обеспечение предоставления запрашиваемой информации в установленные сроки (не более тридцати дней с даты получения ими такого запроса) возлагается на органы исполнительной власти Стороны Договора. Однако полагаем, что и субъекты хозяйствования в некоторых случаях могли бы непосредственно обращаться в ЕЭК. Например, тогда, когда на национальном уровне исчерпали свои возможности защиты своих прав.

Одновременно заметим, что в действующем белорусском законодательстве необходимо предусмотреть ответственность (дисциплинарную или административную) юридических лиц за недостоверный, неполный ответ по запросу Комиссии или оставление запроса без ответа.

В Регламенте Совета Министров Республики Беларусь [11], а также в Положении о министре Республики Беларусь, утвержденном указом Президента Республики Беларусь от 21 ноября 2001 г. № 692 [12], следовало бы специально оговорить

порядок рассмотрения обращений граждан, юридических лиц, инициирующих обращение этих субъектов власти в органы ЕАЭС, в частности в ЕЭК. Аналогичное правило должно быть закреплено в нормативных правовых актах, определяющих статус иных органов исполнительной власти. Отказ в направлении на рассмотрение такого инициативного обращения в органы ЕАЭС может быть оспорен в национальном суде.

Приемлемые подходы для взаимоотношений юридических лиц, граждан и властных структур, которые можно использовать по аналогии, предусмотрены в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [13] и законе «О конституционном судопроизводстве» [14].

Так, согласно Кодексу государственные органы, не обладающие правом непосредственного обращения в Конституционный Суд, иные организации, а также граждане, в том числе индивидуальные предприниматели, обращаются с инициативой о внесении предложений, рассмотрение которых подведомственно Конституционному Суду Республики Беларусь, к Президенту Республики Беларусь, органам, обладающим правом внесения в Конституционный Суд Республики Беларусь таких предложений. Инициативные обращения подаются и рассматриваются в порядке, установленном законодательством. Обращения граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц, направленные непосредственно в Конституционный Суд Республики Беларусь, рассматриваются им в порядке, установленном законодательством об обращениях граждан и юридических лиц.

В законе «О конституционном судопроизводстве» дано определение инициативного обращения. Это обращение государственных органов, не являющихся уполномоченными органами, иных организаций, а также граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, к уполномоченным органам с инициативой о внесении предложения в Конституционный Суд Республики Беларусь. В инициативных обращениях должны быть указаны вопросы для судебного разбирательства в Конституционном Суде, а также обоснование выводов и предложений.

Инициативные обращения рассматриваются уполномоченными органами в порядке, установленном законодательными актами, закрепляющими правовой статус соответствующих уполномоченных органов, и принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность этих органов, с учетом требований законодательства об обращениях граждан и юридических лиц.

По результатам рассмотрения инициативного обращения уполномоченный орган принимает решение о внесении соответствующего предложения в Конституционный Суд либо об отказе в его внесении.

О принятом решении информируются государственные органы, иные организации или граждане, в том числе индивидуальные предприниматели, направившие инициативное обращение.

Предложение, основанное на инициативном обращении, вносится в Конституционный Суд уполномоченным органом в десятидневный срок со дня принятия им решения о внесении соответствующего предложения в Конституционный Суд.

Предложение, основанное на инициативном обращении, должно отвечать требованиям, установленным настоящим Законом.

В предложении, основанном на инициативном обращении, также должно быть указано, что оно вносится на основании инициативного обращения.

К предложению, основанному на инициативном обращении, прилагается копия инициативного обращения.

Предложение инициатора, внесенное в Конституционный Суд, подлежит обязательной регистрации и рассмотрению в Секретариате Конституционного Суда для последующего доклада Председателю Конституционного Суда.

Конечно, должно быть определено предварительное изучение предложения инициатора на уровне соответствующих структур аппарата министерства, правительства, должностные лица которых по результатам предварительного изучения предложения инициатора излагают свое мнение о наличии оснований для возбуждения производства по делу и готовят проект соответствующего решения, который может быть предметом рассмотрения уполномоченного органа.

Должны быть решены вопросы, связанные с отказом рассмотрения инициативного обращения (речь можно вести не только о судебном обжаловании), а также с его отзывом из ЕЭК (иных органов ЕАЭС). Полагаем, что такие действия можно также обжаловать вышестоящему органу (должностному лицу).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие / Л.Д. Воеводин. – М.: Изд-во МГУ, изд. группа НОРМА – ИНФРА-М, 1997. – 304 с.
2. Головистикова, А.Н. Права человека: учебник / А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына. – И.: Эксмо, 2008. – 448 с.
3. Общая теория прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Изд-во НОРМА, 1996. – 520 с.
4. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. –

- 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 863 с.
5. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М.В. Баглай. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Изд-во НОРМА, изд. группа НОРМА – ИНФРА-М, 2001. – 800 с.
6. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Спарк, 2001. – 670 с.
7. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 83. – 2/1852.
8. Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
9. Режим доступа: http://www.geti.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=609&catid=42&lang=ru. – Дата доступа: 02.06.2015.
10. Режим доступа: <http://www.president.am/ru/chapter2>. – Дата доступа: 25.05.2015.
11. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 53. – 5/29310.
12. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 111. – 1/3252.
13. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 107. – 2/1236.
14. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2014. – 2/2122.

УДК 340.115

О конституционном институте источников права и соотношении понятий «источники права» и «формы права»

Н.В. Сильченко

Белорусский государственный университет

Национальная теория источников права должна опираться на закономерности развития и функционирования белорусской правовой системы, на доктринальные разработки отечественных и зарубежных авторов. Предполагается, что данная теория должна строиться на основе конституционного института источников права, который будет оказывать возрастающее влияние на юридическую доктрину и позволит решить ряд дискуссионных вопросов теории права.

Цель статьи – рассмотреть соотношение понятий «источники права» и «формы права» сквозь призму самостоятельного конституционного института источников права и, опираясь на дух данного института, выбрать оптимальную словоформу для обозначения внешних форм существования позитивного права.

Материал и методы. Материалом исследования послужила практика закрепления в Основных законах современных государств ранее сформулированных доктринальных положений о системе источников национального и международного права, а также доктринальные разработки белорусских и российских авторов по вопросам источников и формы права. Основными методами являются диалектический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-логический и сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. Система конституционных положений, принципов и норм, которые образуют самостоятельный конституционный институт, оказывает заметное воздействие на рассмотрение ряда дискуссионных проблем, в частности, на вопрос о выборе адекватного термина для обозначения внешних форм выражения и закрепления действующего позитивного права. Словоформы «источники права» и «формы права» нельзя использовать в качестве синонимов, а понятие нормы права является связующим моментом между данными словоформами и позволяет отграничить нормативную и ненормативную части права, наполнить содержание каждой из рассматриваемых словоформ конкретным смыслом. Наиболее подходящей словоформой для обозначения внешних форм позитивного права является термин «источники права».

Заключение:

1. Совокупность принципов и норм права Основного закона государства, в которых закрепляется система источников права, структурные и функциональные связи между источниками национального и международного права и формируют самостоятельный конституционный институт источников права. Принципы и нормы, образующие данный институт, структурно не обособлены в форме самостоятельной главы или раздела Основного закона страны, но очень тесно связаны между собой предметно и функционируют как единое целое.

2. Закрепление основных элементов конституционного института источников права шло постепенно и сопровождалось установлением и формированием системы организационно-правовых механизмов и органов, которые обеспечивают верховенство Конституции (Основного закона), ее непосредственное действие, иерархию в системе источников национального права и т.д. Организационно-правовые механизмы и органы, обеспечивающие верховенство Основного закона, вместе с системой закрепленных в конституции государства отдельных видов источников права определяют выбор адекватных терминов для обозначения внешних форм позитивного права.

3. Термин «формы права» наиболее адекватно обозначает формы позитивного права – правовые отношения, правовое сознание и т.д., а термин «источники права» – внешние формы бытия норм права. Такое соотношение данных словоформ отвечает духу конституционного

института источников права. В текстах конституций современных государств содержится характеристика отдельных видов источников позитивного права, которая осуществляется посредством определения компетенции органов власти и издаваемых ими правовых актов, содержащих нормы права. В этом смысле любые иные словоформы для обозначения внешних форм бытия норм права диссонировали бы с буквой и духом Основного закона государства.

Ключевые слова: институт права, полисемия, источник права, форма права.

On the Constitutional Institution of Sources of Law and Interrelation of the Concepts of “Source of Law” and “Form of Law”

M.V. Silchanka

Belarusian State University

National sources of law theory must be based on the laws of development and functioning of the Belarusian legal system, on the doctrinal elaboration by domestic and foreign authors. It is assumed that this theory should be based on the constitutional institution of sources of law, which will have increasing influence on the legal doctrine and will solve a series of debatable issues of the law theory.

The purpose of the article is to consider the ratio of the concepts “sources of law” and “form of law” in the light of the constitutional institution of independent sources of law, and to choose the optimum word form to indicate the existence of the external forms of positive law, based on the spirit of this institution.

Material and methods. The material of the study was the practice of fixation of previously formulated doctrinal theses concerning the system of sources of national and international law in the Basic Law of contemporary states, as well as the doctrinal elaborations by the Belarusian and Russian authors on the sources and forms of law. The main methods are dialectical method, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, formal-logical method and the method of comparative law.

Findings and their discussion. The system of constitutional provisions, principles and rules that form the independent constitutional institution have a significant impact on the consideration of a number of controversial issues, particularly on the issue of the choice of an appropriate term for the external forms of expression and fixation of the current positive law. The word forms of “sources of law” and “form of law” cannot be used as synonyms, but the concept of the rule of law is the connecting point between the word forms and allows distinguishing the regulatory and non-right part, filling the contents of each of the considered word forms with specific content. The most suitable word form to designate the external forms of positive law is the term of “sources of law”.

Conclusion:

1. The aggregate of the principles and legal regulations of the Basic Law of the State in which the system of sources of law, structural and functional connection between the sources of national and international law are fixed, and constitute an independent constitutional institution of sources of law. The principles and norms that form the institution are not structurally separated in the form of an independent chapter or section of the Constitution, but are related, concerning the subject, and function as a whole unit.

2. Securing the basic elements of the constitutional institution of the sources of law has been gradual and was accompanied by the establishment and formation of the organizational and legal mechanisms and institutions that ensure the rule of the Constitution (Basic Law), its direct effect, the hierarchy in the system of sources of national law, etc. Organizational and legal mechanisms and institutions ensuring the supremacy of the Constitution, together with the system of certain types of law sources enshrined in the Constitution of the State, predetermine the choice of adequate terms to refer to the external forms of positive law.

3. The term “forms of law” represents most adequately forms of positive law – legal relations, legal consciousness, etc., and the term “sources of law” represents the outward forms of the law existence. This correlation of the word forms data corresponds to the spirit of the constitutional institution of the sources of law. The texts of the Constitution of contemporary states contain characteristics of individual types of sources of positive law, which is carried out by determining the competence of authorities and their legal acts containing norms of law. In this sense, any other word forms to refer to the external forms of law existence would be discordant with the letter and spirit of the Basic Law of the state.

Key words: law institution, polysemy, the source of law, the form of law.

После проведения сплошной кодификации белорусского законодательства, которая была успешно осуществлена к началу XXI века, настало время теоретического осмысления системы источников позитивного права и назрела необходимость создания национально ориентиро-

ванной теории источников права. Данная теория должна опираться на закономерности развития и функционирования позитивного права и белорусской правовой системы в целом, на доктринальные разработки отечественных и зарубежных авторов. При этом следует определиться с рядом дискуссионных вопросов, в частности, с пробле-

мой, которая не имеет пока однозначного решения ни в российской, ни в белорусской юридической науке – о нахождении адекватного термина (словоформы) для обозначения внешних форм выражения и закрепления норм права. Ведущиеся уже более полувека дискуссии о соотношении понятий «источники права» и «формы права» фактически зашли в тупик, аргументы повторяются, а проблема остается.

В этих условиях надо выйти за рамки сугубо доктринального понимания проблемы и взглянуть на нее с точки зрения действующего позитивного права. Возможно, действующее законодательство подскажет правильный путь решения данной проблемы. Тем более, что Основной закон Республики Беларусь в плане закрепления системы источников позитивного права выгодно отличается от конституций иных государств, в нем содержатся основополагающие идеи о видах источников права, их соотношении и классификации, которые объединяются, на наш взгляд, в самостоятельный конституционный институт источников права. Если это так, то содержание конституционного института источников права должно оказывать воздействие на содержание доктринальных понятий «источники права» и «формы права».

Цель статьи – рассмотреть соотношение понятий «источники права» и «формы права» сквозь призму самостоятельного конституционного института источников права и выбрать оптимальную словоформу для обозначения внешних форм существования позитивного права.

Материал и методы. Материалом исследования послужила практика закрепления в Основных законах современных государств ранее сформулированных доктринальных положений о системе источников национального и международного права. Основными методами являются диалектический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-логический, сравнительно-го правоведения.

Результаты и их обсуждение. Конституция Республики Беларусь оказывает мощное воздействие на развитие общества, очерчивает границы правового регулирования общественных отношений и векторы развития национальной правовой системы, закрепляет систему источников национального права и механизм соотношения национального и международного права. Положение Основного закона страны в национальной правовой системе и его роль в отношении системы источников белорусского права таковы, что можно вести речь о наличии в Конституции государства самостоятельного конституционного института – института источников права [1, с. 216–217].

Под институтом права в общей теории права понимается относительно обособленный комплекс взаимосвязанных норм права, которые регулируют однородный вид или сторону общественных отношений [2, с. 15], а его формальным признаком считается внешнее обособление группы норм права в текстах нормативных правовых актов в виде самостоятельных глав или разделов [3, с. 24]. Данные общетеоретические положения находят конкретизацию и уточнение в теории конституционного права. Не для каждого института конституционного права требуется внешнее обособление в виде самостоятельных глав или разделов. Важнее другое – институт конституционного права представляет группу норм права, тесно связанных между собой и функционирующих как единое целое [4, с. 76–77].

Как представляется, институт источников права полностью соответствует требованиям, предъявляемым к институтам конституционного права. В самом общем плане он включает в себя систему конституционных положений и норм права, в которых находят закрепление система источников права, разнообразные связи между источниками национального права, их соотношение с международным правом и т.д. и которые имеют значение для всех отраслей национального права. Эти положения и нормы структурно не обособлены в форме самостоятельной главы или раздела Основного закона страны, но тесно связаны между собой предметно и функционируют как единое целое.

К элементам института источников права можно отнести конституционные положения и отдельные нормы права, посредством которых:

- 1) закрепляется система (набор) источников национального права;
- 2) устанавливаются субординационные, предметные и функциональные связи между источниками права;
- 3) формулируются механизмы, с помощью которых система источников права поддерживается в рабочем состоянии;
- 4) очерчиваются и закрепляются формы имплементации источников международного права в национальную правовую систему.

Закрепление основных элементов конституционного института источников права сопровождается установлением и формированием системы организационно-правовых механизмов и органов, которые обеспечивают верховенство Конституции (Основного закона), ее непосредственное действие, иерархию в системе источников национального права и т.д.

Закрепление отдельных элементов данного института в текстах конституций шло постепенно и важно исследовать, каким образом и в каких формах и направлениях увеличение объема конституционного регулирования, а также расширение (сужение) сферы конституционного регулирования оказывали влияние на становление тех или иных элементов данного института. Это самостоятельная проблема, требующая своего обстоятельного анализа, а сейчас обратим внимание на ряд наиболее существенных моментов в формировании обозначенных составных частей института источников права.

В текстах первых конституций закреплялись правила и нормы, касающиеся отдельных видов источников права (закон, декрет и т.д.), требования и положения о необходимости соблюдения норм права, изданных органами верховной государственной власти. Но уже в текстах конституций, принятых во второй половине XX века, число норм об источниках права резко возрастает, появляются нормы об источниках международного права и закрепляются положения об их соотношении с источниками национального права.

Параллельно с закреплением системы источников национального права в текстах конституций проходил и процесс установления иерархии между ними. Ярким примером здесь может быть Конституция США. Известно, что в 1803 году Верховный Суд Соединенных Штатов Америки при рассмотрении дела У. Мэрбери против Дж. Медисона под председательством судьи Дж. Маршалла, которое значится под № 1, впервые в американской доктрине объявил, что федеральная Конституция является высшим законом страны и что судебная власть вправе квалифицировать любой закон Конгресса и Штатов как неконституционный и недействительный в случае, если он будет противоречить Основному закону страны.

Одной из первых попыток создания механизма соотношения источников национального и международного права можно считать закрепление в ст. 55 Основного закона пятой Французской Республики правила, согласно которому международные договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу законов, с момента опубликования при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной.

Понятие конституционного института источников права – основа определения адекватного термина (словоформы) для обозначения внешних форм бытия права.

Для обозначения внешних форм существования норм права в отечественной юридической

науке чаще всего используются два термина – «источники права» и «формы права». При этом как словоформа «источники права», так и термин «формы права» наполняются разным содержанием. Отдельные авторы в многозначности рассматриваемых терминов не только не видят ничего плохого, а наоборот, рассматривают данную ситуацию в качестве одного из достоинств юридической науки, полагая, что в этом случае у исследователей появляется возможность учесть неполное совпадение права и закона, несовершенство формы права, ее отрыв от источника и сущности, считают, что использование одного и того же понятия для обозначения разных социально-правовых явлений имеет важное теоретическое и методологическое значение, а сужение содержания термина до одного смысла является нецелесообразным [5, с. 8].

Вряд ли можно согласиться с такими выводами. Дело в том, что учение об источниках права входит в состав правовой догмы – важнейшей составной части юриспруденции, которая при совершенно разных типах понимания права требует точности, ясности и единообразия в понимании и использовании понятий и терминов. Для правовой догматики многозначность (полисемия) терминов и понятий является делом крайне нежелательным и даже вредным. В свое время Ш. Монтескье в работе «Дух законов» выдвинул требование, чтобы слова закона вызывали у людей одинаковые понятия [6, с. 651–653], а один из классиков отечественной теории законодательной техники И.Л. Брауде относительно многозначности терминов, используемых при создании законов, отмечал недопустимость применения одного и того же термина к разным по содержанию понятиям [7, с. 105].

Полисемия заставляет искать единообразие в использовании терминов и понятий путем закрепления их определений в законодательстве. Как правило, после нормативного правового закрепления происходит последующая адаптация содержания правового термина в ходе повседневной правотворческой и правоприменительной практики и его последующее употребление в юридической науке в строго определенном смысле. Однако далеко не всегда такой выход из «терминологического кризиса» возможен. Дело в том, что в правовой системе существуют понятия, которыми оперирует юридическая наука, но которые не используются в позитивном праве и потому не оказывают непосредственного влияния на правоприменительную практику. Так, в позитивном праве применяются термины, обозначающие отдельные виды источников права, – закон, де-

крет, указ, постановление, обычай и т.д., а родовой термин для всей совокупности внешних форм выражения и закрепления норм права – «источники права» – употребляется преимущественно в научной и учебной литературе.

Есть и иной выход – найти другой, более подходящий и адекватный термин для обозначения внешних форм выражения и закрепления норм права. В юридической науке предпринимались попытки замены термина «источники права» другим термином – «формы права» [8], которые, правда, не увенчались успехом, но породили при этом новые сложности. Так, в учебной литературе данные понятия стали использовать в качестве конкретизирующих друг друга и в названии соответствующих глав учебников и учебных пособий после термина «формы права» начали применять уточняющий термин «источники права» [8, с. 336]. Вместе с тем, понятие «формы права» также неоднозначно. Его, например, используют для обозначения не только внешней, но и внутренней формы (структуры) права. Таким образом, вместо уточнения содержания используемого термина «источники права» происходит нагромождение и усложнение терминологии, а суть вопроса не только не проясняется, а еще более запутывается.

В современной юридической литературе существует, по крайней мере, три позиции относительно того, каким образом соотносятся между собой термины «формы права» и «источники права» [9, с. 8]:

1) термины «формы права» и «источники права» являются тождественными;

2) термины «формы права» и «источники права» разделяются, но разделение их проводится в различных вариантах;

3) термины и понятия «формы права» и «источники права» полностью разделяются без их пересечения, но при наличии других терминов, при помощи которых термины «формы права» и «источники права» можно сопоставить между собой.

В общем плане мы разделяем третий из указанных методологических подходов и по «джентльменскому соглашению», как образно выразился профессор Г.И. Муромцев [10, с. 290], для определения внешних форм выражения и закрепления действующих в обществе норм позитивного права полагаем целесообразным использовать термин «источники права». Представляется также, что выбор термина «источники права» для обозначения внешних форм бытия норм права находится в русле содержания отдельного конституционного института источников права. Дело в том, что в Основном законе страны отдельные виды источников права опре-

деляются сквозь призму компетенции органов власти и норм права, которые содержатся в издаваемых разными структурами власти правовых актах. В этих условиях использование любого иного термина для обозначения внешних форм бытия норм права вступало бы в противоречие с буквой и духом Конституции государства, что вело бы к разрыву между доктринальными наработками и действующим позитивным правом. Если среди доктринальных наработок уже имеется соответствующая словоформа для обозначения внешних форм бытия норм права, которая соответствует положениям позитивного права, то именно ей и следует отдать предпочтение. Такой словоформой, на наш взгляд, является термин «источники права».

Под формами права в этом случае можно было бы понимать правосознание, правовые отношения и нормативно закреплённую часть права, в которых реально существует и проявляется действующее позитивное право. При таком понимании терминов «источники права» и «формы права» они наполняются конкретным содержанием, устраняется полисемия в их использовании на доктринальном уровне. Связующим понятием, с помощью которого можно сопоставить и соотнести словоформы «источники права» и «формы права», является в этом случае понятие нормы права, поскольку оно, во-первых, позволяет установить точное содержание словоформы «источники права» и, во-вторых, отграничить в формах действующего позитивного права его нормативную и ненормативную составляющие и, таким образом, конкретизировать содержание понятия «формы права».

Заключение.

1. В текстах конституций современных государств содержатся принципы и нормы права, в которых закрепляются система источников права, структурные и функциональные связи между источниками национального и международного права. Они образуют самостоятельный конституционный институт источников права, хотя структурно и не обособлены в форме самостоятельной главы или раздела Основного закона страны. Данные принципы и нормы права связаны между собой предметно и функционируют как единое целое.

2. Закрепление института источников права в текстах конституций современных государств шло постепенно и сопровождалось установлением и формированием системы организационно-правовых механизмов и органов, которые обеспечивают верховенство Конституции (Основного закона), ее непосредственное действие,

иерархию в системе источников национального права и т.д. Организационно-правовые механизмы и органы, обеспечивающие верховенство Основного закона, вместе с системой закрепленных в Конституции государства отдельных видов источников права определяют выбор адекватных терминов для обозначения внешних форм позитивного права.

3. Термин «формы права» наиболее адекватно обозначает формы позитивного права – правовые отношения, правовое сознание и т.д., а термин «источники права» – внешние формы бытия норм права. Такое соотношение данных словоформ отвечает духу конституционного института источников права. В текстах конституций современных государств содержится характеристика отдельных видов источников позитивного права, которая осуществляется посредством определения компетенции органов власти и издаваемых ими правовых актов, содержащих нормы права. В этом смысле любые иные словоформы для обозначения внешних форм бытия норм права диссонировали бы с буквой и духом Основного закона государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сильченко, Н.В. Конституционные основания системы источников белорусского права / Н.В. Сильченко // Генетические закономерности права: сб. науч. трудов, посвященных 90-летию со дня рождения профессора С.Г. Дробязко / редкол.: С.А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – С. 216–221.
2. Киримова, Е.А. Правовой институт: понятие и виды: учеб. пособие / Е.А. Киримова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 83 с.
3. Милушин, М.И. Проблемы формирования комплексных образований в законодательстве России / М.И. Милушин. – М.: Изд-во ЮНИКО-ИНФОРМ, 2003. – 96 с.
4. Пляхимович, И.И. Основы конституционного строя: теория института / И.И. Пляхимович. – Минск: Право и экономика, 2008. – 160 с.
5. Томашевский, К.Л. Новые концептуальные подходы к понятию и классификации источников трудового права / К.Л. Томашевский // Вестн. БГУ. – 2010. – № 1. – С. 6–10.
6. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 15–680.
7. Брауде, И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права / И.Л. Брауде. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 159 с.
8. Шебанов, А.Ф. Форма советского права / А.Ф. Шебанов. – М.: Юридическая литература, 1968. – 289 с.
9. Теория государства и права: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1997. – 475 с.
10. Бошно, С.В. Правотворчество: путь от источника к форме права: лекции / С.В. Бошно. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 102 с.
11. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 816 с.

Социально-экономический потенциал и проблемы устойчивого развития Витебской области

Л.Ф. Трацевская

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

В современных условиях конкурентоспособность как национальной, так и региональных экономик Республики Беларусь во многом определяется их устойчивым развитием.

Цель данной статьи – исследование современного состояния социально-экономического потенциала Витебской области и выявление проблем ее устойчивого развития.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных ученых-экономистов, статистические данные, характеризующие развитие экономики Витебской области. В качестве основных методов исследования использовались логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Переход к устойчивому развитию – ключевая социально-экономическая задача суверенной Беларуси. Важную роль в этом процессе призваны сыграть все ее регионы, в том числе и Витебская область. В настоящее время устойчивое развитие экономики данного региона напрямую связано с состоянием его социально-экономического потенциала, для которого характерны как достоинства, так и недостатки. В качестве достоинств можно выделить выгодное геополитическое положение, развитые промышленный и агропромышленный комплексы, значительную природно-ресурсную базу для успешного функционирования различных видов туризма (событийного, познавательного, религиозного, экологического, оздоровительного и др.). В то же время устойчивое развитие области сдерживается недостаточной эффективностью и доходностью хозяйственной деятельности участников региональной экономики, нерациональным использованием местных видов ресурсов и промышленных отходов, демографическими проблемами, недостаточной восприимчивостью хозяйствующих субъектов к инновациям. В связи с этим очень важно предпринимать усилия по наращиванию социально-экономических возможностей Витебщины, своевременно решать возникающие проблемы и устранять угрозы ее устойчивому развитию.

Заключение. Современное социально-экономическое развитие Витебской области в значительной мере определяется устойчивым функционированием ее экономики, для которого она располагает значительным потенциалом, позволяющим ей решать многие проблемы, возникающие на этом пути. Своевременное выявление и поэтапное устранение угроз, препятствующих устойчивому развитию региона, будут способствовать формированию собственного уникального облика области и позиционированию ее как экологически благополучной, безопасной территории, позволит повысить ее привлекательность для жителей и конкурентоспособных субъектов хозяйствования, осуществлять региональную политику, адекватную требованиям современной экономической ситуации.

Ключевые слова: регион, социально-экономический потенциал, устойчивое развитие, проблемы.

Social and Economic Potential and Issues of Stable Development of Vitebsk Region

L.F. Tratsevskaya

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”

At present competitiveness of both national and regional economies of the Republic of Belarus is to a great extent determined by their stable development.

The purpose of the article is the study of the contemporary state of social and economic potential of Vitebsk Region and identification of the issues of its stable development.

Material and methods. The material was works by home scientists-economists, statistical data which characterize the development of the economy of Vitebsk Region. The main methods of the research were logical and deductive, ascent from abstract to concrete, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. Transition to stable development is a key social and economic task of the sovereign Belarus. All its regions play an important role in this process, Vitebsk Region including. At present stable development of the Region economy is directly linked with the status of its social and economic potential for which both advantages and disadvantages are typical. As advantages beneficial geopolitical location, developed

industrial and agro industrial complexes, considerable natural resource base for successful functioning of different tourism types (event, cognitive, religious, ecological, health maintaining etc.) can be identified. At the same time stable development of the Region is retarded by insufficient efficiency and income of the economical activity of the Regional economy participants, irrational use of local types of resources and industrial wastes, demographic problems, insufficient acceptance of innovations by economy subjects. In connection with this it is important to make attempts on increasing social and economic possibilities of Vitebsk Region, to timely solve emerging problems and remove threats to its stable development.

Conclusion. Contemporary social and economical development of Vitebsk Region is considerably determined by stable functioning of its economy, for which it possesses considerable potential, which makes it possible to solve lots of arising problems. Timely identification and step by step removal of threats, which prevent from stable development of the Region, will facilitate shaping own unique image of the Region and considering it to be ecologically well off, safe area, make it possible to increase its attraction for residents and compatible subjects of economy, perform regional policy, which is appropriate to requirements of the contemporary economic situation.

Key words: region, social and economic potential, stable development, problems.

Социально-экономические преобразования в Республике Беларусь, вхождение ее в мировое сообщество как суверенного государства, выстраивание ею эффективной модели социально-экономического обустройства осуществляются с учетом мировых тенденций, важнейшая из которых – стремление к решению проблемы устойчивого развития на основе принципов, выработанных на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.).

Идея устойчивого развития, возникшая в результате осознания человечеством ограниченности природно-ресурсного потенциала для экономического роста, а также надвигающейся опасности необратимых негативных изменений в окружающей среде, нашла в Беларуси широкое признание. Устойчивое развитие предполагает положительную динамику изменения важнейших взаимосвязанных индикаторов (в триаде – население, хозяйство и природа), отражающих стабильное функционирование и сбалансированное поступательное движение социальной, экономической и экологической сфер.

Переход к устойчивому развитию имеет глобальный, национальный и региональный аспекты. В начале XXI века все более вырисовывается планетарная проблема не столько прогресса, сколько выживания человечества, если странами мира не будут найдены иные социально-экономические модели, не разрушающие, а восстанавливающие и сохраняющие природно-ресурсный потенциал планеты; не углубляющие, а выравнивающие перепады в уровне жизни их населения; не увеличивающие, а сокращающие разрыв в уровне эффективности их экономических систем. Что же касается регионального аспекта перехода к устойчивому развитию, то он состоит в совокупности демографических, природно-климатических, исторических, социально-экономических и других характеристик административно-территориальных элементов различных стран мира, определяющих общее в их судьбе, в современном положении и поиске путей дальнейшего развития.

В соответствии с этим каждая страна находит свое суверенное место в мировом сообществе, выстраивает национальную стратегию устойчивого развития на основе только ей присущих геополитических, географических, социально-экономических, экологических, демографических и других особенностей. Республика Беларусь, разделяя основные рекомендации и принципы документов, принятых в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, видит необходимость осуществления перехода к устойчивому развитию для обеспечения сбалансированного осуществления социально-экономических мероприятий по сохранению благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений белорусов. В то же время подходы к решению данной проблемы на региональном уровне в Беларуси еще не достаточно разработаны и освещены, что определяет актуальность исследования возможностей устойчивого развития Витебской области на современном этапе.

Вследствие обозначенного цель настоящей статьи состоит в изучении современного состояния социально-экономического потенциала Витебщины и выявлении проблем ее устойчивого развития.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных ученых-экономистов, статистические данные, характеризующие развитие экономики Витебской области. В качестве основных методов исследования использовались логико-дедуктивный, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Переход Республики Беларусь к устойчивому развитию во многом определяется активным участием в этом процессе всех внутриреспубликанских регионов и административно-территориальных единиц. Все они существенно различаются как по уровню социально-экономического развития, так и по структуре своего хозяйства, занимают определенное место во внутриреспубликанском разделении труда. При этом необходимо учитывать, что ре-

гионы Беларуси функционируют в определенных специфических условиях, имеют свои особенности социально-экономического, природно-географического и экологического характера.

Важную роль в устойчивом социально-экономическом развитии Беларуси призван играть и играет один из ее ключевых регионов – Витебская область. Она расположена на севере Беларуси, в среднем течении Западной Двины и верховьях Днепра. Площадь территории области – 40 тыс. км², или 19,4% общей площади Республики Беларусь, протяженностью с севера на юг от 75 до 176 км, с запада на восток – более 300 км. Внешним окружением области являются Литва, Латвия и Российская Федерация (Смоленская и Псковская области). Общая протяженность границ с сопредельными государствами составляет 933,8 км, в том числе с Россией – 575,8 км, Латвией – 165,8 км, Литвой – 192,2 км. На западе область граничит с Гродненской, на юге – с Минской и Могилевской областями Республики Беларусь [1].

Витебская область является наименее заселенным регионом республики с мелкоселенным типом расселения жителей. На начало 2014 г. на территории области проживало 1202,1 тыс. человек. При этом число жителей на 1 км² составляет 30 человек, что в три раза меньше, чем в наиболее заселенной в Беларуси Гродненской области. Из 6268 сельских населенных пунктов региона более 81,6% имеют численность до 50 человек, более 30% – до 10 человек. На 1 сельский населенный пункт приходится 47 человек, что в 2,5 раза меньше, чем в среднем по Республике Беларусь [2].

Область играет заметную роль в структуре экономики Беларуси, на его территории проживает 12,8% жителей, сосредоточено 12,6% трудовых ресурсов страны, 12,1% ее занятого населения. Доля региона в ВВП Республики Беларусь составляет порядка 8–10%, в республиканских объемах промышленного производства – 17,5%, сельскохозяйственного производства – 15,3%. Основной производственный потенциал региона сосредоточен в крупных городах – областном центре Витебске, городах Новополоцке, Орше, Полоцке и Новолукомле.

Как показало исследование, социально-экономическому потенциалу Витебской области присущи следующие сильные стороны и преимущества, обуславливающие возможности ее устойчивого развития.

1. Выгодное экономико-географическое положение и развитые транспортные коммуникации

По территории области проходят транспортные артерии, связывающие с Европой наиболее крупные и развитые экономические регионы России. Это два европейских транс-

портных коридора: Критский № 2 (Берлин–Варшава–Минск–Москва), Критский № 9 (Хельсинки–Санкт-Петербург–Киев–Кишинев–Бухарест). Такие крупные экономические центры, как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Варшава, Вильнюс, Рига, находятся на расстоянии 400–800 км от областного центра, удаленность от морского порта Клайпеды составляет 400 км [1]. Железнодорожные узлы Витебска и Орши имеют международное значение. В данных городах расположены аэропорты, обеспечивающие возможность организации грузовых и пассажирских авиаперевозок. Аэропорт «Витебск» категории IV «В» имеет разрешительный документ на эксплуатацию в ограниченных метеорологических условиях и способен принимать все типы современных авиалайнеров (Ил-76, Ту-154, В-737-800, В-757-200, А-310-200 и др.). Аэропорт на территории ОАО «Оршанский авиаремонтный завод» имеет класс «Б», что позволяет принимать воздушные суда в дневное время. По территории области проходит оптиковолокночная линия от Орши до Берлина, газопровод Ямал–Европа. Значимость географического положения области повысилась в связи с наращиванием грузопотоков Россия–Калининградская область Российской Федерации. Данные обстоятельства свидетельствуют о значительных логистических возможностях Витебщины.

2. Значимый индустриальный потенциал

Основу сформированного на территории региона хозяйственного комплекса составляет промышленность, в которой занято 24,1% общей численности экономически активного трудоспособного населения, производится 78% регионального ВВП, 33,5% валовой добавленной стоимости.

По ряду позиций Витебская область занимает монопольное или доминирующее положение на отдельных рынках. Регион производит 100% республиканских объемов стеклотканей, акриловых волокон, полиэтилена высокого давления, 44% электроэнергии, 54% металлорежущих станков, 50% телевизоров, 67% рапсового масла. На ее территории расположены РУПТП «Оршанский льнокомбинат», производящий 100% льняных тканей республики; ОАО «Витебский ковровый комбинат», доля продукции которого в республиканских объемах коврового производства составляет 90%; а также комплекс обувных предприятий, производящих 48% республиканских объемов данной товарной группы и др. Кроме того, в регионе находится единственный в Беларуси меховой комбинат [3].

Решающее влияние на результаты работы экономического комплекса области оказывают производственные объекты республиканского значения – ОАО «Нафтан», включая завод

«Полимир», ОАО «Полоцкстекловолокно», Новолукомльская ГРЭС. Промышленный потенциал региона имеет открытый характер и ориентирован на внешние рынки. По большинству видов продукции экспорт составляет более 50% производимого объема, по отдельным позициям (акриловые волокна, органические кислоты, полиэтилен, стеклоткани) превышает 90%.

3. Развитый агропромышленный комплекс

На долю Витебщины приходится 17,2% республиканской площади земель сельскохозяйственного назначения. При этом по их качеству область существенно уступает другим регионам республики: низкий бонитет сельхозугодий сочетается здесь с высокой завалуненностью, глинистыми почвами, мелкоконтурностью и раздробленностью земельных участков. При более суровых, чем в других регионах Беларуси, климатических условиях это существенно ограничивает возможности растениеводства [3]. В то же время имеющиеся ресурсы достаточны для обеспечения потребностей животноводства в кормах, а населения – в основных продуктах питания.

Специализацией сельскохозяйственного производства области является молочно-мясное скотоводство с развитым свиноводством, значимое место занимает птицеводство. В республиканском разделении труда область специализируется на выращивании льна (более 30% республиканских объемов производства). Имеющиеся производственные мощности пищевой промышленности позволяют полностью перерабатывать получаемую сельскохозяйственную продукцию. Проведенная модернизация обеспечивает конкурентоспособность продукции переработки на внутреннем и внешнем рынках.

4. Наличие уникальных водных ресурсов и природных ландшафтов

По запасам поверхностных вод Витебская область занимает первое место в республике, более 90% ее территории входит в зону Белорусского Поозерья. Количество озер составляет 2,8 тысячи (89% всех озер Беларуси) [3]. Уникальные верховые болота региона называют «легкими Европы». На долю Витебщины приходится 22,3% всех особо охраняемых природных территорий республики. В регионе расположена большая часть ГПУ «Березинский биосферный заповедник» (Лепельский и Докшицкий районы), НП «Браславские озера» (Браславский район), 6 ландшафтных, 5 биологических и 13 гидрологических заказников республиканского значения, 76 памятников природы республиканского и 166 – местного значения. Два заказника – Освейский (Верхнедвинский район) и Ельня (Миорский и Шарковщинский районы) – имеют международный статус и относятся

к Рамсарским территориям. Природно-климатическое и ландшафтное разнообразие Витебской области в совокупности с имеющимися значительными рекреационными ресурсами обуславливают хорошие возможности для организации и развития здесь экологического туризма. Значимость рекреационных ресурсов и ландшафтов области повышается благодаря практическому отсутствию на территории региона радиоактивного загрязнения. Наличие в регионе, помимо лесозерных и лесоречных природных комплексов, запасов сульфатных и хлоридно-сульфатных минеральных вод, позволяющих организовать отвечающее современным медицинским требованиям бальнеологическое лечение, имеет большое значение для развития здесь эффективной санаторно-курортной деятельности [3].

5. Разнообразные сырьевые ресурсы, пригодные для промышленного использования

В регионе расположено более трети республиканских запасов торфа. Сосредоточение на его территории почти 100% разведанных в Беларуси запасов доломитов, 14% республиканских запасов строительных песков, 35% запасов песчано-гравийного материала, 38% балансовых запасов глинистого сырья (по разрабатываемым запасам – 47%) способствует размещению здесь предприятий по производству легких заполнителей, дренажных труб, разнообразных стеновых материалов, извести, строительного песка. Витебская область располагает более 77% республиканских запасов сапропелей. Добыча и применение сапропеля (более половины озер Витебщины – сапропелепродуктивные), являющегося природным высокоэффективным удобрением, открывает широкие возможности для повышения продуктивности регионального сельскохозяйственного производства. Кроме того, наличие на территории региона значительного количества озер открывает широкие возможности для развития промышленного рыбоводства [3]. Большим потенциалом обладают лесные ресурсы: 39,5% земельного фонда области занято лесами и кустарниками (1580,3 тыс. га), запас древесины оценен на уровне 292,8 млн м³. Общие запасы древесины в лесах области составляют порядка 1/5 всех запасов Беларуси.

6. Наличие достаточно развитого научно-исследовательского потенциала и системы подготовки кадров, отвечающих структуре социально-экономического комплекса

В регионе функционирует 4 учреждения НАН Беларуси, 11 исследовательских и конструкторских подразделений промышленных организаций, 5 государственных учреждений, обеспечивающих получение высшего образования

и ведущих активную научно-исследовательскую деятельность [3]. Создана многоуровневая система подготовки как кадров рабочих специальностей, так и специалистов высшего звена в таких важных сферах деятельности, как ветеринария, швейная, текстильная, обувная промышленность, машиностроение, станкостроение, приборостроение, нефтехимия, энергетика, строительство, информационные технологии, медицина. Ряд региональных учреждений, обеспечивающих подготовку специалистов с высшим образованием, конкурентоспособен на международном рынке образовательных услуг.

7. *Достаточно высокий уровень системы медицинской помощи, конкурентоспособный на внешнем рынке по ряду направлений (диагностика, гинекология и родовспоможение, кардиология, хирургия вен, гнойная хирургия, нейрохирургия, офтальмология, урология, гастроэнтерология, стоматология)*

Ряд ведущих медицинских учреждений области оснащены оборудованием, произведенным мировыми лидерами по изготовлению медицинской техники: фирмами «Siemens», «Karl Storz», «Drager», «General Electric», «Philips», «Carl Zeiss», «Fujinon», «ТОМЕУ». В сочетании с высоким уровнем подготовки кадров это позволяет использовать новейшие медицинские технологии в диагностике и хирургическом лечении. Регион первым в республике создал реестр оказываемых медицинских услуг, получил лицензию и открыл центр медицинского туризма. С 2010 по 2013 г. экспорт услуг в отрасли увеличился более чем в 2 раза. Эффективность использования средств, вложенных в региональную сферу здравоохранения, остается наиболее высокой по Беларуси.

8. *Конкурентоспособная инфраструктура оздоровления и отдыха*

Сеть санаторно-курортных, оздоровительных организаций и организаций отдыха региона включает 109 единиц [2], или 24,3% всех организаций республики. За период 2005–2013 гг. их количество увеличилось в 1,5 раза. На территории Витебской области размещено 8 санаториев (в том числе 1 детский – в Миорском районе), 29 баз отдыха, 67 других оздоровительных и рекреационных организаций [2]. Общая мощность сети санаторно-курортных и оздоровительных организаций на конец 2013 г. составляла 6669 коек. Наиболее крупные объекты, оказывающие услуги оздоровления, расположены в Лепельском, Полоцком, Витебском и Браславском районах.

По итогам 2013 г. санаторно-курортные и оздоровительные организации области признаны лучшими в республике. Кроме того, наличие хорошей санаторно-курортной базы способствует

развитию в Витебской области оздоровительно-го туризма. Удельный вес путевок, реализованных иностранным гражданам, составил в 2013 г. 40,9% их общего количества. Известность и привлекательность для зарубежных туристов ряда оздоровительных организаций региона очень высоки. Так, в санатории «Летцы» (Витебский район) иностранцам реализовано 81% путевок, «Лесные озера» (Ушачский район) – 78,8%, «Лесное» (Докшицкий район) – 64,3%, «Лепельский военный санаторий» – 58,7%. Эффективная хозяйственная деятельность группы организаций оздоровления и отдыха Браславского района на внутреннем и внешнем рынках оздоровительных услуг позволила сформировать и устойчиво положительно позиционировать торговый бренд «Браславские озера».

9. *Успешный опыт развития сельского туризма*

Витебская область является одним из лидеров республики в данном направлении. В 2013 г. в регионе действовало 449 агроэкоусадб, или 23,9% общего числа по Беларуси. За период с 2009 г. их количество в области возросло в 1,6 раза. Наиболее интенсивно сельский туризм развивается в Браславском, Глубокском, Лепельском, Миорском, Полоцком, Поставском, Россонском районах, где сосредоточено 77,7% всех агроусадб региона [4].

10. *Богатое историко-культурное наследие*

На территории области находится 931 недвижимый объект историко-культурного наследия, включенный в Государственный список историко-культурных ценностей Беларуси, что составляет 17,6% общего количества данных объектов по республике [4]. В этот перечень входят 291 памятник архитектуры, 258 – истории, 4 – искусства, 374 – археологии, 2 – градостроительства (исторические центры городов Витебска и Полоцка), 2 заповедных места (место жизни и творчества Янки Купалы в деревне Левки Оршанского района, Березинская водная система в Лепельском районе). Кроме того, область занимает 2-е место среди регионов Беларуси по количеству музеев (27 единиц), 22 из которых расположены на территории ее районов. Богатое и разнообразное историко-культурное наследие Витебщины способствует развитию здесь различных видов экскурсионного и познавательного туризма.

11. *Многожанровое фестивальное движение*

Витебская область, интенсивно развивающая инфраструктуру туризма и предпринимающая активные усилия в области туристского маркетинга региона, в последние годы становится все более привлекательной для отечественных и иностранных любителей событийного туризма,

важнейшим направлением которого являются организация и проведение разнообразных по тематике и формам представления фестивалей.

Целый ряд фестивалей, проводимых в Витебской области, имеют статус международных и более чем 20-летнюю историю проведения. Особой познавательной ценностью для иностранных и отечественных туристов обладают такие традиционные и наиболее значимые события, как Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», Международный Репинский пленэр, Международные Шагаловские дни, Международный музыкальный фестиваль имени И.И. Соллертинского, Международный фестиваль современной хореографии в г. Витебске, Международный фестиваль органной музыки «Званы Сафіі» и Международный фестиваль старинной и современной камерной музыки в Полоцке, Международный фестиваль народной музыки «Звіняць цымбалы і гармонік» в Поставах. Широкоизвестны региональный фестиваль песни и музыки Поднепровья России, Беларуси и Украины «Дняпроўскія галасы ў Дуброўне», праздник искусств «Дзвіна–Двина–Daugava», фестиваль гитарной музыки «Менестрель» и др. [5].

В то же время, располагая значительными возможностями для устойчивого развития, Витебская область сталкивается на этом пути с некоторыми проблемами. Как показало исследование, ключевой задачей устойчивой жизнедеятельности является удовлетворение возрастающих потребностей населения с наименьшими затратами при сокращении использования невозобновляемых ресурсов и ущерба окружающей среде. Базовые ресурсы, которыми располагает Витебская область, и хозяйственный комплекс, созданный на территории региона, позволяют удовлетворять существующие потребности участников региональной экономики в электрической и тепловой энергии, воде, основных продуктах питания. Обеспеченность населения торговым и коммунальным обслуживанием, социальными (здравоохранение, образование, социальное обслуживание) и бытовыми услугами повсеместно соответствует принятым социальным стандартам.

Тем не менее, уровень эффективности использования ресурсов, достигнутый в экономике и жизнеобеспечении, недостаточен для устойчивого развития территории. Масштабы и результативность экономической деятельности, характер и территориальная локализация мест приложения труда не позволяют обеспечить необходимое качество жизни населения на всей территории региона. Экономический рост сопровождается увеличением использования невозобновляемых ресурсов и нагрузки на окружающую среду.

По нашему мнению, основными угрозами устойчивому развитию региона являются:

1. Недостаточная доходность экономической деятельности

В 2013 г. уровень среднедушевых располагаемых доходов 6,5% населения области был ниже бюджета прожиточного минимума, 59,9% жителей имели среднедушевой доход менее 2,5 бюджета прожиточного минимума, то есть ниже границы, определяющей средний уровень жизни. При этом в 2009–2013 гг. каждый процент роста производительности труда сопровождался ростом средней заработной платы на 1,4% [2]. Уровень рентабельности продаж на протяжении обозначенного пятилетнего периода составлял в среднем 6%, что недостаточно для обновления основных средств и поддержания высокого технологического уровня производства. В 2013 г. по шести районам области рентабельность продаж имела отрицательные значения, бюджетные расходы 13 из 21 района области были обеспечены доходами, полученными на территории, менее чем на 45%.

К причинам, обусловившим данное стечение обстоятельств, можно отнести:

- высокую энерго- и материалоемкость, недостаточную конкурентоспособность регионального хозяйственного комплекса вследствие малого распространения современных и уникальных производств и технологий;
- отсутствие достаточных внутренних и внешних инвестиционных ресурсов для коренной модернизации производственной базы;
- низкую производственную и технологическую культуру, незначительное распространение лучших международных практик в организации производства и бизнес-администрировании;
- низкую инновационную активность и восприимчивость субъектов хозяйствования, предпринимательский потенциал населения и органов государственной власти.

2. Сокращение демографического и трудового потенциала, особенно в малых городских населенных пунктах и сельской местности

Как показывает исследование, в Витебской области имеет место сложная демографическая ситуация: показатели смертности в регионе превышают рождаемость, вследствие чего начиная с 1990 г. здесь наблюдается естественная убыль населения. Ситуация усугубляется миграционным оттоком населения: при положительном внешнем миграционном сальдо область имеет отрицательные результаты по межобластной миграции на протяжении более чем 15-летнего периода. В 1994–2013 гг. абсолютные демографические потери вследствие межобластных перемещений составили 36,9 тыс. человек, или

более 3% от численности населения региона на конец периода [2].

Среди основных причин сложившейся ситуации следует выделить:

- неблагоприятную возрастную структуру населения, в которой численность поколений старших возрастов превышает численность поколений, вступающих в детородный и трудоспособный возраст;
- высокие показатели смертности трудоспособного населения (особенно мужчин) преимущественно вследствие болезней системы кровообращения, новообразований, внешних причин (отравлений алкоголем, самоубийств, несчастных случаев, связанных с транспортом, и др.);
- низкие показатели рождаемости: на протяжении более чем 15-летнего периода суммарный коэффициент рождаемости в регионе не превышает 1,6 при критическом значении, позволяющем обеспечить простое замещение поколений, в размере 2,1–2,3;
- низкие показатели здоровья детей, подростков и молодежи;
- непривлекательные условия жизни и труда в малых городских населенных пунктах и сельской местности.

3. Неравная доступность материальных благ, торговых, социальных и бытовых услуг, услуг транспорта и связи для населения городской и сельской местности, городов областного подчинения и районов области

В 2013 г. в 13 районах Витебщины размер средней заработной платы составлял менее 85% среднего по области и менее 75,4% среднего по Республике Беларусь [2]. Наименьший уровень заработной платы сложился в Браславском, Ушачском, Шарковщинском и Шумилинском районах, наибольший – в г. Новополоцке (различие этих показателей между обозначенными регионами и городом составляет более 67%). Кроме того, при значительном преобладании в регионе количества сельских населенных пунктов над городскими плотность автодорог общего пользования на 1 км² территории сельской местности составляет 91% от среднего по Беларуси уровня.

По нашему мнению, это вызвано следующими причинами:

- концентрацией промышленного потенциала в городах областного подчинения и районных центрах;
- низкой экономической эффективностью сельскохозяйственного производства;
- слабым использованием местных уникальных природных ресурсов и возможностей для расширения источников получения экономиче-

ских доходов;

- мелкоселенным типом расселения сельских жителей;
- недостаточным развитием транспортного обслуживания сельской местности;
- низкой доступностью современных услуг связи для сельского населения и жителей малых городских поселений.

4. Значительная зависимость энергетической системы от внешних топливно-энергетических ресурсов

Проведенное исследование позволило установить, что энергетические мощности Витебской области превышают ее внутреннюю потребность в электрической энергии в 2,5 раза и полностью удовлетворяют потребность участников региональной экономики в тепловой энергии. В то же время ключевые объекты энергетической системы, прежде всего Лукомльская ГРЭС, работают на импортируемых ресурсах. Удельный вес импортного топлива в материальных затратах на производство энергии в топливно-энергетическом комплексе Витебщины превышает 80%, доля производства первичной энергии в валовом потреблении топливно-энергетических ресурсов (энергетическая самостоятельность региона) составляет 19%.

Причинами сложившейся ситуации в значительной мере послужили:

- преобладание производственных мощностей, ориентированных на использование природного газа в качестве первичного топлива;
- существенно более низкая энергетическая отдача и экологическая безопасность использования местных природных видов топлива (торф, дрова);
- недостаточная заинтересованность субъектов хозяйствования и населения в переходе к широкому использованию местных видов топлива и источников энергии.

5. Незначительные объемы потребления возобновляемых источников энергии

В Витебской области удельный вес производства энергии из возобновляемых источников (гелио-, гидро-, ветро-, геотермальная энергетика и т.д.) в общем объеме энергетического производства занимает менее 1%. Кроме того, на территории региона отсутствуют ветро-, гелио- и биогазовые установки по производству электроэнергии. Гидроэлектростанции на крупных реках региона находятся в начальной стадии строительства. Так, на реке Западная Двина ведется строительство двух таких энергетических объектов, в планах – строительство еще двух, а также одного (Оршанской ГЭС) на реке Днепр.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, объясняется следующими причинами:

- недостаточным знанием местного потенциала возобновляемых источников и технологий их использования;
- отсутствием инвестиционных ресурсов для массового перехода на технологии использования возобновляемых источников энергии;
- монопольным положением на энергетическом рынке Республики Беларусь концерна «Белэнерго»;
- недостаточной заинтересованностью субъектов хозяйствования и населения региона в переходе к широкому использованию возобновляемых источников энергии.

6. Истощение и деградация земель вследствие сельскохозяйственного использования

Как показало исследование, в Витебской области ежегодное внесение минеральных удобрений в среднем составляет 75–98% от количества, необходимого для поддержания плодородия сельскохозяйственных угодий. Доля сельскохозяйственных земель, требующих регулирования уровня кислотности почв, в 2013 г. достигла 30,6% от их общей площади, увеличившись по сравнению с 2009 г. на 2,5 процентных пункта. Площадь нарушенных земель возросла за последние 5 лет на 23,5% и составила 4,2 тыс. га (0,3% в общей площади земель сельскохозяйственного назначения).

Причинами истощения и деградации земель, занятых сельскохозяйственными угодьями, послужили:

- несоблюдение сельскохозяйственными организациями технических регламентов в растениеводстве;
- отсутствие стабильного финансирования мероприятий по известкованию почв, предусмотренных в рамках государственной Программы устойчивого развития села на 2011–2015 гг.;
- отсутствие практики ведения сельского хозяйства на принципах устойчивого и органического земледелия;
- несформировавшийся спрос на продукцию органического земледелия при ее более высокой себестоимости в сравнении с традиционными технологиями.

7. Рост выбросов в атмосферный воздух мобильных источников

Исследование состояния безопасности окружающей среды в Витебской области позволило установить, что выбросы передвижных источников в течение 2009–2013 гг. составляли здесь более половины всех объемов вредных выбросов, попадающих в атмосферный воздух. В расчете на одного жителя в 2013 г. их объем был

равен 100 кг/чел. (102% от среднего по Республике Беларусь показателя), что на 13,7% больше выбросов стационарных источников.

Данное обстоятельство обусловлено следующими причинами:

- значительным ростом количества автомобильных транспортных средств: за период с 2005 г. число грузовых автомобилей в регионе возросло более чем в 2 раза, легковых – в 1,5 раза;
- низкими требованиями к экологической чистоте топлива и параметров автомобильных двигателей.

8. Значительное загрязнение атмосферного воздуха стационарными промышленными источниками

Как показало проведенное исследование, Витебскую область отличает высокая степень загрязненности атмосферного воздуха не только мобильными, но и стационарными источниками. Причем среди них преобладают промышленные объекты. Так, в 2013 г. количество выбросов ими в атмосферный воздух загрязняющих веществ составило 226,1 тыс. тонн (в 2005 г. – 230,4 тыс. тонн). В расчете на одного жителя региона их объем в 2013 г. составил 88 кг/чел., или 187% к среднему по Беларуси уровню [2]. Особая угроза экологической безопасности региона видится в том, что пока не удастся достичь стабильной динамики сокращения данных вредных, опасных для состояния окружающей среды, выбросов.

Среди основных причин, сформировавших обозначенную экологическую угрозу окружающей среде Витебской области, необходимо, по нашему мнению, выделить:

- размещение на территории региона нефтеперерабатывающего комплекса, сконцентрированного в Полоцком районе (г. Новополоцк) и формирующего более половины областных объемов выбросов стационарных источников. Так, в 2013 г. их объем составил по г. Новополоцку 498 кг/чел., почти в 50 раз превысив уровень выбросов в г. Витебске (10 кг/чел.) и в 38,3 раза – уровень г. Минска (13 кг/чел.). В результате степень загрязнения воздуха предприятиями химической и нефтехимической промышленности в городе настолько высока, что в 4,2 раза превышает уровень атмосферной загрязненности г. Жлобина (118 кг/чел.), занимающего вторую позицию в Республике Беларусь по аналогичному показателю;

- недостаточное улавливание исходящих выбросов: в 2013 г. в среднем по области было уловлено и обезврежено немногим более половины их объема, по Полоцкому району – 22,6%.

9. Загрязнение поверхностных и грунтовых вод в результате производственной и хозяйственной деятельности

В ходе исследования удалось установить, что наибольшую антропогенную нагрузку в пределах Витебской области испытывают участки реки Западная Двина ниже городов Новополоцка и Витебска. На протяжении ряда лет сохраняется проблема «аммонийного» загрязнения водных объектов в районе крупных промышленных центров – Полоцка, Новополоцка и Верхнедвинска. Грунтовые воды несут следы загрязнения, обусловленного внесением в почву как минеральных, так и органических удобрений. В районах размещения крупных животноводческих комплексов формируются очаги загрязнения грунтовых вод соединениями азота и фосфора. В подземных водах, отбираемых для централизованного водоснабжения ряда городских населенных пунктов, отмечается повышенное содержание железа, а для Новополоцка – аммиака.

Среди основных причин загрязнения поверхностных и грунтовых вод Витебщины отходами производственно-хозяйственной деятельности следует отметить следующие:

- недостаточную предварительную очистку промышленных стоков от специфических ингредиентов и токсичных веществ перед сбросом в централизованную систему канализации;
- отсутствие практики применения современных технологий защиты окружающей среды в районе крупных животноводческих помещений;
- нарушение правил хранения минеральных удобрений и средств химической защиты растений;
- недостаточное количество станций обезжелезивания на территории районов области.

10. Интенсивный рост накопления промышленных и коммунальных отходов

Исследование проблемы использования участниками региональной экономики отходов их хозяйственной деятельности показало, что в 2013 г. объем образовавшихся на территории региона отходов производства увеличился в сравнении с уровнем 2009 г. практически в 2 раза. При этом ежегодный объем их вторичного использования не превысил 65,6%. В то же время в качестве положительной тенденции следует отметить рост объемов частичного использования или удаления ранее накопленных отходов. Так, на протяжении последних 5 лет их общее с использованными отходами количество превышало масштабы образования отходов. Что же касается объема ежегодного образования твердых коммунальных отходов, то за 5 лет он увеличился на 15,1%, жидких – в 1,6 раза.

Причинами, обусловившими данную ситуацию, послужили:

- недостаток специализированных организаций, осуществляющих сбор и переработку отходов;
- слаборазвитая материально-техническая база системы сбора и переработки отходов;
- незначительное количество квалифицированных кадров в сфере обращения с отходами;
- отсутствие материальных стимулов для обеспечения сбора и переработки отходов;
- неотработанный механизм организации сбора твердых бытовых отходов;
- слабое информирование населения по вопросам сбора и переработки отходов;
- низкая культура населения в сфере раздельного сбора отходов.

Решение вышеобозначенных проблем, определяющих угрозы стабильному экономическому положению Витебской области, позволит не только повысить ее социально-экономический потенциал, но и создать достаточно весомые предпосылки для дальнейшего устойчивого развития региона.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить, что Витебская область, обладая рядом геополитических и природно-ресурсных преимуществ, дающих реальные возможности для устойчивого развития, сталкивается с проблемами, значительно сдерживающими переход регионального хозяйственного комплекса к стабильному функционированию.

Эти проблемы связаны, в основном, с недостаточно высокой эффективностью и, вследствие этого, низкой доходностью хозяйственной деятельности участников региональной экономики, неблагоприятной демографической ситуацией, определившей нехватку трудовых ресурсов, недостаточным использованием в хозяйственной деятельности местных ресурсов и вторичных отходов производства, неравномерным социально-экономическим развитием районов Витебской области. Особую угрозу устойчивому развитию региона представляет недостаточно благоприятное состояние окружающей среды вследствие загрязнения атмосферы и водных ресурсов отходами производственно-хозяйственной деятельности в результате недостаточной восприимчивости и организаций, и населения к современным способам их сбора и утилизации.

Поэтапное устранение выявленных в ходе проведенного исследования угроз устойчивому развитию Витебской области, формирование собственного уникального облика региона и позиционирование его как экологически благополучной, безопасной территории позволит повысить его привлекательность для жителей и конкурентоспо-

собных субъектов хозяйствования, привлечь внешние миграционные, туристические и инвестиционные потоки. Комплексный подход к решению задач повышения устойчивости социально-экономического развития сформирует необходимую основу для изменения качества жизни населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решетников, Д.Г. География туризма Республики Беларусь: учеб.-метод. пособие / Д.Г. Решетников. – Минск: Изд-во «Четыре четверти», 2011. – 320 с.
2. Регионы Республики Беларусь. 2013: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2013. – Т. 1: Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 22.05.2015.
3. Трацевская, Л.Ф. Региональные особенности и тенденции развития социально-экономического потенциала Витебской области / Л.Ф. Трацевская // Ученые записки ВГУ. – 2003. – Т. 2. – С. 74–83.
4. Трацевская, Л.Ф. Рекреационно-географическое положение Витебской области как фактор развития туризма в регионе / Л.Ф. Трацевская // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 363–365.
5. Tracevskaya, L.F. Role of image of the region in its realization investment strategy / L.F. Tracevskaya // Development of Scientific Thought in the 21 st Century: Problems and Perspectives: Composition of articles of The Second International Scientific – Practical Conference, Riga, Latvia, April 10, 2013. – Riga: Science Support Center SIA, 2013. – P. 13–15.

УДК 338.1

Автомобилизация как инфраструктурный фактор конкурентоспособности национальных экономик

Н.А. Дубенецкий*,
Э.В. Коломыс**

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

**Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

В статье анализируется взаимосвязь между уровнем автомобилизации страны и степенью ее конкурентоспособности. Критерий конкурентоспособности страны должен быть конкретизирован относительно того или иного значимого макроэкономического показателя. В предлагаемом исследовании в качестве частного критерия конкурентоспособности национальных экономик предлагается показатель среднедушевого производства валового внутреннего продукта.

Цель статьи – определение рейтинга конкурентоспособности Республики Беларусь по критерию среднедушевого валового внутреннего продукта.

Материал и методы. В исследовании использовались статистические и аналитические материалы, находящиеся на тематических интернет-сайтах и в печатных изданиях. Основной метод исследования – однофакторная корреляционная модель.

Результаты и их обсуждение. Среди выборки из 50-ти стран рейтинг фактической конкурентоспособности национальной экономики Беларуси по критерию среднедушевого валового внутреннего продукта соответствует 24-му месту. В сравнении с Россией потенциальная конкурентоспособность Беларуси почти одинакова, а в сравнении с Украиной – значительно выше. Фактический среднедушевой ВВП в Респу-

блике Беларусь ниже потенциально возможного, что позволяет сделать вывод о низкой фактической конкурентоспособности белорусских предприятий. Для Республики Беларусь актуально прежде всего повышение фактической конкурентоспособности с оценки «низкая» до «нормальная». Это требует поиска таких решений, которые связаны в ближайшей перспективе не столько с дополнительной автомобилизацией нашей экономики, сколько с повышением фондоотдачи, снижения энергоемкости и материалоемкости белорусских предприятий.

Заключение. Таким образом, использование предложенной однофакторной корреляционной модели дало значимый результат, что делает ее полезным аналитическим инструментом в области мировой экономики.

Ключевые слова: коэффициент автомобилизации, конкурентоспособность национальной экономики, среднедушевой валовой внутренний продукт.

Motorization as an Infrastructure Factor of Competitiveness of National Economies

N.A. Dubenetsky*,

E.V. Kolomys**

*Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

**Educational establishment "Belarusian State Economic University"

The article analyzes the relationship between the level of motorization of the country and the degree of its competitiveness. The criterion of competitiveness of the country should be fleshed out on a significant macroeconomic indicator. In the study as a private measure of competitiveness of national economies the indicator per capita production of gross domestic product is proposed.

The aim of the study was to determine the rating of competitiveness of the Republic of Belarus according to the criterion of per capita gross domestic product.

Material and methods. Statistical and analytical materials from thematic Internet sites and publications were used in the research. Main method of the research is one factor correlation model.

Findings and their discussion. Among a sample of 50 countries, the actual rating of competitiveness of the national economy of Belarus according to the criterion of per capita gross domestic product corresponds to the 24th place. In comparison with Russia, the potential competitiveness of Belarus is almost the same, but in comparison with Ukraine is much higher. Actual per capita GDP in the Republic of Belarus is below potential, which allows to make a conclusion about actual low competitiveness of Belarusian enterprises. For the Republic of Belarus increase of the actual competitiveness with an assessment from "low" to "normal" is topical. This requires the search of such solutions, which are associated in the short term, not so much with optional motorization of our economy, but with the increase in capital productivity, reduce energy intensity and material intensity of Belarusian enterprises.

Conclusion. Thus, using the proposed single-factor correlation model gave a significant result, which makes it a useful analytical tool in the field of world economy.

Key words: coefficient of motorization, the competitiveness of the national economy, per capita gross domestic product.

Исследование факторов конкурентоспособности национальных экономик в XXI веке весьма актуально и в теоретическом, и практическом аспекте. Оценка конкурентоспособности национальных экономик является необходимым элементом современных исследовательских программ влиятельных структур ООН и «независимых» международных агентств. Предполагается, что Индекс конкурентоспособности должен использоваться государствами, которые стремятся к ликвидации препятствий на пути собственного экономического развития, в качестве инструмента для анализа проблемных моментов в их экономической политике и разработке стратегий по достижению устойчивого экономического роста.

Целью предлагаемого исследования является определение рейтинга конкурентоспособности Республики Беларусь по критерию среднедушевого валового внутреннего продукта.

Материал и методы. В современных методологиях нередко отсутствует различие критериев и факторов конкурентоспособности. Например, Всемирный экономический форум (World Economic Forum) определяет национальную конкурентоспособность как способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе [1]. Нами подчеркивается, что страны с высокими показателями национальной конкурентоспособности, как правило, обеспечивают более высокий уровень благосостояния своих граждан.

Однако, качественно определив критерий национальной конкурентоспособности, исследователи умалчивают о количественных показателях, отражающих стабильность темпов экономического роста. Фигура подобного умолчания не случайна, т.к. индекс конкурентоспособности строится на основе субъективной оценки значимости факторов конкурентоспособности. К этим факторам исследователи *World Economic Forum* относят: качество институтов, инфраструктуру, макроэкономическую стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональную подготовку, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал.

На основе экспертной количественной оценки каждого фактора строится интегральный Индекс конкурентоспособности национальной экономики, а затем и рейтинг национальных экономик. На наш взгляд, такой подход субъективно гипертрофирован и дает неограниченный простор авторскому волюнтаризму.

Различение критерия конкурентоспособности и факторов конкурентоспособности методологически плодотворно в двух научных аспектах.

Во-первых, такой подход дает место для использования категорий *потенциальной* и *фактической* конкурентоспособности. Количественно измеряя критерий конкурентоспособности, можно получить представление о фактической (реальной) конкурентоспособности национальных экономик в том или ином году. Сравнивая фактический показатель конкурентоспособности с теоретически ожидаемым, т.е. потенциальным, можно сделать определенные выводы относительно причин их несовпадения.

Во-вторых, количественное измерение критерия конкурентоспособности дает возможность использовать корреляционный анализ, который позволяет научно оценить эмпирическую значимость субъективных авторских представлений о влиянии того или иного фактора на критерий конкурентоспособности.

Мейстримом в современных методах экономико-статистического анализа конкурентоспособности региональных экономик является стремление к построению одного интегрального показателя конкурентоспособности. Такой подход противоречит принципу сравнительных преимуществ, теоретически обоснованному Д. Риккардо еще в первой четверти XIX века. Ис-

пользование интегрального индекса конкурентоспособности игнорирует относительные конкурентные преимущества данной региональной экономики в отношении другой. Например, страна А может иметь преимущества по структуре и запасам природных ресурсов относительно страны В, одновременно проигрывая стране В в производительности труда.

На наш взгляд, критерий конкурентоспособности должен быть конкретизирован относительно того или иного значимого результата достигнутого национальной экономикой. В качестве критериев конкурентоспособности могут выступать, например: стабильность курса национальной валюты, сальдо торгового баланса, уровень безработицы, темпы экономического роста и др. Сводить частные критерии конкурентоспособности к одному интегрированному индексу – малоценное в научном смысле занятие, подобное сравнению силы льва и кита.

В нашем исследовании частным критерием конкурентоспособности национальных экономик выступает *показатель среднедушевого производства ВВП*, рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США [2]. Данный показатель – при прочих равных условиях – является важнейшим с точки зрения уровня материального благосостояния населения и представляет несомненный интерес для правительства любой страны вне зависимости от ее государственного строя и политического режима.

Результаты и их обсуждение. Распределение стран по величине среднедушевого ВВП позволяет сделать определенные выводы о фактической (реальной) конкурентоспособности национальных экономик по этому частному критерию. Динамические ряды среднедушевого ВВП за последние 50 лет свидетельствуют об устойчивой дифференциации этого показателя между Западом и Востоком, Севером и Югом. Естественно, возникает вопрос о причинах такой дифференциации.

Неоклассическая теория в качестве базисных факторов, определяющих величину реального ВВП, называет труд, землю и капитал. Каждый из этих факторов не сводим к двум другим и качественно локализован. Однако количественное измерение каждого из названных факторов представляет собой существенную статистическую проблему. Сущность этой проблемы заключается в крайней неоднородности элементов, которые должны быть обобщены в рамках того или иного фактора производства. И хотя эконометрика доказывает возможность измерения каждого из трех факторов, научная достоверность таких измерений вызывает большие сомнения. Корреля-

ционная модель, устанавливающая зависимость между факторами производства, с одной стороны, и среднедушевым производством ВВП – с другой, не может быть построена на основе общедоступных статистических данных.

Необходимо эвристическое проникновение в проблему, которое позволит выявить каузально значимые и статистически измеряемые факторы среднедушевого ВВП. Каузальная значимость фактора, на наш взгляд, предполагает, во-первых, тесную корреляцию между этим фактором и среднедушевым производством ВВП, во-вторых, возможность управлять этим фактором методами экономической политики.

Каузально значимым – в отношении среднедушевого производства ВВП – является, на наш взгляд, такой инфраструктурный фактор, который можно назвать коэффициентом автомобилизации. Он показывает отношение количества автомобилей к численности населения [3].

Вопреки расхожему мнению, собственный автомобиль – не следствие, а предпосылка личного и общественного благосостояния. Это хорошо понимал Г. Форд, который не только организовал в США массовое производство автомобилей, но и массовое кредитование их покупок. При любой исходной производственной инфраструктуре доступный автотранспорт повышает конкурентоспособность всех отраслей национальной экономики, позволяя достигать удаленных источников сырья и топливно-энергетических ресурсов. Автомобилизация является мощным фактором экономического роста любой экономики. Без автомобилей нет рынка, нет мобильности труда и капитала, нет эффективного частного предпринимательства, нет возможностей для глубокой специализации и кооперации производства.

В отличие от трех столь разнородных факторов производства, как труд, земля и капитал, автомобили гораздо более однородны, что позволяет их учитывать в штуках, не обращая внимания на состав автомобильного парка. На наш взгляд, не только грузовые, но и легковые автомобили являются средствами производства или в бизнесе, или в домашнем хозяйстве.

Для доказательства тезиса о казуальной значимости коэффициента автомобилизации в отношении величины среднедушевого производства ВВП используется однофакторная корреляционная модель. Ее главной задачей является определение коэффициента корреляции (r), между уровнем автомобилизации и фактическим значением среднедушевого ВВП по паритету покупательной способности в долларах США. В объем выборки вошли 50 стран, общая площадь которых состав-

ляет 90% от территории суши [4]. В качестве статистических показателей используются данные 2013 г., когда большинство экономик преодолели докризисный уровень ВВП 2008 г.

Коэффициент автомобилизации рассчитывается по следующей формуле:

$$Ka = (A/H) \times K \quad (1),$$

где Ka – коэффициент автомобилизации;

A – численность автомобилей всех видов в стране;

H – численность населения страны;

K – коэффициент качества автодорог.

Введение коэффициента качества автодорог обусловлено существенным различием в скорости движения автомобилей по дорогам с твердым покрытием и по грунтовым дорогам [3]. Мы исходим из допущения, что скорость движения автомобиля по грунтовой дороге в два раза меньше скорости автомобиля по шоссейной дороге. Поэтому для расчета коэффициента качества автодорог можно предложить следующую формулу:

$$K = (D - 0,5Dg)/D \quad (2),$$

где D – общая длина автодорог;

Dg – длина грунтовых автодорог.

Диапазон изменения коэффициента качества автодорог находится в пределах от 0,5 до 1. Если K равен 0,5, то это означает, что все автодороги в стране грунтовые. При отсутствии грунтовых дорог (все дороги с твердым покрытием) K равен 1.

Коэффициент автомобилизации и среднедушевое производство ВВП рассчитываются абсолютно и относительно. Относительное значение получается посредством деления абсолютного значения соответствующего показателя данной страны на абсолютное значение такого же показателя за 2013 г. в России [5].

Проведенный нами корреляционный анализ показал высокую тесноту связи между относительным коэффициентом автомобилизации и среднедушевым производством ВВП в его относительном выражении:

$$r = 0,857.$$

Используя уравнение регрессии, можно рассчитать потенциальный уровень среднедушевого производства ВВП в его относительном выражении:

$$Y = r \times Zx \times Sy + My \quad (3),$$

где Y – значение потенциального уровня среднедушевого производства ВВП;

r – коэффициент корреляции между коэффициентом автомобилизации и фактической величиной среднедушевого производства ВВП;

Zx – статистическая Z-оценка коэффициента автомобилизации;

S_y – стандартное отклонение фактического среднедушевого ВВП;

M_y – среднее значение фактического производства ВВП на душу населения.

Для расчета потенциального уровня среднедушевого производства ВВП в абсолютном выражении для интересующей нас страны следует использовать формулу:

$$Y_a = Y \times 20387 \text{ (долл. США)} \quad (4),$$

где Y_a – абсолютное значение потенциального среднедушевого производства ВВП для данной страны;

20387 (долл. США) – фактическое значение среднедушевого производства ВВП за 2013 г. в России.

Используя потенциальный уровень среднедушевого производства ВВП в качестве критерия, можно построить рейтинг потенциальной конкурентоспособности национальных экономик. Для построения рейтинга фактической конкурентоспособности национальных экономик следует применять значение фактического среднедушевого ВВП по ППС в долларах США.

Если бы рассчитанный коэффициент корреляции (r) был равен 1, то показатели потенциальной и фактической конкурентоспособности для каждой страны были бы равны между собой. Но так как рассчитанный нами (r) не равен 1, то определенное несоответствие рейтингов стран по потенциальной и фактической конкурентоспособности вполне закономерно. Линейное уравнение регрессии предполагает отклонение фактического среднедушевого производства ВВП от потенциального в ту или другую сторону. Эти отклонения в контексте проблемы конкурентоспособности национальных экономик можно интерпретировать следующим образом.

Если фактическое среднедушевое производство ВВП отклоняется от потенциального в диапазоне (–10%, +10%), то такой размах вариации можно считать признаком нормальной фактической конкурентоспособности. Если фактическое среднедушевое производство ВВП меньше потенциального на величину, превышающую 10%, то такое отклонение можно рассматривать как признак низкой фактической конкурентоспособности национальной экономики. Если фактическое среднедушевое ВВП больше потенциального на величину, превышающую 10%, то такое превышение будет признаком высокой фактической конкурентоспособности национальной экономики.

Типичными причинами низкой фактической конкурентоспособности являются этнические, конфессиональные и гражданские войны, высокий уровень бандитизма, отсутствие выхода к не-

замерзающим морям, бедный набор месторождений полезных ископаемых, низкое качество экспортируемой продукции и др.

В качестве характерных факторов высокой фактической конкурентоспособности можно назвать гражданский мир и согласие, низкий уровень уголовной преступности, богатство недр стратегически важными полезными ископаемыми, выход к незамерзающим морям, производство высококачественной продукции для экспорта и др.

По нашим расчетам, коэффициент автомобилизации в Беларуси в абсолютном значении составил в 2013 г. – 0,265, в относительном – 1,01. Элементы уравнения регрессии для Беларуси были соответственно равны:

$$r = 0,857; Z_x = 0; S_y = 0,7987; M_y = 0,97.$$

Подставив их в уравнение регрессии (3), получим:

$$Y = 0,857 \times 0 \times 0,7987 + 0,97 = 0,97.$$

Величина потенциального уровня среднедушевого производства ВВП в Беларуси составляет:

$$Y_a = 0,97 \times 20387 = 19775 \text{ (долл. США)}.$$

Однако фактическое производство ВВП на душу населения составило в Беларуси за 2013 г. приблизительно 15488 долл.

Наши исследования о фактической и потенциальной конкурентоспособности 12-ти крупнейших по территории стран (кроме Беларуси и Украины) нашли отражение в таблице.

Из данных таблицы видно, что Беларусь по критерию потенциальной конкурентоспособности значительно отстает от США. Увеличение потенциальной конкурентоспособности Беларуси до США требует громадных вложений в транспортную инфраструктуру, что частным инвесторам невыгодно, а у государства нет для этого достаточных средств.

В сравнении с Россией потенциальная конкурентоспособность Беларуси почти одинакова, а в сравнении с Украиной – значительно выше.

Поскольку фактический среднедушевой ВВП в Республике Беларусь ниже потенциально возможного, постольку можно сделать неутешительный вывод о низкой фактической конкурентоспособности белорусских предприятий.

Для Республики Беларусь актуально прежде всего повышение фактической конкурентоспособности с оценки «низкая» до «нормальная». Это требует поиска таких решений, которые связаны в ближайшей перспективе не столько с дополнительной автомобилизацией нашей экономики, сколько с повышением фондоотдачи, снижением энергоемкости и материалоемкости белорусских предприятий.

Таблица – Потенциальная и фактическая конкурентоспособность национальных экономик в 2013 г.

№ п/п	Страна	Фактический ВВП на душу населения по ППС (в долларах США)	Потенциальный ВВП на душу на- селения по ППС (в долларах США)	Относительное отклонение фактического среднедушевого ВВП от потенци- ального (в %)	Фактическая конкуренто- способность
1.	Соединенные Штаты Америки (США)	46817	43282	8	нормальная
2.	Канада	38820	30295	28	высокая
3.	Австралия	38092	35555	7	нормальная
4.	Россия	20387	19978	2	нормальная
5.	Мексика	15614	15331	2	нормальная
6.	Беларусь	15488	19775	-22	низкая
7.	Казахстан	15435	15005	3	нормальная
8.	Аргентина	12529	15005	-16	низкая
9.	Бразилия	10380	11070	-6	нормальная
10.	Украина	8163	12864	-36	низкая
11.	Китайская Народ- ная Республика (КНР)	6013	5301	13	высокая
12.	Индия	2891	3996	-28	низкая

Заключение. Таким образом, использование предложенной однофакторной корреляционной модели дало значимый результат, что делает ее полезным аналитическим инструментом в области мировой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индекс глобальной конкурентоспособности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>. – Дата доступа: 28.12.2014.
2. ВВП стран мира по паритету покупательной способности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yestravel.ru/world/rating/economy/gdp_purchasing_power_parity. – Дата доступа: 18.10.2014.
3. Список стран по количеству автомобилей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_количеству_автомобилей_на_1000_человек. – Дата доступа: 23.12.2014.
4. Список стран и зависимых территорий по площади [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 14.01.2015.
5. Автомобильные дороги стран мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yestravel.ru/world/rating/transportation/roadways>. – Дата доступа: 13.01.2015.

Переработка твердых бытовых отходов как одна из составляющих экологической безопасности Республики Беларусь

Т.П. Побяржина

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси Витебский филиал «Международный университет «МИТСО»

Рациональное использование ресурсного потенциала национальной экономики на основе снижения материалоемкости выпускаемой продукции, бережного расходования сырья, топлива, энергии, вовлечения в хозяйственный оборот отходов производства и вторичных ресурсов является одной из самых актуальных задач в условиях развития современной Беларуси. Одну из серьезных проблем в данной сфере представляет переработка твердых бытовых отходов (ТБО), низкий уровень утилизации которых обуславливает постоянный рост объемов их накопления, что приводит к ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки, увеличению территорий для их размещения, затрат, связанных с транспортировкой и обезвреживанием отходов.

В статье поставлена цель на основе статистических данных систематизировать информацию по проблеме образования и переработки отходов в Республике Беларусь, а также рассмотреть государственную политику в области обращения с отходами.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные, действующие национальные программные и нормативно-правовые документы в сфере обращения с отходами, а также публикации в периодических изданиях. Основные методы исследования: сравнения, анализа и синтеза, статистический, графический.

Результаты и их обсуждение. В статье систематизированно рассматриваются вопросы образования и переработки отходов в Республике Беларусь, а также государственная политика в области обращения с отходами. Проанализирована статистическая информация по ряду показателей образования и использования отходов в сравнении с международным опытом в данной сфере. А также приводятся примеры потенциальных возможностей вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот.

Заключение. Главная экономическая ценность переработки отходов и использования вторичного сырья при производстве продукции для Республики Беларусь заключается в повторном применении ресурсов, уменьшении топливной и энергетической зависимости, повышении производительности ресурсов, снижении материало- и энергоемкости и как следствие – затрат на производство продукции. К сожалению, пока меры, которые принимаются в области обращения с отходами, еще недостаточно эффективны. Решению данной проблемы будет способствовать дальнейшее совершенствование механизма рационального сочетания рыночных инструментов с методами государственного регулирования в сфере заготовки и переработки вторичных ресурсов.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, санитарно-эпидемиологическая обстановка, твердые бытовые отходы, вторичное сырье, рецилинг, государственная политика.

Recycling of Solid Wastes as One of the Components of Ecological Safety of the Republic of Belarus

T.P. Pabiarzhina

*Educational establishment of Vitebsk branch of Belarusian Trade Unions
“International University «MITSO»”*

The rational use of the resource potential of the national economy based on reduction of material consumption, the careful spending of raw materials, fuel, energy, involving production wastes and secondary resources into economic circulation is one of the most urgent tasks in the conditions of present-day Belarus. One of the major problems in this area is recycling municipal solid waste (MSW), low level of which causes constant growth in their accumulation, which leads to the deterioration of sanitary-epidemiological situation and increase in the areas of their storage, costs associated with the

transportation and disposal of waste.

The objective of the article on the basis of statistical data to systematize information on waste production and recycling in the Republic of Belarus, as well as to consider state policy in the field of waste management.

Material and methods. The material for the study is based on statistical data, current national policy and regulatory documents in the field of waste management, as well as publications in periodicals. Basic research methods are comparison, analysis and synthesis, statistical, chart.

Findings and their discussion. In the article issues of recycling wastes and in the Republic of Belarus, as well as the state policy in the field of waste management are systematically considered. Statistical information on a number of indicators of waste production and use in comparison with international experience in this field is analyzed. Examples of the potential involvement of production and consumption waste in the economy are also given.

Conclusion. Main economic value of waste recycling and use of secondary resources in the manufacture of products for the Republic of Belarus is to re-use of resources, reduction of fuel and energy dependence, increase in the productivity of resources, reduction of material and energy consumption, and, as a result, the cost of production. Unfortunately, the measures taken in the field of waste management are not yet efficient enough. The solution to this problem will be facilitated by further improvement of the mechanism of rational combination of market-based instruments with the methods of state regulation in the sphere of collecting and processing secondary resources.

Key words: resource potential, sanitary and epidemiological situation, municipal solid waste, secondary raw materials, recycling, state policy.

Экологическая безопасность является обязательным условием устойчивого социально-экономического развития и отражает состояние защищенности жизни и здоровья человека. Она определяется биологическим разнообразием, уровнем загрязнения атмосферного воздуха, качеством поверхностных и подземных вод, рациональным использованием земель, накоплением отходов производства и потребления, а также их переработкой. В статье поставлена цель на основе статистических данных систематизировать информацию по проблеме образования и переработки отходов в Республике Беларусь, а также рассмотреть государственную политику в области обращения с отходами.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили статистические данные, действующие национальные программные и нормативно-правовые документы в сфере обращения с отходами, а также публикации в периодических изданиях. В качестве основных методов исследования были использованы следующие: сравнения, анализ и синтез, статистический, графический.

Результаты и их обсуждение. Одна из проблем в области обращения с отходами – это неудержимый рост объемов их образования, связанный с развитием производства и увеличением потребления. Так, например, в течение 2005 года было образовано 34,8 млн т производственных отходов, а в 2013 году уже – 40,3 млн т, или больше на 16% [1]. Однако развитие территории предполагает улучшение экологической ситуации, условий и уровня жизни населения. В связи с этим

учет системы экологических факторов становится необходимым. Контроль и управление достижением целей развития, оценка эффективности используемых средств требуют разработки соответствующих критериев и показателей-индикаторов экологически устойчивого развития, которые для нашей страны заложены в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. [2]. В части обращения с отходами в стратегии на каждую пятилетку рассчитан индекс образования отходов производства, пороговые значения которого представлены в таблице 1.

Как следует из таблицы 1, фактическое значение темпов роста образования отходов выше прогнозного показателя на 30,2 и 21,5 процентных пункта соответственно, что представляет реальную угрозу обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны.

Кроме отходов производства ежегодно в Республике Беларусь образуется около 4 млн т твердых коммунальных отходов объем которых за последнее десятилетие также существенно возрос (в 2000 г. их объем составлял 2 млн т). Показатель удельного образования твердых коммунальных отходов с 2000 г. увеличился с 0,485 до 1,5 кг/чел. в день, т.е. почти в 3 раза и приблизился к величине, характерной для стран Евросоюза (0,85–1,7 кг/чел. в день). Расчетный норматив «производства» ТБО на одного человека составляет 0,55 кг в день [3]. Что же касается состава твердых бытовых отходов, то характеризующие его данные приведены в таблице 2.

Таблица 1 – Индексы образования отходов производства, %

	2000–2005 гг.	2005–2010 гг.
Показатель-индикатор устойчивого развития (расчетное значение)	119,3	104,3
Фактическое значение	149,5	125,8

Таблица 2 – Ориентировочный состав ТБО жилого и коммерческого секторов

Компоненты (состав ТБО)	Общее содержание, %	
	Жилой сектор	Коммерческий сектор
Бумага, картон и т.п. (макулатура)	22,2	58,0
Пищевые и растительные отходы	35,0	4,5
Пластмасса (высокой плотности), полимерная пленка	6,0	4,6
Стекло	7,0	7,0
Кожа, резина	1,5	1,7
Дерево (деревянные изделия)	1,5	1,7
Черные металлы	4,0	0,7
Цветные металлы	0,7	19,0
Текстиль	5,5	2,2
Прочие	16,8	0,6

Таблица 3 – Мировая практика использования различных методов утилизации ТБО

Метод (технология) утилизации	США	Англия	Франция	Германия	Австрия	Италия	Россия	Япония	Южная Корея
Сжигание	17	7	37	21	73	13	6	59	18
Захоронение на свалках	81	92	53	73	19	84	94	38	79
Компостирование (получение удобрения)	-	1	1-	6	7	3	-	1	2
Прочие	2	-	-	-	1	-	-	2	1

Как свидетельствуют данные таблицы, более 60% городских отходов – это потенциальное вторичное сырье, которое можно переработать и вторично использовать, еще около 30% – это органические отходы, которые можно превращать в компост [4].

Исследование показало, что рост объемов ежегодного образования и накопления отходов опережает современные технологические и экономические возможности их обезвреживания и утилизации. Мировая практика утилизации твердых бытовых отходов располагает для этого следующими способами (таблица 3).

Из данных таблицы 3 следует, что наиболее распространенные и общепринятые способы обращения с ТБО в мире – термическое уничтожение (сжигание) и захоронение на специальных полигонах [4]. Также в последнее время активно применяются биотехнологии для переработки ТБО в компост (получение удобрений). Данные технологии позволяют преобразовывать ТБО в так называемый биогаз.

В сфере обращения с отходами в Беларуси также доминирует их удаление с неизбежным на-

коплением на полигонах, что приводит к выводу из оборота значительного количества земельных ресурсов и увеличению степени загрязнения окружающей среды. Согласно международным оценкам, полигоны ТБО являются третьим по величине антропогенным источником метана на планете, выделяя около 11% общемирового количества метановых выбросов [5]. В то же время свалочный газ является надежным местным источником возобновляемой энергии, поскольку он, в отличие от многих других альтернативных источников энергии, образуется 24 часа в сутки из бытовых и промышленных отходов, постоянно поступающих на полигоны. По энергетическому потенциалу 1 м³ свалочного газа соответствует 0,5 м³ природного.

Всего в Республике Беларусь насчитывается 162 полигона ТБО, которые обслуживают областные и районные центры, а также крупные поселки городского типа [6]. В каждом районе имеется 1, реже 2–3 таких полигона. Централизованным вывозом коммунальных отходов охвачены также все сельские населенные пункты, для обслуживания которых создано 3735 мини-полигонов. Суммарная площадь земельных отводов для разме-

щения полигонов ТБО составляет около 900 га. На мини-полигоны приходится примерно 3,5 тыс. га земли. На свалках постоянно происходят разнообразные химические реакции с выбросом токсических веществ, и для их содержания на уровне современных экологических требований необходимы значительные денежные средства с целью минимизации вредных воздействий на окружающую среду, главным образом на почву и подземные воды. Кроме санкционированных свалок возникает множество стихийных – в поймах рек, лесах, вокруг мест захоронений и дачных участков, образование которых сложно отследить и убрать полностью тоже.

Одной из самых важных проблем в области обращения с отходами является их использование в качестве вторичных материальных ресурсов (ВМР). В республике действуют три формы извлечения ВМР из состава отходов: заготовительная система потребительской кооперации, отдельный сбор отходов от населения, сортировочные станции коммунальных отходов.

В настоящее время в республике имеется более 730 приемных пунктов в организациях системы Белкоопсоюза, Минжилкомхоза, ГО «Белресурсы» и других организациях. Кроме этого, для сбора (заготовки) вторичных материальных ресурсов используется свыше 170 передвижных приемных пунктов на базе грузовых автомобилей, оснащенных весовым оборудованием. Однако в настоящее время система сбора коммунальных отходов не предусматривает специальных мероприятий по сбору (заготовке) отходов, образующихся после утраты потребительских свойств сложной бытовой техники и автотранспортных средств.

Ориентировочно ежегодно выходит из эксплуатации 150 тыс. холодильников, 260 тыс. телевизоров, 90 тыс. стиральных машин [7]. В составе сложной бытовой техники имеются черные и цветные металлы, полимеры, резина, стекло, драгоценные металлы и другие материалы. В среднем в телевизоре содержится около 5,9 кг полистирола, 0,17 кг алюминия, 0,223 кг меди, 23,4 м жгутов и кабелей, 15,6 кг стекла. За год выходит из эксплуатации около 40 тыс. автомобилей. Накопившийся парк вышедших из эксплуатации транспортных средств составляет 200–250 тыс. единиц и продолжает увеличиваться. Из одного легкового автомобиля в среднем можно получить до 200 кг чугуна, 500 кг стали, 170 кг цветного металла, 40 кг стекла. Экономические потери от неиспользованных ресурсов (получение вторичного сырья в процессе переработки кузовов, свинцово-кислотных аккумуляторов, пластика и других материалов) в масштабах республики составляют: чугун –

8000 тонн, сталь – 20000 тонн, цветные металлы – 6800 тонн, стекла – 1600 тонн, отработанных масел – более 200 тонн. С целью максимального вовлечения в гражданский оборот отходов от вышедшего из эксплуатации автомобиля с 01.03.2014 г. Указом Президента № 64 от 04.02.2014 г. в отношении как произведенных в республике, так и ввезенных по импорту транспортных средств введен утилизационный сбор, который должны уплачивать как юридические, так и физические лица.

С 2014 года в Минприроды изучаются возможности по созданию современного комплекса по сбору, экологически безопасному хранению и переработке отработанных масел [8]. Ежегодно в Республике Беларусь потребляется около 100 тысяч тонн смазочных автомобильных и промышленных масел. Количество отходов, образующихся в результате использования масел, составляет 80–85% от их первоначального объема, т.е. в республике ежегодно образуется около 80–85 тыс. тонн отходов отработанных масел. Данные отходы являются ценным стратегическим сырьем, так как в процессе их регенерации можно получить восстановленные масла, пригодные для повторного использования, а также ряд других нефтепродуктов (мазут и т.д.) в объеме свыше 90% от переработанных отходов. В странах ЕС объем собираемых и перерабатываемых отходов отработанных масел достигает 70%, в то время как в нашей стране эта цифра пока не более 10%.

Раздельным сбором мусора охвачено около 80% горожан (в 2003 г. – 3,8%). Для этих целей установлено около 25 тыс. контейнеров.

В таких городах, как Пинск, Полоцк, Мозырь, Пуховичи, Могилев, действуют сортировочно-перегрузочные станции суммарной мощностью 514,7 тыс. м³/год. В 81 районе созданы пункты сортировки и досортировки с общей мощностью 657,8 тыс. т/год. Однако как объективные, так и субъективные причины не позволяют признать данную практику до конца успешной. Так, в воздухе рабочей зоны сортировочной линии содержание плесневых грибов достигает до 106 клеток/м³, бактериальной флоры – 105 на 100 см², что в 100 раз превышает ПДК. С целью более эффективного извлечения вторичных ресурсов из коммунальных отходов построены мусороперерабатывающие заводы в Гомеле, Могилеве, Новополоцке, Бресте и Барановичах. Планируется открыть новые производства в Гродно, Минске, Витебске, Борисове, Бобруйске, Орше, Мозыре и Солигорске.

Основными видами собираемых в Республике Беларусь вторичных материальных ресурсов (ВМР) являются макулатура, стекло, текстиль,

шины, полимеры, строительные отходы, лом и отходы металлов. Причем, по экспертным оценкам, за последние годы в составе коммунальных отходов заметно увеличилась доля полимерных материалов и отходов от упаковок, а также отходов стекла. Например, только тетрапаков в Беларуси ежегодно производится порядка 1 млрд шт., которые после использования превращаются в мусор.

Объем переработки бытового мусора составляет 15–20% от ежегодного объема его образования, в то время как передовые европейские государства довели этот показатель до 90%. Стоимость ВМР в валовой добавленной стоимости промышленного производства составляет 1,24%. В ЕС значение аналогичного показателя – 2,7%. Внедрение технологий рециклинга позволяет решить проблему обеспечения первичными сырьевыми ресурсами, снижения энергоемкости ВВП, а также снижения экологической нагрузки на окружающую среду. Например, использование одной тонны макулатуры при производстве бумаги позволяет сэкономить около 4 куб. метров древесины. Доказано, что из тонны твердых бытовых отходов вырабатывается столько же электроэнергии, сколько из 250 кг мазута. За счет утилизации отходов в Европе ежегодно получают более 8 млрд кВт·ч электроэнергии и примерно 69 млрд кВт·ч тепловой энергии. Это позволяет экономить до 38 млн т / год органического топлива и предотвращать выбросы парниковых газов (в пересчете на CO₂) до 37 млн т в год, что равнозначно выхлопу 15,8 млн автомобилей. Китай ежегодно закупает в США бытовой мусор на 1 млрд долл., а выпускает продукцию из этих отходов на 4 млрд долл. [3].

Учитывая потребность республики в энергетических и тепловых ресурсах, государственная политика в области обращения с отходами направлена на поиск путей максимального использования коммунальных отходов, в первую очередь, в качестве тепловых и энергоресурсов. Для достижения поставленных целей в республике сформирована комплексная система нормативных документов.

Приоритетные направления, первоочередные мероприятия по обращению с отходами и их использованию в качестве вторичных материальных ресурсов определены Стратегией в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2025 года и Государственной программе сбора (заготовки) и переработки вторичного сырья в Республике Беларусь на 2009–2015 годы. Правовые основы обращения с отходами регулируются Законом Республики Беларусь № 271-З от 20.07.2007 «Об обращении с отходами» и рядом подзаконных нормативных правовых

актов, разработанных в его развитие. Одним из инструментов экономического стимулирования рационального обращения с отходами является система взимания экологического налога, которая предусматривает увеличение ставки налога более чем в 600 раз за захоронение 1 тонны отходов, содержащих вторичные материальные ресурсы. Субъекты экономики, нарушившие законодательство об обращении с отходами, несут гражданско-правовую, административную, уголовную и иную ответственность в соответствии с законодательными актами.

Однако для реализации программ и определения более высоких целей необходимы годы для создания устойчивой эколого-экономической системы обращения с отходами, которая ориентирована на рыночные механизмы совершенствования законодательства, условий работы организаций, занятых в этой сфере, соответствующей инфраструктуры и формирование ответственного отношения всех субъектов экономики к экологической культуре.

Недостатки в системе сбора и переработки вторичного сырья были рассмотрены Главой государства на совещании с руководителями министерств и ведомств в марте 2014 года. Александр Лукашенко обратил внимание на ряд проблем в функционировании соответствующей системы, в том числе на неэффективную систему сбора отходов, низкий уровень извлечения вторичных материальных ресурсов, создание и загрузку современных мощностей по переработке отходов, нарушение природоохранного законодательства. Президент привел пример, что в странах Европы из отходов извлекается и перерабатывается до 50% вторичных материальных ресурсов. Особенно поучителен опыт Швейцарии и Германии, где твердые коммунальные отходы вообще не закапывают в землю. Там все собирается и перерабатывается, а то, что не может быть переработано, либо сжигается для получения тепловой энергии, либо компостируется для использования в сельском хозяйстве. «Вот к этому надо стремиться. А задача государства – создать экономические, организационные и социальные условия для совершенствования и повышения эффективности процесса сбора и переработки отходов», – подчеркнул белорусский лидер [9].

По результатам совещания 28 июля 2014 г. был подписан Указ Президента № 381 «О внесении дополнений и изменений в указы Президента Республики Беларусь по вопросам совершенствования системы обращения с отходами потребления». Документ направлен на совершенствование отношений в сфере обращения с вторичными материальными ресурсами и предусматривает по-

ЛИТЕРАТУРА

этапное увеличение для производителей нормативов сбора, обезвреживания и использования их отходов с применением собственной системы сбора (с 30% в 2014 году до 50% в 2020 году – по отходам бумажной, стеклянной и полимерной упаковки, отходам масел, шин и камер, с 10 до 30% – по отходам бытовой техники, отработанным элементам питания, лампам, термометрам).

Заключение. Таким образом, переработка производственных и бытовых отходов обоснована с экологической и экономической точек зрения. Главная экономическая ценность переработки отходов и использования вторичного сырья при производстве продукции для Республики Беларусь заключается в повторном применении ресурсов, уменьшении топливной и энергетической зависимости, повышении производительности ресурсов, снижении материало- и энергоемкости и как следствие – затрат на производство продукции. К сожалению, пока меры, которые принимаются в области обращения с отходами, еще недостаточно эффективны. Решению данной проблемы будет способствовать дальнейшее совершенствование механизма рационального сочетания рыночных инструментов с методами государственного регулирования в сфере заготовки и переработки вторичных ресурсов.

1. Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет, 2014. – С. 207.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь. – Минск: Юнипак, 2004. – С. 196.
3. Шушкевич, А.М. Использование отходов – ценный источник сырьевых ресурсов / А.М. Шушкевич // Экон. бюллетень НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2012. – № 4. – С. 63.
4. Кулиев, С.И. Эколого-экономическая оценка эффективности переработки и утилизации твердых отходов в Республике Беларусь / С.И. Кулиев // Материалы XIII Научной сессии преподавателей и студентов ВФ УО ФПБ МИТ-СО: сб. докладов: в 3 ч. – Витебск: ВФ УО ФПБ МИТ-СО, 2010. – Ч. 1. – С. 244.
5. Киловатты со свалки // Экономическая газета. – 2013. – № 51 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.neg.by>. – Дата доступа: 10.05.2015.
6. Перечень объектов по использованию, обезвреживанию, захоронению и хранению отходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minpriroda.gov.by/ru/new_url_1968165295. – Дата доступа: 01.05.2015.
7. Государственная программа сбора (заготовки) и переработки вторичного сырья в Республике Беларусь на 2009–2015 годы.
8. В Беларуси будет создан современный комплекс по сбору, экологически безопасному хранению и переработке отработанных масел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minpriroda.gov.by/ru/news>. – Дата доступа: 10.05.2015.
9. Александр Лукашенко провел совещание по вопросу совершенствования системы сбора вторичного сырья и его переработки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view. – Дата доступа: 20.05.2015.

Эмпирическое исследование взаимосвязи когнитивных стилей у геймеров

Н.В. Богачева*,
А.Е. Войскунский**

*Учреждение образования «Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова», Москва (Россия)

**Учреждение образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва (Россия)

Проведены когнитивно-стилевые исследования пользователей Интернета применительно к геймерам, выявлена когнитивно-стилевая специфика последних.

Цель – провести исследования, демонстрирующие связь когнитивных стилей человека с особенностями решения задач в ситуации диалога с компьютером.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 145 испытуемых в возрасте 18–35 лет. Для обработки результатов использовался статистический пакет SPSS 17.0 (t-критерий Стьюдента для сравнения двух независимых выборок, непараметрический U-критерий Манна–Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты и их обсуждение. Когнитивно-стилевые параметры зачастую описываются как независимые друг от друга характеристики, однако исследования показывают, что некоторые из них связаны между собой и с другими показателями когнитивной продуктивности. Выявлению когнитивно-стилевой специфики геймеров и посвящена данная работа.

Установлено, что игроки в компьютерные игры – геймеры – характеризуются определенной когнитивно-стилевой спецификой, а именно, среди них преобладают люди с полнезависимым и рефлексивным когнитивными стилями. Геймеры с высоким уровнем игровой активности также обладают более гибким познавательным контролем, легче преодолевают интерференцию. Полнезависимость и рефлексивность демонстрируют значимую положительную корреляцию с показателем гибкого познавательного контроля, что допускает существование некоторых общих психологических механизмов, отвечающих за успешность решения задач на данные когнитивно-стилевые параметры.

Заключение. Проведенное исследование косвенно проверяет гипотезу о связи между когнитивно-стилевой регуляцией процессов восприятия и мышления и функционированием механизмов когнитивного контроля.

Ключевые слова: когнитивно-стилевые параметры, Интернет, геймеры, полнезависимость/полнезависимость, импульсивность/рефлексивность.

Empirical Study of the Interaction of Gamers' Cognitive Styles

N.V. Bogacheva*,
A.E. Voiskunski**

*Educational establishment "Moscow State I.M. Sechenov Medical University",
Moscow (Russia)

**Educational establishment "Moscow State M.V. Lomonosov University",
Moscow (Russia)

A cognitive and style study of the Internet users, gamers, was conducted. The cognitive and style specificity of gamers was identified.

The purpose is to conduct researches which demonstrate a link between cognitive styles of the person with peculiarities of solving tasks in the situation of the dialogue with the computer.

Material and methods. 145 18–35 year old tested people participated in the research. To process the findings SPSS 17.0 statistic package (t-Student criterion for comparing two independent selections, non-parameter U criterion by Mann–Whitney; Spirman coefficient of range correlation) was used.

Findings and their discussion. Cognitive and style parameters are often described as independent of each other characteristics, however, studies show that some of them are connected with each other and with other parameters of cognitive productivity. The research centers round identification of cognitive and style specificity of gamers.

It is stated that gamers are characterized by certain cognitive and style specificity, namely, among them people with field undependable and reflective cognitive styles prevail. High level game active gamers also possess more flexible cognitive control, they overcome interference easier. Field dependence and reflectivity demonstrate considerable positive correlation with the indicator of flexible cognitive control, which permits existence of some general psychological mechanisms responsible for success in solving tasks with these cognitive and style parameters.

Conclusion. The research indirectly checks the hypothesis on the connection of cognitive and style regulation of the processes of perception and thinking and functioning of mechanisms of cognitive control.

Key words: cognitive and style parameters, the Internet, gamers, field dependence/field independence, impulsiveness/reflectivity.

Одной из сфер деятельности человека, претерпевающих наиболее серьезные изменения в условиях распространения и развития современных информационных технологий, является рекреационная деятельность, и в частности – игра. Компьютерные игры являются одним из популярнейших способов проведения досуга у детей, подростков и взрослых по всему миру. В России более 30% населения в возрасте от 13 лет считают себя активными игроками в компьютерные игры – геймерами [1]. Психологические последствия этого увлечения оцениваются исследователями по-разному: среди возможных негативных эффектов наиболее часто рассматриваются развитие аддикции и агрессия вне игрового пространства; к возможным позитивным следствиям относят развивающий и обучающий потенциал компьютерных игр [2; 3]. Так, когнитивно-психологические исследования показывают, что игроки в компьютерные игры зачастую превосходят своих неиграющих сверстников по параметрам гибкости и селективности зрительного внимания [4], объему рабочей памяти [5], пространственным способностям [6].

Наряду с этими традиционными областями исследования приобретают все большую актуальность работы, посвященные изучению специфики механизмов когнитивного контроля у геймеров.

Под когнитивным контролем в психологии понимаются функции обеспечения целенаправленного поведения человека. К ним относят: переключение между видами деятельности, поддержание текущей деятельности, подавление сторонних импульсов. Исследования показывают, что в наибольшей степени компьютерная игровая деятельность способствует тренировке механизма подавления irrelevantных стимулов [7; 8]. Некоторые ученые полагают, что успешность геймеров в тестах на внимание и высокая скорость переключения между выполняемыми задачами (мультитаскинг) связаны со спецификой когнитивного контроля, а не с особенностями внимания и рабочей памяти как таковых. Таким образом,

функции контроля выступают в качестве некоторого интегративного фактора, влияющего на другие когнитивные процессы.

К глобальным когнитивным параметрам можно также отнести когнитивные стили. Эта проблематика также приобретает высокую актуальность в контексте психологии Интернета и компьютерной игры.

В наиболее широком смысле под когнитивными стилями в психологии подразумеваются индивидуальные устойчивые характеристики познавательных процессов, аффективной сферы и межличностных отношений [9]. Более узкая трактовка определяет стили как устойчивую специфику восприятия и первичной переработки информации, влияющую на деятельность и мышление человека [10]. Еще в 1980-х годах в рамках школы О.К. Тихомирова были проведены исследования, демонстрирующие связь когнитивных стилей человека с особенностями решения задач в ситуации диалога с компьютером [11]. В настоящее время когнитивные стили сравнительно широко рассматриваются в прикладных областях киберпсихологии, таких, как создание виртуальных реальностей [12] и разработка эффективных систем дистанционного обучения [13]. Проводились также когнитивно-стилевые исследования пользователей Интернета [14], но не применительно к геймерам. Выявлению когнитивно-стилевой специфики геймеров и посвящена данная работа.

Цель – провести исследования, демонстрирующие связь когнитивных стилей человека с особенностями решения задач в ситуации диалога с компьютером.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 145 испытуемых в возрасте 18–35 лет. На основании специально разработанного структурированного интервью были выделены 2 группы:

1) **«геймеры»:** 88 человек (50% мужчин), регулярно играющие в компьютерные игры в течение 1 и более часов в неделю (в среднем – не менее 4 ч/нед.);

2) **контрольная группа:** 57 человек (32% мужчин), не играющие и не игравшие в компью-

терные игры в течение более 3 месяцев до настоящего времени и не интересующиеся ими.

Средний возраст испытуемых в каждой группе составил 24 ± 5 лет.

Измерялись следующие когнитивно-стилевые характеристики:

1) **Импульсивность/рефлексивность:** стиль отражает склонность испытуемых к быстрому или медленному темпу принятия решений в ситуации неопределенности. Методика: «Тест сопоставления знакомых картинок» Дж. Кагана. Испытуемому предлагается как можно быстрее и правильнее найти в ряду похожих изображений одно, идентичное эталону. Измерялись следующие показатели: а) среднее время первого ответа (в секундах); б) общее количество ошибок, допущенных в тесте. На основании этих показателей испытуемые относились к импульсивному (быстрые ответы при сравнительно большом количестве ошибок) либо рефлексивному (сравнительно медленные ответы, мало ошибок) когнитивному стилю.

2) **Полезависимость/полenezависимость:** стиль, отражающий склонность ориентироваться при решении задач в большей степени на внутренние ощущения или информацию извне. Методика: *тест встроенных фигур Г. Уиткина*, измеряющая среднее время (в секундах) обнаружения испытуемым простой геометрической фигуры в сложной. Чем медленнее решается данная задача, тем выше полезависимость.

3) **Гибкий/ригидный познавательный контроль:** отражает познавательную гибкость (способность преодолевать интерференцию, возникающую при работе с противоречивым материалом) или ригидность (неспособность преодолеть интерференцию). Методика: *тест словесно-цветовой интерференции Дж. Струпа*, вариант с тремя картами: словесной, цветовой и конфликтной (цветные слова, цвет шрифта не совпадает с обозначающим цвет словом). Показателем интерференции является разность времени выполнения второй и третьей карт: чем она меньше, тем более гибкий познавательный контроль.

4) **Узкий/широкий диапазон эквивалентности:** когнитивный стиль, отражающий склонность к анализу (поиску различий между объектами и явлениями) или синтезу (поиску сходства между ними). Методика: «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера в модификации В.А. Колги. Испытуемому предлагалось разложить определенный набор слов на группы, в качестве показателей оценивались количество выделенных групп, а также логическая обоснованность оснований, по которым эти группы были выделены. Большое количество небольших по объему групп предполагает преобладание аналитического мышления

и узкий диапазон эквивалентности, небольшое количество крупных групп – преобладание синтетического мышления и широкий диапазон эквивалентности.

Для обработки результатов использовался статистический пакет SPSS 17.0 (t-критерий Стьюдента для сравнения двух независимых выборок, непараметрический U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты и их обсуждение.

1. Сравнение геймеров и контрольной группы

Геймеры по сравнению с контрольной группой показали более высокие результаты (быстрее решали задания) в тесте встроенных фигур Г. Уиткина, что указывает на преобладание среди них полenezависимых испытуемых ($T = -3,058$; $p = 0,003$; среднее время в группе геймеров 19 ± 9 с, в контрольной группе 24 ± 11 с).

В тесте Дж. Кагана испытуемые из группы геймеров в среднем совершают меньше ошибок (более рефлексивные), чем испытуемые контрольной группы ($U = 1975,5$; $p = 0,03$; в среднем 5 и 8 ошибок соответственно); среднее время первого ответа в группах значимо не различается.

Группа геймеров и контрольная группа значимо не отличаются по показателям тестов Дж. Струпа и Р. Гарднера, однако в подгруппе наиболее активных геймеров, регулярно играющих более 12 ч/нед., интерференция оказалась меньшей (что означает большую когнитивную гибкость), чем в контрольной группе ($U = 1287,5$; $p = 0,041$) в тесте Дж. Струпа.

2. Взаимосвязь когнитивно-стилевых параметров в группе геймеров и контрольной группы

Когнитивно-стилевые параметры зачастую описываются как не зависящие друг от друга характеристики, однако исследования показывают, что некоторые из них связаны между собой и с другими показателями когнитивной продуктивности [10]. На исследуемой нами выборке были получены следующие корреляции между показателями: **высокая интерференция** в тесте Дж. Струпа (когнитивная ригидность) оказалась значимо **положительно связана** с количеством ошибок в тесте Дж. Кагана (импульсивностью) ($r = 0,246$; $p = 0,03$); **временем** нахождения простой фигуры в сложной в тесте Г. Уиткина (полезависимость) ($r = 0,372$; $p = 0,000$). Две последние переменные также показали значимую взаимную положительную корреляцию ($r = 0,262$; $p = 0,01$).

Время поиска простой фигуры в сложной в тесте Г. Уиткина **отрицательно** коррелирует с **коэффициентом категоризации** в тесте Р. Гарднера ($r = -0,70$; $p = 0,001$). Таким образом, **высокая полезависимость** сочетается с **ригидным познавательным контролем** и склонностью давать си-

туативные интерпретации в тесте Р. Гарднера, что согласуется с результатами исследований, приведенных М.А. Холодной [10].

Корреляции, рассчитанные только для группы геймеров, в целом аналогичны общегрупповым: сохраняются значимые положительные корреляции между когнитивной ригидностью по тесту Дж. Струпа и количеством ошибок в тесте Дж. Кагана ($r = 0,263$; $p = 0,013$); ригидностью и полезависимостью ($r = 0,284$; $p = 0,007$). Становится значимой положительная корреляция ригидности и латентного времени первого ответа в тесте Дж. Кагана ($r = 0,230$; $p = 0,031$); таким образом, ригидный познавательный контроль выступает в качестве переменной, связанной с двумя другими когнитивно-стилевыми показателями, характеризующими, по мнению М.А. Холодной, низкий уровень развития произвольного интеллектуального контроля [10].

То, что в качестве общей переменной для когнитивно-стилевых параметров выступает именно гибкий/ригидный познавательный контроль, измеряемый с помощью теста Струпа, представляется весьма важным результатом, поскольку данный тест является не только когнитивно-стилевой методикой, но также широко применяется для диагностики когнитивного контроля. Таким образом, гипотеза о связи когнитивно-стилевых характеристик и механизмов когнитивного контроля, описываемая в работах М.А. Холодной, в определенной степени подтверждается для данной выборки.

Заключение. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1) Игроки в компьютерные игры – геймеры – характеризуются определенной когнитивно-стилевой спецификой, а именно, среди них преобладают люди с полнезависимым и рефлексивным когнитивными стилями. Геймеры с высоким уровнем игровой активности также обладают более гибким познавательным контролем, легче преодолевают интерференцию.

2) Полнезависимость и рефлексивность демонстрируют значимую положительную корреляцию с показателем гибкого познавательного контроля, что допускает существование некоторых общих психологических механизмов, отвечающих за успешность решения задач на данные когнитивно-стилевые параметры.

Опираясь на литературные источники, можно предположить, что этим общим механизмом может являться одна из функций когнитивного

контроля, а именно – подавление иррелевантной информации. Проведенное исследование таким образом позволяет продвинуться в решении двух задач: выявляет когнитивно-стилевую специфику, характерную для геймеров, и косвенно проверяет гипотезу о связи между когнитивно-стилевой регуляцией процессов восприятия и мышления и функционированием механизмов когнитивного контроля [15].

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-06-00740.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рынок он-лайн игр в России // RBK Money [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.rbkmoney.com/sites/default/files/Layout_Infographic_FromGDCbooklet_RUS.jpg. – Дата доступа: 30.12.2014.
2. Войскунский, А.Е. Психология и Интернет / А.Е. Войскунский. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.
3. Greenfield, P.M. Technology and informal education: What is taught, what is learned / P.M. Greenfield // Science. – Vol. 323. – P. 69–71.
4. Green, S. Action computer game modifies visual selective attention / S. Green, D. Bavelier // Nature. – 2003. – Vol. 423, № 6939. – P. 534–537.
5. Neural Basis of Superior Performance of Action Videogame Players in an Attention-Demanding Task / J. Mishra [et al.] // The Journal of Neuroscience. – 2011. – Vol. 31, № 3. – P. 992–998.
6. Feng, J. Playing an action video game reduces gender difference in spatial cognition / J. Feng, I. Spence, J. Pratt // Psychological science. – 2007. – Vol. 18, № 10. – P. 850–855.
7. Van Muijden, J. Online games training aging brains: limited transfer of cognitive control functions. / J. van Muijden, G.P.H. Band, B. Hommel // Frontiers in Human Neuroscience [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3421963>. – Дата доступа: 30.12.2014.
8. Video game training enhances cognitive control in older adults / J.A. Anguera [et al.] // Nature. – 2013. – Vol. 501, № 7465. – P. 97–101.
9. Соколова, Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии / Е.Т. Соколова. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 128 с.
10. Холодная, М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учеб. пособие / М.А. Холодная. – М.: ПЭР СЭ, 2002. – 304 с.
11. Корнилова, Т.В. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером / Т.В. Корнилова, О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 192 с.
12. Impact of cognitive style on spatial knowledge acquisition / M. Kyritsis [et al.] // 2009 IEEE International Conference on Multimedia & Expo (ICME 2009), New York, 28 June – 3 July, 2009 / IEEE – New York, 2009. – P. 966–969.
13. Chen, S.Y. Cognitive styles and hypermedia navigation development in a learning model / S.Y. Chen, R.D. Marcedie // Journal of American Society of information science and technology. – 2002. – Vol. 53, № 1. – P. 3–15.
14. Кузнецова, Ю.М. Психология жителей Интернета / Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 221 с.
15. Action video gaming and cognitive control: Playing first person shooter games is associated with improvement in working memory but not action inhibition / L.S. Colzato [et al.] // Psychological Research. – 2013. – Vol. 77, № 2. – P. 234–239.

Лемма об антропогенной природе развития информационных технологий

Г.В. Лосик

Государственное научное учреждение «Объединенный институт проблем информатики Национальной академии наук Беларуси»

Излагается в виде леммы теория, в которой информационные технологии рассматриваются как новый, техногенный виток дальнейшего не биогенного развития психики человека. Согласно лемме информационные технологии выступают вариантом дальнейшего развития психики субъекта, т.е. являются, наоборот, следствием, а не причиной, как принято считать, появления у субъекта как у их пользователя всевозможных специфических феноменов. Лемма рассматривает появление компьютерных систем текстовой обработки информации как техногенный виток развития вербально-логического мышления субъекта, а компьютерных систем виртуальной реальности – как техногенный виток развития его образного мышления.

Цель данной работы – исследовать антропогенную природу развития информационных технологий.

Материал и методы. Теоретический анализ антропогенной природы развития информационных технологий.

Результаты и их обсуждение. Данная работа дополняет список феноменов, ярко характеризующих изменения в психике современного человека-пользователя информационных технологий, список, намеченный авторами работы как «законченный». Дополняя этот список, мы предлагаем лемму о причине появления данных феноменов. Согласно лемме, которая носит исключительно кибернетическое содержание, а не философское, мозг как носитель информации, кодирующая и декодирующая информационная система, исчерпал свой ресурс помещать на имеющемся у него объеме нейронной материи ту информацию, которая им перерабатывается.

Заключение. Рассмотренная лемма позволяет увидеть очередной виток развития психики человека, генезиса его мозга в виде техногенеза психики. При такой лемме, представляющей собой схоластику в кибернетике, психические феномены последствий развития информационных технологий становятся легко объяснимыми, предсказуемыми, а результаты психологических исследований смогут стать достоянием и других, смежных наук.

Ключевые слова: лемма, антропогенная природа, информационные технологии, виртуальная реальность, образное мышление, кибернетика.

A Lemma about the Anthropogenic Nature of the Informational Technology Development

G.V. Losyk

State scientific establishment “United Institute of Computer Problems of the National Academy of Sciences of Belarus”

In the form of a lemma a theory of information technologies as a new technogene wind of a further non biogene development of the man's psyche is presented. According to the lemma information technologies are a variant of the further development of the subject's psyche, i.e. are, *visе versa*, consequence not the reason, as is usually thought, for emergence of the subject's various specific phenomena. The lemma considers emergence of computer systems of word processing of information as a technogene wind in the development of verbal and logical thinking of the subject, while computer systems of virtual reality as a technogene wind in the development of his image thinking.

The objective is to study anthropogeneic nature of the development of information technologies.

Material and methods. Theoretical analysis of anthropogene nature of the development of information technologies.

Findings and their discussion. The work contributes to the list of phenomena, which vividly characterize transformations in the psyche of the

contemporary man, user of information technologies, the list, which is outlined by the authors as "complete". Adding to the list, we offer a lemma on the reason for the emergence of these phenomena. According to the lemma, which has exclusively cybernetic content, not the philosophic one, brain as the information carrier, the coding and the decoding information system, has run out of its resource to place on the available amount of neurone matter the information which it processes.

Conclusion. The lemma makes it possible to see another wind in the development of human psyche, genesis of his brain, in the form of technogenesis of psyche. With this lemma, which is scholastics in cybernetics, psychic phenomena of the consequences of the development of information technologies, become easily explained, forecasted, while the findings of psychological research can become part of interdisciplinary sciences.

Key words: lemma, anthropogenic nature, information technologies, virtual reality, image thinking, cybernetics.

Взарубежной и отечественной литературе описываются как положительные, так и отрицательные психологические последствия компьютерного прогресса. Положительных сторон психологи находят больше: развитие интеллекта, кругозора знаний, упрощение поиска нужной информации, создание новых каналов коммуникации людей. В среде отечественных психологов позитивные стороны компьютеризации и Интернета уже многие годы изучаются А.Е. Войскунским, О.В. Митиной, Н.А. Бабаевой и их соавторами [1; 2]. Много психологических исследований посвящено также негативным сторонам компьютерного прогресса, особенно проблемам компьютерной зависимости [3; 4].

Особого внимания заслуживают подходы, в которых подвергается анализу широкий спектр трансформаций психики человека и с позиции патопсихологии ставится вопрос о необратимости изменений психики человека от компьютерных технологий. В них показывается глубинный и массовый характер трансформаций психики людей самых разных возрастов, порождаемых компьютерными технологиями, трансформаций, которые из разряда патологичных переходят в привычные. Нами предлагается лемма в виде экстраполяции этого подхода в кибернетику, которая доказывает неслучайность возникновения компьютерных технологий, столь бурно вносящих изменения в жизнь современного человека.

Можно отложить экспериментальную проверку предлагаемой леммы. Но тогда, развивая известные подходы и оставаясь внутри только своей науки, психологи могут и далее до бесконечности «толочь воду в ступе». Ибо в психологических подходах оказывается неучтенной точка зрения на это явление кибернетики, обеспечивающей существование информационных технологий. На стыке нескольких наук рождались ответы на вопросы, которые специалистам одной науки решить не удавалось. Сегодня в ряде психологических статей [5–7] очерчена критическая ситуация в дальнейшем изучении психологии сознания и бессознательного, ставится вопрос причины возникновения сознания в филогенезе, роли его как когнитивного и адаптационного инструмента

в жизни человека. Эти статьи невольно свидетельствуют о том, что психологическая наука, оказываясь, не предвидела появления тех описываемых психических феноменов. Аналогично в другой науке, информатике, статьями А.Я. Фридланда [8], К.К. Колина [9] показана критическая ситуация в дальнейшем изучении «голой» информации, пропускной способности канала ее передачи, «пустого» исчисления объемов данных. В информатике и кибернетике давно безуспешно делаются попытки исчисления «содержания» информационного сообщения, объема в нем «смысла». В связи с этим лемма о развитии психики формулируется нами и экспериментально проверяется именно на стыке двух наук: она ставит цель изменить ошибочные представления о «психологических последствиях развития информационных технологий». Согласно лемме появление компьютера есть новый виток генезиса коры головного мозга человека, а возникновение кибернетики, обеспечившей появление компьютера, есть новый шаг антропогенеза мозга, но в виде не биогенеза, а техногенеза.

Цель данной работы – исследовать на основе квазиэксперимента антропогенную природу развития информационных технологий, предложить модель техногенного витка дальнейшего развития образного мышления человека, обсудить предсказываемый моделью путь дальнейшего развития новой гибридной системы.

Материал и методы. Для проверки данного предположения нами был применен метод квазиэксперимента. Он предполагает изучение психологических и технических материалов, проведение анализа уже совершившихся фактов, но через призму заранее сформулированной гипотезы или предлагаемой теории. В нашем случае были проведены два независимых анализа: первый, психологический, в плане антропогенеза памяти, восприятия, речи и мышления человека, и второй, технический, в плане тенденций развития информационных технологий, систем виртуальной реальности. Например, подтверждением на психологическом уровне данной леммы является содержание статьи А.Ш. Тхостова и соавторов [7]. Она подтверждает нашу лемму изложенными в ней многочисленными фактами и их обобщения-

ми. Рассмотрим сначала положения леммы, которые получают подтверждение со стороны психологических фактов и закономерностей развития психики в филогенезе и онтогенезе.

Анализ филогенеза: витки образного мышления человека. В психологии известны теория поэтапного развития умственных действий человека [9] и теория культурно-исторического развития его психики [7]. Согласно им экстерииоризация предметов и действий с ними у человека в филогенезе и онтогенезе сменяется интериоризацией и появлением символов. Благодаря символу и слову в психике совершается замена образа предмета и действий их символами-словами. Слово помогает отфильтровывать в образе обобщенные признаки и переходить к понятиям. Таким образом, на определенном этапе развития психики у человека появляется вторая форма мышления. В результате первая форма – мышление образами – дополняется мышлением знаками и символами. Это своеобразный виток в развитии образного мышления. Появление мышления символами в филогенезе улучшило эргономику мыслительного процесса человека, ускорило ход мысли, помогло абстракции, упростило коммуникацию людей. На нейрофизиологическом уровне появление словесной формы мышления связано с появлением новых зон коры головного мозга. У человека в филогенезе возникли зоны Брока и Вернике в левом полушарии мозга. В слуховой коре появились специфические зоны, отвечающие за фонетический и фонематический анализ устной речи. В артикуляционной коре появились специфические зоны, отвечающие за управление рядом, подъемом, оглушенностью произнесения звука. Эти изменения произошли много тысячелетий назад. Вместе с тем в антропологической психологии признается сегодня факт, что за последние 2 тысячи лет в антропогенезе коры головного мозга, в филогенезе психических функций ощущений, восприятия, памяти и мышления человека изменений не наблюдается. Считается, что филогенез психики на сегодняшнем этапе у человека дальше стал невозможен из-за анатомических ограничений черепной коробки. Ее габариты мешают филогенетическому росту коры головного мозга, которая отвечает за психические процессы. И как следствие, по биологическим причинам филогенетическое развитие памяти, речи, мышления человека стало далее невозможным. Поэтому, согласно лемме, эволюция психики человека пошла путем технического наращивания возможностей мозга – компьютер расширил функции памяти и мышления.

Анализ техногенеза: витки в развитии средств виртуальной реальности. Для того чтобы обойти стороной возникший биологический

барьер, согласно лемме, эволюция психики человека пошла путем технического наращивания возможностей мозга, а именно, компьютерного расширения функций образной памяти и мышления. Именно поэтому, мы считаем, так быстро прогрессируют компьютерные системы виртуальной реальности, шлемы и перчатки, комнаты виртуальной реальности. Эти технические средства воссоздают в психике человека образ виртуального материального мира, который проявляется у человека через зрительные, звуковые и тактильные ощущения. Пользователь погружается в виртуальную реальность, ибо имитируемая обстановка моделируется с высокой степенью реализма, а пользователь может воздействовать на нее с обратной связью в реальном времени. В доказательство леммы приведем в виде фактов два новых эффекта, которые уже принято рассматривать в психолого-виртуальной реальности. Для реализации первого эффекта – присутствия, который исследовался Л.С. Выготским, А.Е. Войскунским [10; 11], важны качественные средства воссоздания пространства, движения, времени. Особое значение приобретает чувство наблюдателя, которое обеспечивается зрительным стереоэффектом, сменой ракурса видимости окружающих объектов в зависимости от смены направления взора, воссозданием глубины, фокусировки на объект. Второй эффект – взаимодействия – исследовался в работах В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломова, Н.Ю. Вергилеса, А.В. Запорожца и требует условия сиюминутности видения результата воздействия на предмет, отсутствия временной задержки. Возможность создавать человеку эффект присутствия и взаимодействия появилась благодаря достижениям компьютерных технологий, но не сразу, а только с созданием систем трехмерной стереоскопической виртуальной реальности, систем трекинга движений головы, глаз, туловища, руки [8].

Итак, за счет добавления образов из компьютерной виртуальной среды для человека создается новый своеобразный способ мыслить образами. Он создается при пользовании шлемом, комнатой виртуальной реальности. У пользователя виртуально формируются новые полезные навыки, он переживает образные эмоции. В этом случае начальный, первый вид мышления – образный – получает возможность нового витка развития. Возникает вопрос: тождественно ли мышление компьютерными образами естественному образному мышлению? И если не тождественно, то в чем их отличие? Данное исследование ставило цель проверить, действительно ли образы в системах виртуальной реальности, в отличие от мышления человека, более примитивны. Являются ли они всего лишь конкретными образа-

ми представлений? Они отличаются тем, что не раздражают зловонием, не причиняют человеку боли, увечья.

В соответствии с леммой появление компьютера, в частности ноутбука, планшета, следует интерпретировать не как появление нового прогрессивного «инструмента» в деятельности человека, а как возникновение сугубо у отдельного человека нового «отдела» мозга в дополнение к уже существующим отделам. Это, прежде всего, генезис индивида, а не социума. Подтверждением леммы является тот факт, что компьютер сегодня используется преимущественно персонально. В прямом порядке мозг субъекта часть переработки своей информации переносит в компьютер. Но не маловажен и тот факт, что в обратном порядке в мозге владельца компьютера формируется образ папок, файлов, рабочего стола компьютера. Следовательно, компьютерный прогресс – это новый виток в развитии психики отдельного человека.

Анализ онтогенеза: новые феномены развития образного мышления ребенка. Если лемма подтверждается, из нее вытекает, что в онтогенезе человека также, аналогично филогенезу, должны произойти изменения и их можно предсказывать. У ребенка закономерно должен появиться этап освоения образной формы мышления с помощью средств виртуальной реальности и Интернета. Массовое увлечение сегодня детей играми на компьютере можно считать экспериментально установленным фактом. Покупка «телесных» игрушек в магазинах сократилась. В семье ребенок вместо общения с родителями часами «общается» с образами киберов, сиборгов, динозавров, гомоидов виртуальной среды образных игр на компьютере, планшете, смартфоне. В детском саду и на уроке в школе средства виртуальной реальности еще запрещены.

Как и при натуральном образном мышлении и натуральных образных играх, при играх с виртуальной реальностью у ребенка возникают аналогичные патологические феномены. Возникает феномен азарта и феномен «потока» при организации внимания. Когда сеанс виртуальной реальности затягивается во времени, он уподобляется сну, в котором мотивация и контроль сознания блокированы. В виртуальной игре возникает аналогичный феномен монотонии в работе, феномен «подсказки не вовремя», которые известны в инженерной психологии. В виртуальных играх, как и в натуральных ролевых играх, возникают феномены аутизма и подмены возраста, пола, расы. Эти феномены как феномены компьютерной зависимости детально изучаются сегодня уже многими патопсихологами.

Из леммы следует, что в онтогенезе у детей, чего не могло быть раньше, может нарушаться

формирование навыка пользования реальным предметом, если виртуальный навык не переносим в реальную жизнь. Так, известны факты, когда после сеанса игры на компьютере с виртуальной собакой, котом ребенок наотмашь палкой безжалостно начинает бить реального щенка, котенка, оказавшегося с ним рядом. Раннее освоение ребенком разных форм взаимодействия с виртуальной реальностью будет способствовать атрофии оборонительного рефлекса. Этот рефлекс формируется как рефлекс избегания раздражителей, доставляющих человеку боль. И его поддержание происходит только в практической деятельности человека, а воссоздание боли невозможно в виртуальной реальности сегодняшними средствами. У ребенка, подростка закономерно будет атрофироваться и притупляться рефлекс на новизну образов. Это следует из того обстоятельства, что виртуальные музеи, экскурсии, энциклопедии легко насыщают любопытство пользователя Интернета. Поэтому удивить, увлечь новой образной информацией человека будет со временем все труднее. Наоборот, ориентировочный, познавательный, половой рефлекс станут формироваться у ребенка более рано и лучше благодаря легкодоступности через виртуальную реальность соответствующих положительных эмоций.

Результаты и их обсуждение. Мы рассмотрели факты, подтверждающие лемму как на психологическом уровне, так и на компьютерном. Были названы факты из филогенеза и онтогенеза, а также факты закономерных тенденций развития технических систем виртуальной реальности.

В подтверждение леммы назовем одно сходство, которое обнаруживается в биогенезе речевой функции у человека и техногенезе компьютерных носителей информации. В биогенезе заслуживает внимания тот факт, что после рождения и овладения речью и конкретным языком у человека эти знания, опыт не передаются по наследству. В то же время иные приспособительные достижения предыдущего поколения через ДНК передаются последующему поколению. Но речевые отделы мозга ребенка почему-то генетически формируются пустыми и не заполняются конкретной языковой базой из генома, а каждый раз новый родившийся человек должен заполнить информацией эти зоны наново. В филогенезе человека никаких облегчений приобретения языкового опыта ребенком не наблюдается. Аналогичная ситуация складывается и с появлением компьютера персонально у каждого субъекта. Он получает его пустым и имеет свободу заполнения его информацией по своему прижизненному вкусу, а не оказывается в плену опыта и навыков, навязанных ему предыдущими поколениями.

И в том, и в другом случае субъект получает по наследию лишь носитель информации.

В плане обсуждения предложенной леммы можно по ней, как по модели, предсказать те феномены, которые еще закономерно наступят, если лемма верна, в ближайшем будущем.

Прогноз изменений онтогенеза: новые феномены развития моторики руки и предметно-действенного мышления ребенка. Согласно лемме, у подростка в онтогенезе будут атрофироваться моторика руки и пальцев, все слабее формироваться навык плавно писать, навык глаз воспринимать глубину пространства, навыки совершать перцептивные действия ощупывания рукой мягкого, гибкого, упругого, пластичного предмета. Поэтому станут распространенными курсы тренинга этих атрофирующихся навыков. В школе появится компьютер с тактильной обратной связью. Он обеспечит виртуальный способ восприятия объектов с мягкой формой, позволит дистанционно, без учителя овладевать образами труднодоступных предметов. Практика использования руки для натурального изучения объектов с мягкой формой у школьника уменьшится.

С приходом в жизнь человека систем виртуальной реальности не станет столь много, как сейчас, практики и инструментальных реальных действий человека, разнообразия движений руки, многообразия действий по удовлетворению бытовых, производственных, спортивных нужд и целей. Вместо инструментальных, производственных действий системы виртуальной реальности будут «специализировать» человека преимущественно на развитии перцептивных действий, образных мыслительных действий. Следовательно, они в большей степени будут расширять практику применения именно перцептивных, а не инструментальных действий в жизни человека. Из этого следует, что «законы» и правила реализации перцептивных действий, которые нами изучаются многие годы [12], становятся сегодня востребованными.

Прогноз сокращения развития в онтогенезе вербальной формы мышления. Из леммы следует прогноз, что у человека-пользователя образных технологий постепенно будет сокращаться вербальная форма мышления с индуктивными и дедуктивными формами рассуждения и увеличится интуитивная форма принятия решения на основе образной информации. Сократится вербальное устное общение между людьми в натуре, диалоги станут краткими, устная речь потеряет связность. Речевой контакт человека с человеком не через компьютер станет коротким, непреднамеренным. Авторитет живого собеседника перед виртуальным снизится. Сначала редуцируются

очные формы вузовского обучения. Они будут заменяться дистанционными формами компьютерного обучения. Появится новое техническое решение телеконференции как виртуальной лекции и виртуального диалога, собеседования. Компьютерные средства смогут в сеансе телеконференции передавать собеседнику не только вид говорящего, но и в нужный момент вид сцены, куда обращается его взор-указка. Далее вслед за реформацией вузовских очных форм образования будут реформироваться школьные формы образования.

С учетом данной леммы возможно предсказание патологических явлений: дисгармонии и противоборства образной и вербальной сферы психики, ухода подростка от материального бытия в идеальные мечты, на этот раз виртуальные. В целом можно ожидать, что практика человека утратит важное ее значение в проверке истинности мыслительных суждений, логических посылок, гипотез, теорий. Поэтому у человека увеличится доля схоластических процессов, рассуждений, теорий. Как отмечалось, вещь приобретет несколько большую силу править человеком по сравнению со словом, чем это имеет место сегодня.

Прогноз снятия запрета на «компьютерной зависимости», «интернет-зависимости». Скоро феномену «компьютерной зависимости», «интернет-зависимости» уже нельзя будет противостоять психотерапией. Согласно лемме, они есть отражение уже необратимого нового витка эволюции психики человека, филогенеза форм его мышления. Это еще один виток ухода человека от материальной реальности, подобно витку ухода от нее, когда человек стал наедине сам с собой рассуждать с помощью внутренней речи, говорить и мыслить словами, абстрактными символами, знаками.

Системы виртуальной реальности не только реализуют новый виток образного мышления человека, но и дают способ формировать сенсорные и моторные навыки с помощью компьютерных тренажеров. В них пока еще плохо воссоздается система «ощущения и наказания», влияющая на появление навыка. Однако он формируется за счет эффектов присутствия и взаимодействия, которые создают стереовизуализация, применение трекеров движения головы, руки, глаза. В итоге навык, сформированный на тренажере, переносится в реальность. Тренажеры формируют навыки у врачей, солдат, позволяют устранять фобии, видеть объекты с нереальной точки зрения. Таким образом, системы виртуальной реальности эффективны не только для развития мышления человека, но и восприятия, памяти, внимания.

Модель трансформации психики в связи с техногенным витком развития психики. Рассмотрим те виды трансформаций психики, которые выделяются в работе [7] как главные «последствия» технического прогресса, перечислим их и дополним. Ее авторы кроме характеристики самих трансформаций, что ценно, называют симптоматику выраженности трансформаций, диагностические критерии их распознавания.

Первая трансформация психики – возникновение компьютерной и интернет-зависимости в разных ее формах у подростков: школьников и дошкольников. Среди различных симптомов компьютерной зависимости самым простым и показательным является симптом агрессии, если у человека уже сформировалась эта трансформация психики. Агрессия незамедлительно проявляется у человека, если его лишить привычных компьютерных средств.

Вторая трансформация – смещение спектра интересов, мотивов, направленности подростка в область приобретения новых компьютерных средств и их изучения.

Третья трансформация – возникновение иллюзии соучастия в реальных социальных мероприятиях, управлении другими людьми, иллюзия реального соучастия, не выходя из сеанса Интернета.

Четвертая трансформация – значительное снижение суверенности, неприкосновенности личности, приватности жизни человека, пребывающего много в Интернет-сети.

Пятая трансформация, вскрытая именно этой группой исследователей, – размывание границ телесности человека, много использующего сетевое виртуальное, а не реальное предметное взаимодействие с окружающим миром.

По мнению авторов, данные трансформации являются наиболее яркими проявлениями «последствий» компьютерного прогресса. В работе [7] они описаны детально, дано, что важно, руководство к тому, какими методиками можно оценивать степень их выраженности у конкретного субъекта.

Вместе с тем, назовем еще ряд уже признанных феноменов, которые, с нашей точки зрения, заслуживают рассмотрения и которые хорошо согласуются с предложенной леммой о техногенезе психики:

– падение авторитета учителя в школе перед учениками, информированными Интернетом и телевизором, в научных знаниях той дисциплины, которую он преподает, а также отца и матери как носителей в прошлом семейной морали перед подростком, авторитета в знаниях политических, культурных, мировых событий, современных и исторических;

– потеря при компьютерной экзаменации знаний (в отличие от экзаменации методом собеседования) – информации о «направлении» ошибки, в случае если ответ ученика ошибочный. Компьютерное тестирование лишает ученика и учителя педагогической информации о том, в какую сторону от эталона по смыслу совершена ошибка. В то время как без этой информации коррекция ошибки у ученика невозможна;

– появление четвертого вида деятельности в жизни человека: в дополнение к игре, учению и труду. Это деятельность взрослых в виде компьютерных развлечений, времяпровождения, релаксации и азартных игр. Это сфера деятельности граждан, официально не курируемая государственными, религиозными органами, так как она не связана ни с какой государственной пользой. Она не направлена ни на какое (ни на духовное, ни на эстетическое, ни на нравственное, ни на религиозное) развитие граждан. Она не порождает никаких (ни материальных, ни культурных) ценностей. Государство и церковь не вмешиваются в этот новый вид деятельности человека, хотя он превратился благодаря информационным игровым технологиям в обширную сферу жизни людей. Государство, не развивая, «терпит» эту деятельность граждан и негосударственных частных фирм как невредную. Этот новый вид деятельности нельзя по классическим определениям отнести ни к одному из прежних трех видов деятельности человека.

Заключение. Данная работа с помощью квазиэксперимента доказывает, что имеются веские основания считать появление систем виртуальной реальности новым витком развития образного мышления человека.

Предложенная лемма о техногенном пути такого дальнейшего развития является своеобразной объяснительной и предсказательной моделью. Она позволяет предсказать дальнейший ход развития психогенеза человека, пополнить список феноменов, ярко характеризующих изменения в психике современного человека-пользователя информационных технологий, список, намеченный авторами работы [7] как «законченный». Дополняя этот список, мы предлагаем лемму о причине появления данных феноменов. Согласно лемме, которая носит исключительно кибернетическое содержание, а не философское, мозг как носитель информации, кодирующая и декодирующая информационная система, исчерпал свой ресурс помещать на имеющемся у него объеме нейронной материи ту информацию, которая им перерабатывается. В психологии эти процессы переработки и хранения называются обобщенно психическими. Но кибернетики различают в этих

процессах два принципиально разных метода кодирования: аналоговый и дискретный. Мозг человека в филогенезе развил в себе символическое, т.е. дискретное кодирование, которое в психологии представлено словесно-логическим мышлением, словесно-логической памятью, суггестивностью устного речевого высказывания. Но в мозге сохранилась и аналоговая форма обработки и хранения информации, которая отвечает за кодирование и декодирование ее смысла [8]. В то время как дискретная форма кодирования, она обеспечивает операции только с данными, а не с их антропологическим смыслом. В связи со сказанным становится объяснимой возможность, возникающая у субъекта секретных данных.

Оставаясь внутри психологической науки, нам кажется, невозможно, не привлекая теории кодирования кибернетики, объяснить, что движет столь бурным прогрессом в информационных технологиях [4]. Сегодня нет иной сферы деятельности человека, которая бы так заполонила умы всех, от мала до велика, как развитие информационных технологий. Даже автомобилестроение, космические, градостроительные, транспортные технологии уступают в темпах развития информационным. Рассмотренная лемма позволяет увидеть в этом прогрессе очередной виток развития психики человека, генезиса его мозга, на этот раз в виде техногенеза психики. При такой лемме, представляющей собой схоластику в кибернетике, психические феномены последствий развития информационных технологий становятся легко объяснимыми, понятными, предсказуемыми, а результаты психологии смогут стать достоянием и других, смежных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войскунский, А.Е. Психология и Интернет / А.Е. Войскунский. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.

2. Войскунский, А.Е. Игровая деятельность посредством компьютерных технологий: направления исследования / А.Е. Войскунский, О.В. Митина, А.А. Аветисова // Психология перед вызовом будущего: материалы науч. конф., приуроченной к 40-летию факультета психологии МГУ, 23–24 нояб. 2006 г. / Моск. гос. ун-т; отв. ред.: Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский. – М., 2006. – С. 6–8.
3. Войскунский, А.Е. Интернет и грамотность / А.Е. Войскунский // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: тезисы докл. IV Междунар. науч. конф., Варшава, 8–12 мая 2008 г. / И.А. Стернин, О.Д. Митрофанова, Е.Е. Юрков, Л. Шипелевич (ред.). – Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersitetu Warszawskiego, 2008. – С. 54–55.
4. Лосик, Г.В. Виртуальная реальность как новый виток по Л.С. Выготскому в филогенезе человеческого мышления образами / Г.В. Лосик // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы развития личности в изменчивом мире: материалы IV Междунар. науч. конф., Гомель, 28–29 окт. 2010 г. – Гомель, 2010. – С. 320–326.
5. Аллахвердов, В.М. Сознание в логике познания / В.М. Аллахвердов // Материалы Пятой междунар. конф. по когнитивной науке, Калининград, 18–24 июня 2012 г. – Калининград, 2012. – С. 216.
6. Allakhverdov, V.M. Does Consciousness? – In What Sense? / V.M. Allakhverdov, V.A. Gershkovich. – Integrative Psychological & Behavioral Science. – 2010. – P. 340–347.
7. Гальперин, П.Я. Основные результаты исследований по проблеме формирования умственных действий и понятий / П.Я. Гальперин. – М.: Наука, 1965. – 322 с.
8. Трахтенгерц, Э.А. Информационные технологии формирования управленческих решений в процессе манипулирования общественным мнением / Э.А. Трахтенгерц // Информационные технологии. Приложение к журналу. – 2011. – № 5. – С. 2–32.
9. Емелин, В.А. Психологические последствия развития информационных технологий / В.А. Емелин, Е.И. Расказова, А.Ш. Тхостов // Нац. психол. журнал. – 2012. – № 1(7). – С. 81–87.
10. Войскунский, А.Е. Психология применения систем виртуальной реальности / А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова // Интернет и современное общество: труды IX Всерос. объединенной конф., Санкт-Петербург, 14–16 нояб., 2006 г. – СПб.: Изд-во филол. факультета СПбГУ, 2006. – С. 52–54.
11. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. – М., 1931. – 331 с.
12. Лосик, Г.В. Особенности кодирования и обработки текстовой и аналоговой информации в мозге человека / Г.В. Лосик // Материалы междунар. конф. РИНТИ-2012. – Минск: ОИПИ НАН Беларуси, 2012. – С. 211–220.

Диалогическая беседа в исследовании разговорной речи дошкольника

Г.С. Азаренок

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

В предлагаемом материале рассматриваются возможности диалогической беседы, спланированной взрослым, в продуцировании разговорной речи дошкольника для последующего содержательного ее анализа.

Цель настоящей статьи – анализ содержания разговорной речи дошкольника в ситуации диалогической беседы.

Материал и методы. Теоретической основой исследования явились научные данные психологов-исследователей о роли в развитии речи дошкольника диалогического общения. В качестве эмпирического метода применялась индивидуальная диалогическая беседа исследователя с ребенком, которая проходила по разработанному плану.

Результаты и их обсуждение. Индивидуальная диалогическая беседа с дошкольником активизирует разговорную речь ребенка, способствует ее содержательности. Качественный анализ содержания разговорной речи дошкольника позволил выделить признаки ситуативного и контекстного говорения. Количественная обработка данных диалогической беседы показывает, что у дошкольников разных возрастных групп в общем объеме высказывания признаки контекстной и ситуативной речи представлены по-разному. У дошкольников всех возрастов в ситуации диалогической беседы присутствуют признаки контекстного говорения, однако доминирует ситуативный план речи. К старшему дошкольному возрасту отчетливо выделяются показатели, характеризующие нарастание контекстного плана речи.

Заключение. Приоритетным направлением развития разговорной речи дошкольника является актуализация контекстного высказывания дошкольника в ситуации диалога, что позволит ребенку достигать взаимопонимания с партнером по общению и продуктивно решать познавательные задачи.

Ключевые слова: дошкольник, развитие речи, диалогическая беседа, ситуативная речь, контекстная речь.

Dialogue Conversation in Speech Studies of Preschool Children

G.S. Azarenok

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

Possibilities of dialogue conversation, which is designed by adults, in producing everyday speech of preschool children for the further analysis are considered in the article.

The purpose of the study is analysis of the contents of everyday speech of preschool children in the situation of the dialogue intercourse.

Material and methods. The theoretical basis of the research was scientific data by psychology researchers on the role in speech development of preschool children of dialogical communication. As the empirical method individual dialogical conversation of the researcher with the child was used, which was previously elaborated.

Findings and their discussion. Individual dialogical conversation with the preschool child challenges his everyday speech, facilitates its contents. Qualitative analysis of the contents of the preschool child's everyday speech enables one to single out features of situation and context speaking. Quantitative processing of the data of the dialogue conversation shows that preschool children of different ages exhibit features of context and situation speaking differently in the total amount of the utterance. Preschool children of all ages in the situation of the dialogue conversation show signs of context speaking, however, situation speaking prevails. By senior preschool age features, which characterize the increase in context speaking, manifest themselves vividly.

Conclusion. The priority direction of the development of preschool children's everyday speech is context utterance in the situation of dialogue which makes it possible for the child to reach understanding with the interlocuter and solve productively tasks of cognition.

Key words: preschool child, speech development, dialogue conversation, situation speaking, context speaking.

Актуальность исследований, изучающих развитие речи в дошкольном детстве, разговорную речь дошкольника, определяется той ролью, которую играют язык и речь в становлении личности ребенка. Полноценное овладение родным языком, развитие языковых способностей рассматриваются как основа, дающая возможности для решения задач умственного, эстетического и нравственного характера в воспитании и обучении детей, для эмоционального развития дошкольника.

Свободное владение языком предполагает высокое развитие и ситуативной, и контекстной речи. Монолог и диалог могут быть контекстными и ситуативными. Это зависит не только от условий общения, но и от индивидуальных психологических особенностей говорящего [1–4 и др.]. Однако доминирование ситуативной речи в содержании высказывания не предполагает разнообразия и вариативности ситуаций общения, у говорящего не формируются потребности в новых речевых средствах. В то же время контекстная речь дошкольника как культурный компонент развития стимулирует творческий потенциал, закладывает основу для дальнейшего всестороннего развития личности. В исследованиях Г.Л. Сперанской говорится, что полноценное, оптимальное общение как содержательное воздействие людей друг на друга обеспечивается контекстной речью, которая делает образный опыт личности доступным пониманию [5]. Контекстное говорение расширяет сферы общения, повышает качество речевого взаимодействия, создает основу для взаимопонимания, реализации говорящего в ситуации общения, для получения удовольствия от взаимных контактов. Все это способствует психическому благополучию личности. Поэтому в речевых ситуациях дошкольника важно компетентным взрослым актуализировать контекстный план разговорной речи.

Используя теоретико-методологическую основу изучения детской речи в рамках диалогического общения, мы разработали и осуществили экспериментальную диалогическую беседу (диагностическое интервью) с дошкольниками младшей, средней и старшей возрастных групп.

Цель настоящего исследования – анализ содержания разговорной речи дошкольника в ситуации диалогической беседы.

Материал и методы. Диалогическая беседа (диагностическое интервью) как основной метод исследования проводилась с дошкольниками в середине 2007–2008 учебного года (январь–февраль) на базе двух дошкольных учреждений городов Витебска (ясли-сад № 106) и Орши (ясли-сад

№ 12). В психодиагностическом обследовании приняли участие около 100 дошкольников. Разговорная речь дошкольников регистрировалась с помощью диктофона. Аудиозапись речи ребенка велась в ходе экспериментальной беседы, без привлечения внимания ребенка к этому процессу. Беседа с каждым ребенком проводилась индивидуально, в спокойной, знакомой ему и непринужденной обстановке (кабинет педагога-психолога или кабинет логопеда), с согласия родителей ребенка, самого ребенка и по заранее разработанной схеме. Содержание беседы обуславливалось опытом, интересами и предпочтениями ребенка, его речевыми возможностями. План экспериментальной беседы включал следующие формы речевого взаимодействия с дошкольником.

1. Установление контакта с ребенком (посещение дошкольной группы экспериментатором, знакомство с детьми, свободные игры и общение; осуществление речевого контакта с ребенком, приглашение к беседе). Примеры вопросов: «Как тебя зовут?», «Чем ты любишь заниматься в детском саду?», «С кем ты дружишь в детском саду? (дома)», «Какие игры (игрушки) тебе нравятся и почему?» и др.

2. Речевая ситуация (или ситуация общения), ориентированная на речевое представление определенного предмета. Темы для обсуждения: «Домашнее животное», «Любимая игрушка», «Моя мама». Примеры вопросов:

– «Какое домашнее животное тебе нравится?», «Расскажи все, что ты знаешь о нем?» (где оно живет, какое оно, что оно ест (чем питается), что оно умеет делать, как ты играешь с ним, как ты ухаживаешь за ним, чем это животное отличается от других животных и др.).

– «Расскажи о своей любимой игрушке» (какая она, из чего сделана, как можно с ней играть, почему она тебе нравится и др.).

– «Расскажи о своей маме» (какая она, почему ты так считаешь, что умеет делать, как она заботится о тебе и др.).

3. Речевая ситуация, ориентированная на представление сложной, развернутой во времени темы. Темы для обсуждения: «Новый год», «Выходной», «День рождения». Примеры вопросов:

– «Расскажи все, что ты знаешь про Новый год» (как дети празднуют его в детском саду, как поздравляли тебя на Новый год дома, чем он тебе понравился и запомнился, почему (за что) дети любят Новый год и др.).

– «Расскажи, что ты делаешь дома, когда папа и мама не идут на работу» (чем ты любишь заниматься, когда все дома (т.е. когда выходной), почему эта игрушка (игра) тебе нравится и как ты с ней играешь и т.д.).

– «Расскажи о своем дне рождения» (как тебя поздравляли, кого ты пригласил(а) в гости, что тебе запомнилось о твоём дне рождения, что понравилось и почему и др.).

4. Речевая ситуация, ориентированная на представление динамического действия. Темы для обсуждения: «Игра на участке детского сада», «Поход (или поездка) с родителями», «Помощь маме по дому», «Зимние забавы». Примеры вопросов:

– «Расскажи, как ты играешь на улице, на участке детского сада» (что любишь делать во время игры, в какие игры играешь, с кем играешь, что интересного происходит во время игры и т.д.).

– «Расскажи, куда ты любишь ходить или ездить со своими родителями» (где ты любишь бывать с папой, с мамой, почему, чем ты там занимаешься, что тебе понравилось, почему и др.).

– «Расскажи, как ты помогаешь маме по дому» (что ты умеешь делать сам, что делаешь вместе с мамой, что тебе нравится делать, почему и т.д.).

– «Расскажи, как ты играешь зимой на улице» (какая погода, улица, одежда у детей, как дети играют, во что играют, чем тебе нравится заниматься зимой на улице, почему детям нравится зима и др.).

5. Тема для обсуждения: «Любимый мультфильм». Примеры вопросов:

– «Расскажи о своем любимом мультфильме» (что интересного происходит в мультфильме, кто понравился и почему, не понравился и почему, на какого героя из фильма ты хотел бы быть похожим, как бы ты поступил в подобной ситуации и др.).

Реализация последовательности и количества тем и вопросов диалогической беседы определялась речевыми возможностями дошкольника

и его желанием участвовать в диалоге со взрослым. После завершения беседы экспериментатора с ребенком аудиокопии речи детей с диктофона переносились на компьютер в виде цифровых аудиофайлов и оформлялись в аудиограммы. Дальнейшая обработка аудиограмм велась с помощью компьютера. Это позволило многократно прослушивать, понимать и анализировать речь ребенка более детально и осмысленно. Прослушанные аудиограммы оформлялись в письменные протоколы по каждому ребенку. Всего прослушано, проанализировано и оформлено в виде печатного текста около 100 бесед по двум дошкольным учреждениям. Текстовые протоколы по каждому ребенку были подвергнуты качественной и количественной обработке. Выделялись критерии ситуативной и контекстной речи (на основании обобщенных научных данных исследований детской речи), далее по ним в содержании речевого высказывания ребенка определялись признаки ситуативного и контекстного говорения, подсчитывалась количественная представленность признаков в общем объеме содержания диалогической беседы по каждому ребенку. Объектом анализа стали отдельные высказывания (предложение, фраза) ребенка, текст (смысловая взаимосвязь нескольких предложений, фраз, высказываний) и отдельное слово или словосочетание в предложении. Сопоставлялось содержание речевого высказывания ребенка с ситуацией общения, которая могла отразиться в разговорной речи ребенка, или малыш строил свое высказывание без опоры на наглядную ситуацию общения.

Результаты и их обсуждение. Качественный анализ содержания протоколов позволил нам выделить признаки контекстного и ситуативного планов речи, которые мы представляем в виде таблицы.

Таблица – Признаки ситуативной и контекстной речи дошкольника

№ п/п	Признаки ситуативной речи дошкольника	Признаки контекстной речи дошкольника
1.	Опора на наглядные образы (представлены в речи указательными, определительными местоимениями и местоименными наречиями)	Наличие в речи ребенка полных предложений сложной конструкции
2.	Замена одних слов другими (названий вещей или людей личными местоимениями)	Наличие в речи ребенка неполных предложений сложной конструкции, содержание которых имеет непосредственную связь с предшествующим вопросом взрослого
3.	Речь-называние отдельных элементов образа (непонятность речи для слушателя; наличие неполных предложений)	Присутствие в высказываниях детей предложений с однородными членами
4.	Произвольное согласование слов в предложении	Использование вводных слов и обращений

5.	Повторение одних и тех же слов в предложении	Стремление ребенка сделать речь понятнее для собеседника через объяснение, уточнение и пояснение содержания высказывания
6.	Повторяемая часть из предыдущих предложений	Повествовательность речи, последовательное, связное изложение текста, доступное пониманию собеседника
7.	Тенденция к уточнению	Абстрагированность, отвлеченность содержания речи ребенка от наглядной ситуации, в условиях которой происходит общение
8.	Детализация рассказа	Присутствие в речи дошкольника сравнительных оборотов
9.	Наличие слов-предложений, которые представлены восклицаниями, частицами и др.	
10.	Прерванное высказывание, невнятная речь	
11.	Использование в речи выразительных средств (жестов, мимики, интонации)	
12.	Одно и то же местоимение называет различные субъекты	

Очередность указанных признаков по ситуативному и контекстному плану речи дошкольника имеет условный характер. После выделения определенного признака ситуативной и контекстной речи мы определяли выраженность каждого из них в количественном отношении в общем объеме речевого высказывания каждого ребенка в отдельности и в исследуемой выборке в целом.

Количественная обработка данных диалогической беседы, основанная на математическом вычислении среднего значения, показывает, что у дошкольников разных возрастных групп в общем объеме высказывания отмеченные выше признаки контекстной речи представлены по-разному. У младших дошкольников доминируют признаки под номерами 1, 2, 3, 5. Дети активно используют в своей речи сложные предложения различной конструкции, предложения с однородными членами, стремятся сделать содержание своей речи понятнее для собеседника через пояснение, объяснение высказывания. При этом в речи ребенка преобладают неполные предложения сложной конструкции, содержание которых имеет непосредственную связь с предшествующим вопросом взрослого. Также в содержании речи ребенка присутствуют обобщенные образы-представления окружающей действительности, позволяющие ребенку рассуждать о предмете общения без опоры на наглядную ситуацию. Вместе с тем, основное содержание речи младшего дошкольника характеризуется ситуативностью. Ребенку данного возраста трудно переключаться с одной предложенной темы беседы на другую.

Если тема, затронутая в общении, эмоционально привлекательна для ребенка, то он развивает ее в содержании последующего общения. Например, с беседы про Новый год ребенку трудно переключиться на тему обсуждения празднования дня рождения. Отвечая на вопросы исследователя, ребенок продолжает рассказывать о подарках, которые подарил ему Дед Мороз. Также незначительны показатели по признакам 4 и 8. Ребенок почти не использует в своей речи вводных слов и сравнительных оборотов. Таким образом, дети младшего дошкольного возраста в процессе общения с взрослым и друг с другом используют контекстную речь, а также ребенку доступно понимание воспринимаемого на слух контекстного говорения. Ребенок самостоятельно стремится в процессе вербального общения к взаимопониманию, поясняя и объясняя отдельные компоненты своего высказывания субъекту общения. Детям доступны темы для обсуждения, которые не имеют отношения к наглядной ситуации общения, хотя при этом ребенок часто детализирует описываемую ситуацию, заостряет внимание слушающего на незначительных деталях, привносит ярко выраженный эмоциональный аспект в содержание беседы.

У детей среднего дошкольного возраста в общем объеме речевого высказывания присутствуют все отмеченные выше признаки контекстного говорения. Но доминирующими являются признаки под номерами 1, 2, 3, 5, то есть, такие же, как и у младших дошкольников. В этом возрасте наблюдается прирост показателей по признакам

под номерами 6, 7. Речь ребенка приобретает все более повествовательный, содержательный и последовательный характер. Высказывания ребенка чаще, в количественном отношении, чем у младших дошкольников, содержат информацию, которая не затрагивает данную ситуацию общения. В целом суммарный показатель по всем признакам контекстной речи выше, чем у младших дошкольников. Вместе с тем четкой, однозначной закономерности увеличения показателей по каждому признаку не наблюдается. Мы объясняем этот факт, ссылаясь на исследования, показывающие неравномерность и нелинейность речевого развития дошкольника.

Данные диалогической беседы показывают, что в контекстном плане речи старших дошкольников доминируют признаки 1, 3, 4. В содержании контекстного говорения детей этого возраста возрастают количественные показатели предложений сложной конструкции, и, в частности, показатели по сложным полным предложениям увеличиваются, а по сложным неполным – уменьшаются. В речи детей более заметным становится присутствие однородных членов предложения и стремление ребенка сделать свою речь для собеседника доступной пониманию через объяснение содержания собственного говорения. Также значительно возрастают показатели, которые характеризуют связность речи и ее отвлеченность от наглядной ситуации общения.

Заключение. Разговорная речь дошкольника в зависимости от условий общения может приобретать ситуативный или контекстный характер. Индивидуальная диалогическая беседа с дошкольником активизирует разговорную речь ребенка, способствует ее содержательности. Количественная обработка данных диалогической беседы показывает, что у дошкольников разных возрастных групп в общем объеме высказывания признаки контекстной и ситуативной речи представлены по-разному. У дошкольников всех возрастов в ситуации диалогической беседы присутствуют признаки контекстного говорения, однако доминирует ситуативный план речи. От младшего к старшему дошкольному возрасту выделяются показатели, характеризующие нарастание контекстного плана речи. Однако четкой, последовательной закономерности в этом процессе в отношении признаков контекстного говорения не наблюдается, за исключением следующих – это наличие в речи ребенка полных предложений сложной конструкции; наличие в речи ребенка неполных предложений сложной конструкции,

содержание которых имеет непосредственную связь с предшествующим вопросом взрослого; использование вводных слов и обращений. Отмечено, что содержание диалогов детей от младшего к старшему дошкольному возрасту характеризуется большей длительностью и большим объемом речевого высказывания. При этом высказывания детей все чаще имеют сложную синтаксическую организацию. Также в процессе обработки экспериментальных данных появилась необходимость выделения дополнительных критериев в отношении контекстной речи, таких, как использование в речи детьми прилагательных и наречий. Необходимо дополнительно уточнять целесообразность анализа содержания речи ребенка по признаку, который связан с выделением в речи детей сравнительных оборотов. Предполагается также увеличение объема исследуемой выборки. Учет признаков ситуативного и контекстного плана речи взрослым в ситуации общения с ребенком позволит оптимизировать речь детей, делать ее более разнообразной и доступной пониманию. Работа по развитию речи в таком случае будет иметь дифференцированный и развивающий характер. Приоритетным направлением развития разговорной речи дошкольника является актуализация контекстного высказывания дошкольника в ситуации диалога. Контекстное говорение расширяет сферы общения, повышает качество речевого взаимодействия, создает основу для взаимопонимания, реализации говорящего в ситуации общения, для получения удовольствия от взаимных контактов. Все это способствует психическому благополучию личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрьева, Н.М. Проблема коммуникативного развития и диалог в контексте обучения дошкольников / Н.М. Юрьева // Проблемы речевого развития дошкольников и младших школьников: сб. науч. ст. / ИНПО МО РФ; отв. ред. А.М. Шахнарович. – М., 1993. – С. 86–98.
2. Леонтьев, А.Н. Психология речи (неизданная лекция 1935 года) / А.Н. Леонтьев // Мир психологии. – 2003. – № 2(34). – С. 31–41.
3. Галахова, Л.П. Особенности диалога старших дошкольников в совместной деятельности / Л.П. Галахова // Проблемы детской речи: материалы межвуз. конф. / редкол.: С.Н. Цейтлин (отв. ред.), Г.Р. Доброва, М.Б. Елисеева. – СПб.: Образование, 1994. – С. 15–16.
4. Рубинштейн, С.Л. Речь и общение. Функции речи. Развитие речи у детей / С.Л. Рубинштейн // Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – С. 381–390. – (Серия «Мастера психологии»).
5. Сперанская, Г.Л. Ситуативная и контекстная речь как выражение образного и понятийного содержания сознания / Г.Л. Сперанская // Психология. – 2006. – № 4. – С. 35–40.

Психологическое сопровождение процесса подготовки будущих водителей: пилотажное исследование

С.А. Виноградова,

В.А. Каратерзи

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Важным кругом практических задач в области управления водителем автотранспортом является повышение эффективности, результативности и качества его деятельности. Их решение невозможно без качественной профессиональной и психологической подготовки автоводителей, обеспечивающей их безопасную, безаварийную работу. В статье представлены результаты пилотажного исследования внедрения программы психологического сопровождения для будущих водителей. Произведен анализ результатов анкетирования с целью выяснения оценки значимости данного проекта самими обучающимися, а также основной проблематики работы с данной категорией лиц на дальнейших этапах апробации и внедрения программы в практику работы автошкол.

Цель работы – внедрение программы психологического сопровождения будущих водителей.

Материал и методы. Исследование проводилось в феврале–марте 2015 года на базе автошколы г. Витебска. В качестве респондентов выступили слушатели автошколы в возрасте 17–41 года.

Методы получения информации по проблеме исследования (на пилотажной стадии): включенное наблюдение, беседа, аудиторное анкетирование.

Результаты и их обсуждение. Большинство будущих водителей считают психологическую подготовку необходимой при подготовке в автошколах. Обучающиеся женщины и многие мужчины отметили наличие трудностей эмоционального характера, были выделены сложности с усвоением теоретического материала, затруднения с восприятием информации, сложности запоминания и воспроизведения. Наличие позитивных эмоций и спокойствия при мыслях о предстоящем экзамене по правилам дорожного движения отметили только единичные испытуемые. Преимущественно отмечались тревога, волнение и страх. Наряду с положительными эмоциями, связанными с вождением автомобиля («восхищение»; «азарт», «радостное возбуждение»; «радость и волнение»), были отмечены нейтральные («эмоциональная удовлетворенность»; «растерянность»; «волнение, но желание водить дальше») и отрицательные («тревога»; «сильное волнение, боязнь что-то забыть»; «волнение, страх за то, что я врежусь куда-нибудь»).

Заключение. Пилотажное исследование позволило оценить значимость и актуальность данной проблематики, скорректировать методы и приемы работы, обозначить пути дальнейшей работы в данном направлении.

Ключевые слова: программа психологического сопровождения, будущие водители.

Psychological Support of the Process Driver Training: Pilot Study

S.A. Vynogradova, V.A. Karaterzi

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

Increase of the efficiency, result and quality is important practical task area in driving a vehicle. Their solution is impossible without qualitative professional and psychological training of learner drivers, which provides their safe work without accidents. Findings of a pilot study on the introduction of the program of psychological support of learner drivers are presented in the article. Analysis of questionnaire results is made to find out assessment of the significance of the project by the learners themselves as well as main issues of the work with this category of people at further stages of trial and introduction of the program into the driving school practice.

The purpose of the work is introduction of the program of psychological support of learner drivers.

Material and methods. The study was conducted in February–March 2015 at Vitebsk Driving School. 17–41 year old learner drivers were the respondents. The methods of obtaining information on the issue (at the pilot stage) are inclusive observation, talk, classroom questionnaire.

Findings and their discussion. The majority of learner drivers consider psychological training to be necessary at driving schools. Learner women and a lot of men pointed out difficulties of emotional nature, difficulties in understanding theoretical material, retards in perception of information, memorizing and reproduction. Positive emotions and calmness while thinking about the incoming traffic rules test were pointed out only by few learners. Anxiety, worries and fear were mainly named. Alongside positive emotions connected with driving (admiration, interest, excitement, happiness) neutral ones were pointed out (emotional satisfaction, embarrassment, nervousness but desire to drive) as well as negative (worries, strong nervousness, fear of forgetting something, fear to crash into something).

Conclusion. The pilot study made it possible to assess significance and topicality of the issue, to adjust methods and tools of work, to outline ways of further work.

Key words: the program of psychological support, learner drivers.

На сегодняшний день появляется все больше исследований, в той или иной степени затрагивающих различные аспекты поведения человека, связанные с управлением автотранспортным средством, проблемами безопасности в условиях дорожного движения, выбором оптимальной стратегии безаварийного вождения. Участниками дорожного движения являются миллионы людей, каждый из которых обладает определенными психофизиологическими характеристиками, состоянием здоровья, личностными качествами, знаниями, навыками, опытом, интересом к водительской деятельности и уровнем мотивации. Кроме того, на дорогах встречается огромное количество непрофессиональных водителей и водителей-новичков, чьи личностные и профессиональные качества не всегда позволяют обеспечивать безопасный режим движения.

В рамках отечественной психологии исследования подобного рода принято связывать, прежде всего, с такой отраслевой принадлежностью, как транспортная психология. Так, прерогативой исследований данной отрасли традиционно могут считаться: психофизиологические характеристики водителей автотранспортных средств, влияющие на безопасность на дороге; особенности протекания психологических процессов при управлении автотранспортным средством (концентрация и распределение внимания, утомляемость, способность к пространственной ориентировке и др.); основы психофизиологии труда водителя и его психологическая надежность в системе «водитель–автомобиль–дорога–среда».

Отечественные психологи отмечают, что водитель должен обладать целым рядом психофизиологических и психических функций, характеризующихся определенным условием развития. Он должен воспринимать большое количество информации о характере и режиме движения всех его участников, о состоянии значительного количества параметров дороги, окружающей среды, средств регулирования, о состоянии узлов и агрегатов автомобиля (с помощью различ-

ных приборов) и т.д. Водитель должен не только воспринимать большой поток информации, но и проводить ее переработку (анализ), в результате чего принимать соответствующее решение и на его основании производить действия [1].

Тем не менее, несмотря на большое количество научных публикаций и исследований по теме, до сих пор нет общепринятого метода исследования и прогнозирования безаварийного управления автотранспортом. Уже не вызывает сомнения тот факт, что безаварийность управления автотранспортом связана с определенными психофизиологическими качествами водителя, но сведение его только к исследованию психофизиологических параметров, по нашему мнению, является достаточно узким и неполным.

Как свидетельствует отечественная статистика за 2014 год, большинство ДТП в нашей стране (около 80%) происходит по вине водителей, при этом внешние условия, влияющие на безопасность дорожного движения, как правило, в момент совершения дорожно-транспортных происшествий благоприятные. Так, 57% ДТП произошли при ясной погоде, 59% – в светлое время суток, 62% – в условиях сухой проезжей части, 87% – при движении транспортного средства по прямому участку дорожного полотна [2].

Наезд на пешехода – этот вид ДТП лидирует среди всех остальных, составляя немногим менее половины от общего количества всех совершенных на территории РБ дорожно-транспортных происшествий [3].

Следовательно, уже имеется достаточно определенное подтверждение того, что причины высокой аварийности следует искать не только в неудовлетворительных психофизиологических показателях, а скорее в состояниях, их формирующих. Статистика показывает, что роль человеческого фактора в аварийности с годами возрастает, в то время как технического – понижается, и если вникнуть в суть ошибок, то можно заметить, что большинство из них психологической природы. Обращает на себя внимание и повторяемость ДТП и нарушений ПДД у одних и тех же водите-

лей, при относительной благополучности условий движения. Профессиональное обучение и тренировка еще не могут гарантировать 100%-ное отсутствие ДТП. Таким образом, психическое состояние водителей является основополагающим фактором безопасности на дорогах. Причем не отдельно взятые его компоненты, такие, как концентрация внимания или утомление, а все составляющие психического состояния в их взаимосвязи и взаимодействии.

Поэтому вполне понятным кругом практических задач в области управления водителем автотранспортом является повышение эффективности, результативности и качества его деятельности. Решение данных задач невозможно без качественной профессиональной и психологической подготовки автоводителей, обеспечивающей их безопасную, безаварийную работу. На сегодняшний день, подготовка будущих водителей ведется без учета их индивидуальных психологических качеств, что достаточно неэффективно и не отвечает современным требованиям. Автошкола – главное звено системы «человек–автомобиль–дорога». Ее роль в обеспечении безопасности дорожного движения является решающей.

В связи с актуальностью вопроса и его прикладным значением возникла необходимость разработки курса «Психологическое сопровождение деятельности водителя» для слушателей автошкол города (при поддержке Государственной автомобильной инспекции г. Витебска).

Цель статьи – внедрение программы психологического сопровождения будущих водителей.

Задачи курса психологического сопровождения будущих водителей были определены следующие:

- 1) способствовать формированию безопасного и эффективного управления транспортным средством в различных условиях движения;
- 2) приобрести практический опыт оценки собственного психического состояния и поведения;
- 3) осуществить психологическую подготовку к сдаче экзамена в ГИБДД.

Изучение направлений курса позволит слушателям:

- получить представление о познавательных функциях и их значении в управлении транспортным средством;
- овладеть искусством саморегуляции, устойчивости к стрессовым ситуациям, коррекции своего поведения в конфликте;
- обучиться методикам, способствующим повышению активности реакций, снижению психоэмоционального напряжения, снятию утомления.

В практическом отношении специальная подготовка предполагает, во-первых, овладение определенной суммой знаний, способствующих психологической готовности к встрече с возможными опасностями, и формирование на этой основе рационального к ним отношения; во-вторых, приобретение навыков управления своим эмоциональным состоянием и снижения уровня нервного напряжения, т.е. овладение методами эмоционально-волевой саморегуляции. В связи с этим большое внимание в процессе реализации программы уделено психологическим тренингам, в ходе которых практически прорабатываются методы саморегуляции.

Материал и методы. Исследование проводилось в феврале–марте 2015 года на базе автошколы г. Витебска. В качестве респондентов выступили слушатели автошколы в возрасте 17–41 года.

Методы получения информации по проблеме исследования (на пилотажной стадии) – включенное наблюдение, беседа, аудиторное анкетирование.

Результаты и обсуждение. Выборка испытуемых для пилотажного исследования представлена 28 курсантами автошколы. Прохождение курса предполагало овладение знаниями и практическими умениями в рамках 5 блоков:

1. Индивидуальные особенности личности водителя. Этические основы деятельности.
2. Познавательные функции, системы восприятия и психомоторные навыки.
3. Эмоциональные состояния и профилактики конфликтов.
4. Основы саморегуляции психических состояний в процессе управления транспортным средством.
5. Психологическая подготовка к сдаче экзамена.

В рамках первых четырех блоков была осуществлена диагностика психических особенностей респондентов с целью сообщения им дополнительной информации об их индивидуальных особенностях. Это представляется целесообразным, с одной стороны, для уточнения имеющихся у них представлений о собственной личности, с другой – для «индивидуализации» предоставляемых рекомендаций. На итоговом занятии кроме проведения практического блока всем присутствовавшим курсантам была предоставлена информация (в распечатанном виде), интерпретация результатов диагностики посредством использованных методик, а также персональные рекомендации, составленные с учетом выявленных индивидуальных особенностей.

В качестве входной (первоначальной) диагностики мнения респондентов применялось ан-

кетирование. Использовалась специально разработанная анкета закрыто-открытого типа. Анкета включала следующие основные вопросы:

1. Имелся ли опыт управления автомобилем до посещения курсов?

а. Да

б. Нет

2. Как Вы считаете, есть ли необходимость в психологической подготовке будущих водителей?

а. Да

б. Нет

в. Не задумывался над этим вопросом

3. Если бы у Вас была возможность воспользоваться помощью психолога в автошколе, с каким вопросом Вы бы обратились к нему?

а. Сложности с усвоением теоретического материала

б. Эмоциональные затруднения при управлении автомобилем

в. Другое (по возможности уточните)

4. При овладении теоретическим материалом (правила дорожного движения) я испытываю затруднения в...

а. Восприятию информации

б. Запоминанию информации

в. Воспроизведению информации

г. Другое (по возможности уточните)

5. Мысли о предстоящей сдаче экзамена по ПДД вызывают у меня...

а. Позитивные эмоции

б. Спокойствие

в. Волнение

г. Тревогу

д. Страх

е. Другое (по возможности уточните)

6. Во время занятий по вождению самым сложным для меня является...

а. Сосредоточение на дороге

б. Регуляция своих эмоций

в. Другое (по возможности уточните)

7. Вождение автомобиля вызывает у меня такие эмоции, как...

Анкетирование прошли 22 курсанта, из них 10 мужчин, 12 женщин. Возрастной диапазон обучающихся – от 17 до 41 года (мужчины от 17 до 34 лет, женщины от 18 до 41 года).

Анализ полученных ответов позволил обнаружить следующее: опыт управления автомобилем до посещения курсов имелся у 5 человек (23%). Психологическую подготовку будущих водителей считают необходимым 10 человек (46%), не видит такой необходимости 1 человек (5%), не задумывались над этим вопросом 11 человек (50%). При ответе на 3-й вопрос анкеты 100% женщин отметили наличие трудностей эмоционального ха-

рактера, 10 из них (83%) выбрали вариант ответа «а», 1 указала в качестве трудностей совладание с эмоциями для концентрации на дороге, еще 1 отметила наличие эмоциональных затруднений по поводу предстоящей сдачи экзамена. У мужчин сложности с усвоением теоретического материала испытывают 4 человека (40%), эмоциональные затруднения отмечены также у 5 человек (50%) (один респондент выбрал оба предыдущих ответа). 2 человека (20%) не испытывают затруднений. При анализе ответов на 4-й вопрос анкеты первичный анализ данных не выявил гендерных различий. Затруднения с восприятием информации отмечены 2 испытуемыми (9%), ее запоминание вызывает сложности у 4 человек (18%), воспроизведение – 9 (41%), 5 анкетированных (23%) не испытывают затруднений психологического характера (2 респондентов отметили нехватку времени). Наличие позитивных эмоций и спокойствия при мыслях о предстоящем экзамене по правилам дорожного движения отметила 1 женщина (5% от общего числа испытуемых), спокойствие присутствует еще у 3 респондентов (14%), волнение и тревогу отмечают 17 человек (76%), 1 женщина испытывает страх (5% от общего числа испытуемых). Один испытуемый не смог ответить на 6-й вопрос анкеты по той причине, что на момент обследования занятия по вождению еще не начались. 1 мужчина (5% от общего числа испытуемых) отметил отсутствие затруднений. Остальные ответы распределились следующим образом: 7 человек (32%) указали трудности с сосредоточением на дороге, 8 испытуемых (36%) отметили сложности в регуляции собственных эмоций и 3 респондента (14%) выбрали оба предыдущих варианта. Ответы на 7-й вопрос анкеты можно условно разделить на 3 группы: положительные эмоции («восхищение»; «интерес, большое желание, немного адреналин с получением удовольствия»; «азарт», «радостное возбуждение»; «радость и волнение») у 10 человек (46%), нейтральные («эмоциональная удовлетворенность»; «растерянность»; «волнение, но желание водить дальше», отсутствие оценки) – 6 испытуемых (27%), отрицательные («тревога»; «сильное волнение, боязнь что-то забыть»; «волнение, страх за то, что я врежусь куда-нибудь») у 5 (23%) курсантов и у 1 обучающегося, как указывалось ранее, вождения еще не было.

С целью оценки вклада различных переменных в формирование отношения к работе по психологическому самосовершенствованию курсантов автошкол был проведен сравнительный анализ по критериям «гендер» и «возраст».

Наглядно данные с дифференциацией по гендерному признаку могут быть представлены следующим образом (рисунок 1).

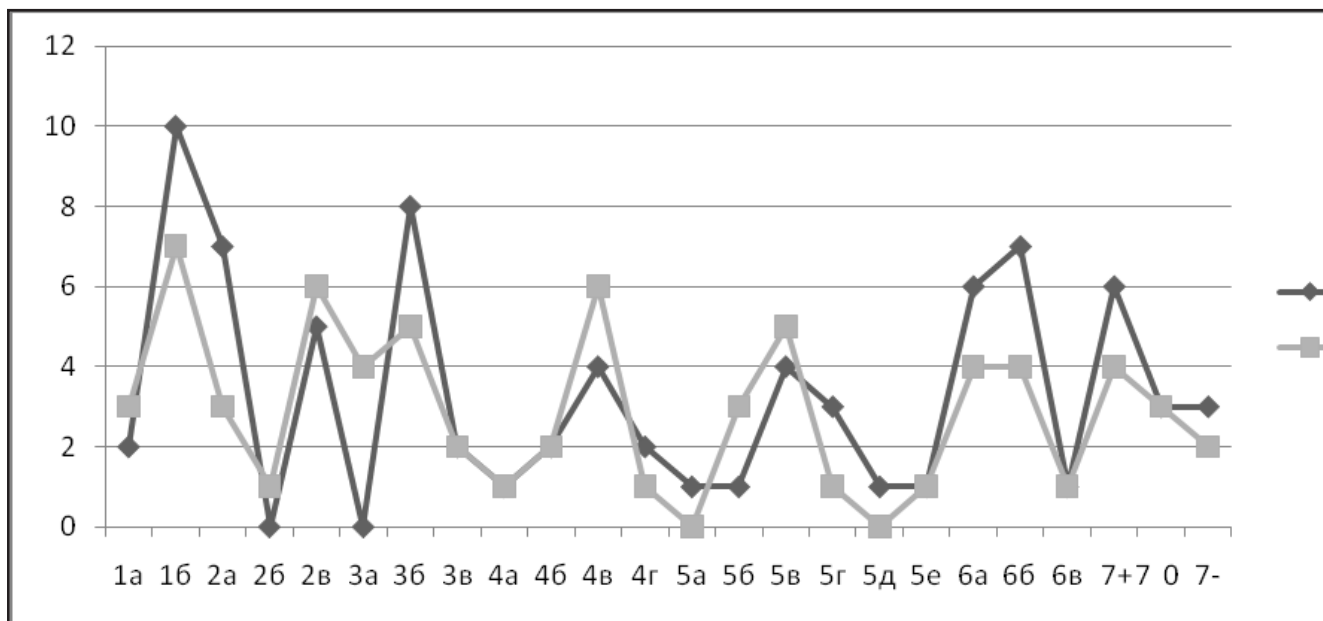

Рисунок 1 – Соотношение ответов на вопросы анкеты у мужчин и женщин (по вертикали указано количество человек).

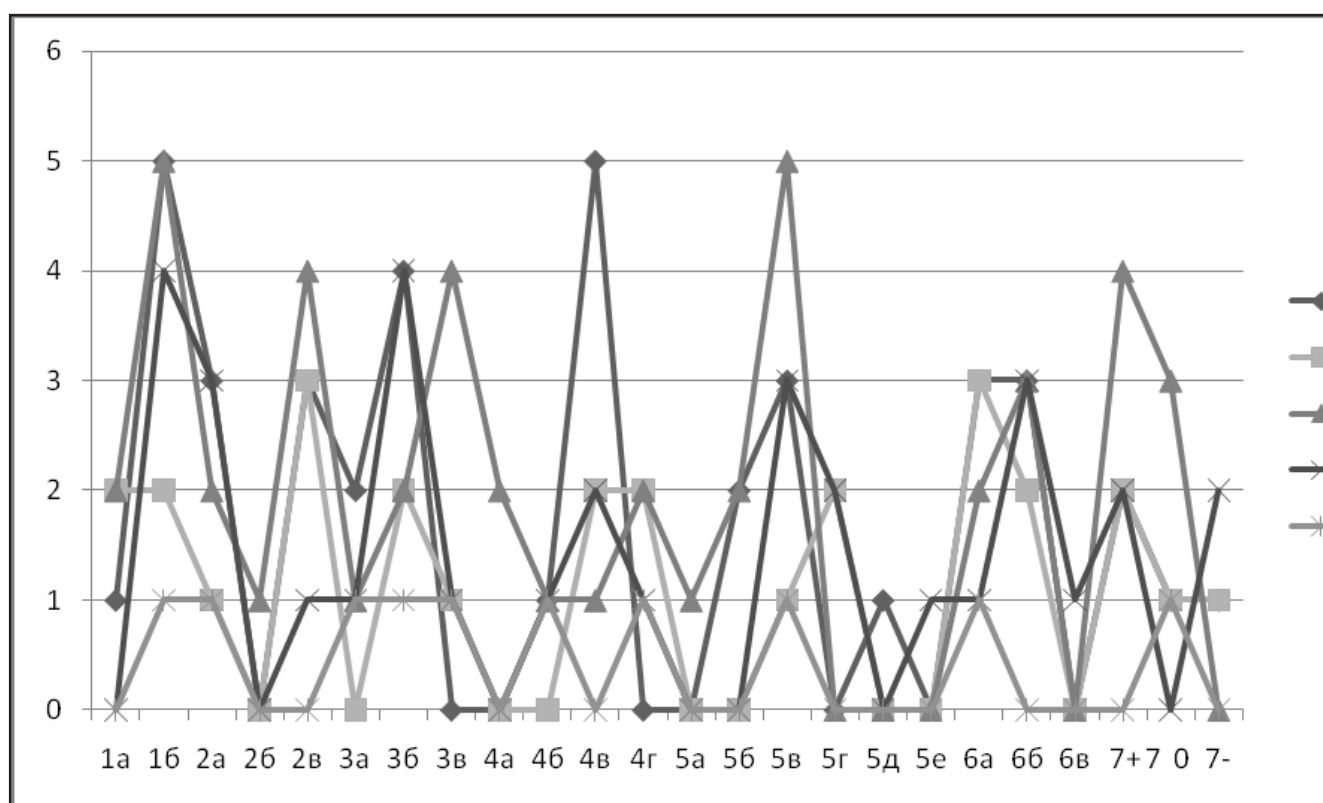

Рисунок 2 – Ответы на вопросы анкеты испытуемых разного возраста (по вертикали указано количество человек).

Из данных, представленных на рисунке 1, следует, что наиболее отчетливо различаются ответы мужчин и женщин на вопросы 3 («Если бы у Вас была возможность воспользоваться помощью психолога в автошколе, с каким вопросом Вы бы обратились к нему?»), 6 («Во время занятий по вождению самым сложным для меня является...») и 7 («Вождение авто-

мобиля вызывает у меня такие эмоции, как...»).

Соотношение данных с критерием сравнения «возраст» может быть представлено в виде следующего графика (рисунок 2).

Анализ данных рисунка 2 позволяет говорить о разбросе значений по всем показателям (возрастным группам).

Статистический анализ данных (оценка достоверности различий независимых выборок) позволил установить наличие более выраженных различий по гендерному признаку (в сравнении с возрастным критерием), однако в обоих случаях отмечена недостаточная статистическая значимость результатов ($p > 0,05$).

Заключение. Итоговое изучение мнения респондентов осуществлялось посредством беседы. Те курсанты, которые посетили все или большую часть занятий, отметили безусловную пользу таких занятий не только в практике обучения в автошколе, но и в повседневной жизни, в формировании представлений о своих индивидуальных особенностях и связанных с ними способностях.

Пилотажное исследование позволило оценить значимость и актуальность данной проблематики, скорректировать методы и приемы работы, обозначить пути дальнейшей деятельности в данном направлении.

Психологическая сторона проблемы подготовки водителей транспортных средств имеет важное значение, поскольку влияет на общее становление правильного индивидуального поведения в среде движения. Можно сказать, что настало время, когда будущие автоводители должны приобщиться к психологическим знаниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожков, Л.Б. Психологические основы безопасного управления транспортным средством / Л.Б. Рожков, И.В. Найдина. – М.: ООО «Изд. дом “Автопросвещение”», 2012.
2. Банк данных о дорожно-транспортных происшествиях / Информ. центр МВД РБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravovedenie.by/dorozhno-transportnye-proisshestiya-karakteristika-prichiny-i-meryo-preduprezhdeniyu>. – Дата доступа: 04.02.2014.
3. Ермолаев, В.В. Социально-психологические детерминанты проявления агрессии водителями пассажирского транспорта на российских дорогах / В.В. Ермолаев // Социальная психология и общество. – 2013. – № 2. – С. 108–118.

УДК 316.6-044.332:159.9:378.1-057.87

Групповая сплоченность в адаптационном периоде студенческой группы

Ж.Л. Данилова

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»*

Данная статья углубляет существующие в социальной психологии представления о групповой сплоченности, которая рассматривается через единство членов студенческой группы в периоде адаптации в эмоциональной, ценностной и поведенческой сферах.

Цель исследования – теоретическое обоснование и эмпирическое изучение возможностей использования социально-психологического тренинга в формировании групповой сплоченности в адаптационном периоде студенческой группы.

Материал и методы. При изучении групповой сплоченности у студентов первого курса факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова использовались следующие методики: «Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева)», «Определение индекса групповой сплоченности Сижора» и «Экспертная оценка сплоченности учебной группы» в период с сентября по ноябрь 2014 года.

Результаты и их обсуждение. В ходе обработки данных по методике «Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева)» было выявлено, что группа студентов первого курса недостаточно развита как коллектив, что естественно на начальном этапе формирования сплоченности группы. Показатель С, характеризующий степень ценностно-ориентационного един-

ства студентов, равен 0,28. Вторым этапом исследовательской работы была реализация программы социально-психологического тренинга групповой сплоченности в студенческой группе № 11. Программа состояла из 8 занятий, направленных на формирование позитивных командных отношений, которые будут способствовать сплочению и приводить к результативности, облегчат процесс адаптации к новым условиям деятельности, снимут психоэмоциональное напряжение. И третьим этапом исследования было проведение вторичной диагностики в студенческой группе с целью выявления эффективности использования социально-психологического тренинга как средства формирования групповой сплоченности. Показатель С (ценностно-ориентационное единство) в группе № 11 равнялся 0,46, что свидетельствует о том, что группа достигла достаточно высокого уровня групповой сплоченности.

Заключение. Апробированная программа расширяет возможности методов социально-психологического обучения студентов помогающих профессий в учреждениях образования. Полученные результаты могут быть использованы в практике активных методов обучения, в работе психологических служб, в практико-ориентированной деятельности кураторов групп и педагогов-психологов учреждений образования.

Ключевые слова: групповая сплоченность, групповое напряжение, ценностно-ориентационное единство группы, социально-психологический тренинг.

Group Unity in the Adaptation Period of a Student Group

Zh.L. Danilova

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

This article deepens the ideas of group unity existing in social psychology which is considered through unity of members of a student group in the adaptation period in emotional, value and behavioural spheres.

Research objective is theoretical justification and empirical studying of opportunities of use of social and psychological training in shaping group unity in the adaptation period of a student group.

Material and methods. When studying group unity of the first-year students of the Faculty of Social Education and Psychology of "Vitebsk State P.M. Masherov University" the following techniques were used: "Definition of value focused unity of the group (VFU) (V.S. Ivashkin, V.V. Onufriyeva)", "Definition of the group unity Sishor index" and "Expert assessment of the unity of an academic group" during the period from September to November, 2014.

Findings and their discussion. During data processing with the method of "Definition of value focused unity of the group (VFU) (V.S. Ivashkin, V.V. Onufriyeva)" it was revealed that the group of first-year students is insufficiently developed as a collective, which is natural at the initial stage of shaping unity of the group. The C indicator which characterizes the degree of value focused unity of students is 0,28. Implementation of the program of social and psychological training of group unity in student group No. 11 was the second stage of the research work. The program consisted of 8 classes aimed at shaping positive team relations which will promote unity and result in productivity, will facilitate the process of adaptation to new conditions of activity; will remove psychoemotional stress. Carrying out secondary diagnostics in a student group for the purpose of detection of efficiency of use of social and psychological training as means of shaping group unity was the third investigation phase. Indicator C (value focused unity) in group No. 11 was 0,46 that testifies to the fact that the group reached rather high level of group unity.

Conclusion. The tested program expands possibilities of methods of social and psychological training of students of assisting professions in establishments of education. The findings can be used in practice of active methods of training, in work of psychological services, in the practice focused activity of groups tutors and teachers.

Key words: group unity, group tension, value focused unity of a group, social and psychological training.

Одной из основных целей кураторской деятельности на начальных этапах формирования студенческой группы является работа по сплочению коллектива, адаптации каждого студента-первокурсника к требованиям обучения в высшей школе. Групповая сплоченность – это показатель прочности, единства и устойчивости межличностных взаимодействий и взаимоотношений в группе, характеризующийся взаимной эмоциональной притягательностью членов группы и удовлетворенностью группой. Групповая сплоченность может выступать и как цель психологического тренинга, и как необходимое усло-

вие успешной работы. В группе, сформированной из незнакомых людей, какая-то часть времени обязательно будет потрачена на достижение того уровня сплоченности, который необходим для решения групповых задач. Понятие «сплоченность» используется для обозначения таких социально-психологических характеристик малой группы, как степень психологической общности, единства членов группы, теснота и устойчивость межличностных взаимоотношений и взаимодействия, степень эмоциональной привлекательности группы для ее членов [1].

Групповая сплоченность также является предметом пристального внимания со стороны

отечественных и зарубежных специалистов, не пришедших к единой дефиниции этого явления. Выделены следующие линии ведущихся в этой области исследований: сплоченность как межличностная аттракция (привлекательность), развиваемая Б. Лоттом, определившим сплоченность как такое групповое свойство, которое является производным от количества и силы взаимных позитивных установок членов группы. К числу причин сплоченности авторы относят частоту взаимодействий индивидов, кооперативный характер их взаимодействия, демократический стиль руководства, фрустрацию и угрозу течения группового процесса, статусные и поведенческие характеристики членов группы, разнообразные проявления сходства между людьми, успех в выполнении группового задания.

Совокупность этих сил представлена в модели следующим набором переменных: мотивационная основа тяготения субъекта к группе, побудительные свойства группы, классификация которых рассмотрена наиболее полно, ожидание или субъективная вероятность того, что членство будет иметь для субъекта благоприятные или отрицательные последствия, сплоченность как ценностно-ориентационное единство, являясь как бы антитезой двум предыдущим подходам, развивается Л.А. Петровской [2].

Сплоченность выступает ключевым понятием разработанной К. Левиным теории групповой динамики. Сплоченность определяется им как «тотальное поле сил», заставляющее членов группы оставаться в ней. Группа тем сплоченнее, чем больше она отвечает потребностям людей в эмоционально насыщенных межличностных связях. В сплоченных студенческих группах в адаптационном периоде создается атмосфера внимательного отношения и взаимной поддержки, у ее членов формируется чувство групповой идентичности. Сплоченность порождает также эмоциональную привязанность, принятие общих задач, обеспечивает группе стабильность даже в самых фрустрирующих обстоятельствах, способствует выработке общих стандартов, которые делают группу устойчивой, несмотря на разнонаправленность индивидуальных устремлений. Групповая сплоченность студенческой группы в периоде адаптации понимается как привлекательность группы для ее членов, потребность разнонаправленного участия в группе и сотрудничество при решении общих задач, как взаимное тяготение индивидов друг к другу. Групповая сплоченность является необходимым условием действенности и эффективности последующей групповой целостности и индивидуальности в ней каждого студента.

Формирование сплоченности группы имеет значение для учебно-образовательного и воспитательного процесса. Члены таких групп более восприимчивы, способны к искреннему проявлению собственных чувств в конструктивной форме (в том числе и негативных). Они готовы к обсуждению групповых конфликтов, несмотря на возникающие напряжение и неприятные переживания, проявляют неподдельную заинтересованность друг в друге и желание помочь. Групповое напряжение возникает в связи с несовпадением ожиданий участников группы с реальной групповой ситуацией, несовпадением их личных устремлений, необходимостью соизмерять свои потребности, желания, позиции, установки с другими членами группы, обращением к болезненным проблемам и переживаниям. Напряжение может выражаться в агрессивности, злости, раздражении, неприятии, страхе, отчуждении. Однако напряжение в группе играет и позитивную роль как фактор, побуждающий членов группы к активности, к изменениям. Среди изученных к настоящему времени механизмов формирования групповой сплоченности особое место принадлежит групповому давлению. В результате его действия происходит подчинение индивида группе в ситуации наличия конфликта между мнением индивида и мнением группы [1].

Основная идея заключается в том, что всю структуру малой группы можно представить себе как состоящую из трех основных слоев:

1) внешний уровень групповой структуры, где даны непосредственные эмоциональные межличностные отношения, то есть то, что традиционно измерялось социометрией;

2) второй слой, представляющий собой более глубокое образование, обозначаемое термином «ценностно-ориентационное единство» (ЦОЕ), которое характеризуется тем, что отношения здесь опосредованы совместной деятельностью, выражением чего является совпадение для членов группы ориентации на основные ценности, касающиеся процесса совместной деятельности. Социометрия, построив свою методику на основе выбора, не показывала, как отмечалось, мотивов этого выбора. Для изучения второго слоя (ЦОЕ) нужна иная методика, позволяющая вскрыть мотивы выбора. Теория же дает ключ, при помощи которого данные мотивы могут быть обнаружены: это совпадение ценностных ориентаций, касающихся совместной деятельности;

3) третий слой групповой структуры расположен еще глубже и предполагает еще большее включение индивида в совместную групповую деятельность: на этом уровне члены группы разделяют цели групповой деятельности, и следовательно, здесь могут быть выявлены наиболее

серьезные, значимые мотивы выбора членами группы друг друга. Можно предположить, что мотивы выбора на этом уровне связаны с принятием также общих ценностей, но более абстрактного уровня: ценностей, связанных с более общим отношением к труду, к окружающим, к миру. Этот третий слой отношений был назван «ядром» групповой структуры.

Проблема групповой сплоченности имеет солидную традицию ее исследования, которая опирается на понимание группы, прежде всего, как некоторой системы межличностных отношений, имеющих эмоциональную основу. Несмотря на наличие разных вариантов интерпретации сплоченности, эта общая исходная посылка присутствует во всех случаях. Так, в русле социометрического направления, сплоченность прямо связывалась с таким уровнем развития межличностных отношений, когда в них высок процент выборов, основанных на взаимной симпатии. Содержательная характеристика взаимных положительных выборов здесь, как и вообще при применении социометрической методики, опущена. «Индекс групповой сплоченности» – есть строго формальная характеристика малой группы.

Цель исследования – теоретическое обоснование и эмпирическое изучение возможностей использования социально-психологического тренинга в формировании групповой сплоченности в адаптационном периоде студенческой группы.

Материал и методы. В нашем исследовании центральное место в процессе формирования студенческой группы мы отводим использованию социально-психологического тренинга как современной, доказавшей свою эффективность, активной форме межличностного взаимодействия и обучения.

Социально-психологический тренинг – это один из методов активного обучения и психологического воздействия, осуществляемого в процессе интенсивного группового взаимодействия и направленного на повышение компетентности в сфере общения [3].

Основная цель социально-психологического тренинга – повышение компетентности в общении – может быть конкретизирована в ряде задач с различной формулировкой, но обязательно связанных с приобретением знаний, формированием умений, навыков, развитием установок, определяющих поведение в общении, перцептивных способностей человека, коррекцией и развитием системы отношений личности, поскольку личностное своеобразие является тем фоном, который окрашивает в разные цвета действия человек, все его вербальные и невербальные проявления [2].

В зависимости от приоритета задач, на которые направлен социально-психологический тренинг, он может приобретать различные формы. Все многообразие этих форм условно можно разделить на 2 больших класса: ориентированные на приобретение и развитие специальных навыков; нацеленные на углубление опыта анализа ситуаций общения, например коррекция, формирование и развитие установок, необходимых для успешного общения, развитие способности адекватно воспринимать себя и других людей, анализировать ситуации группового взаимодействия [4].

Уровень организации работы в значительной мере зависит от того, как практически реализуется принцип психологического взаимодействия в студенческой группе на этапе адаптации. Для достижения положительных личностных изменений, перестройки отношений иногда нужны «острые моменты, потрясение». Поэтому в учебно-тренинговой группе должны использоваться такие приемы, как открытое обсуждение поведения участников, возможных конфликтных ситуаций с целью профилактики глобального конфликта, элементы психодрамы и ряд других эмоционально насыщенных средств обратной связи [5].

При изучении групповой сплоченности у студентов первого курса факультета социальной педагогики и психологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» использовались следующие методики: «Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева)», «Определение индекса групповой сплоченности Сижора» и «Экспертная оценка сплоченности учебной группы» № 11 в период с сентября по ноябрь 2014 года.

Методика «Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева)» предназначена для изучения групповой сплоченности, опосредованной целями и задачами совместной деятельности. Методика представляет собой список из 35 деловых, моральных и эмоциональных качеств, отражающих ценностные ориентации молодежных групп. Испытуемому предлагается выбрать из предложенного списка 5 наиболее важных с его точки зрения качеств личности, необходимых для успешного выполнения совместной учебной деятельности. Полученные результаты (по каждому студенту) сводятся в таблицу результатов исследования.

Вычисляется коэффициент С, характеризующий степень ценностно-ориентационного единства учащихся. $C = 1,4 \cdot n - N / 6 \cdot N$, где N – число участников исследования; n – сумма выборов, приходящихся на пять качеств личности, получивших максимальное число выборов. Если $C \geq 0,5$

(то есть равен или больше 0,5), то студенческая группа достигла уровня коллективизма. Если C находится в пределах от 0,3 до 0,5, то студенческая группа расценивается как промежуточная по уровню развития. Если $C \leq 0,3$, то данная группа недостаточно развита как коллектив.

Методика «Определение индекса групповой сплоченности Сишора» направлена на изучение степени интеграции группы, ее сплоченности в единое целое. Данная методика состоит из 5 вопросов с несколькими вариантами ответов на каждый. Ответы кодируются в баллах согласно приведенным в скобках значениям (максимальная сумма +19 баллов, минимальная – –5). Далее по количеству набранных баллов определяется уровень групповой сплоченности (15,1 баллов и выше – высокая; 11,6–15 – выше средней; 7–11,5 – средняя; 4–6,9 – ниже средней; 4 и ниже – низкая).

Методика «Экспертная оценка сплоченности учебной группы» предназначена для определения групповой сплоченности студенческих коллективов. В методике дается семь психологических характеристик студенческой группы. Преподаватели, сотрудники службы СППС выбирают одно из трех предлагаемых утверждений (а, б, в), которое, по их мнению, наиболее всего отражает действительное состояние изучаемой группы. Полученные ответы переводятся в баллы с помощью таблицы оценки результатов. Подсчитывается общий суммарный результат в баллах. Наибольшей суммой баллов может быть 100, наименьшей – 65. Высокий уровень групповой сплоченности – 76–100 баллов (имеется сплоченный коллектив, где среди всех ценится и уважается личность каждого студента и высоким является статус группы в целом). Средний уровень групповой сплоченности – 46–75 баллов (в группе отсутствует единство коллектива, наличествуют лишь отдельные группировки по симпатиям, общим интересам, позитивная деятельность студентов ограничена только рамками своей группы). Низкий уровень групповой сплоченности – 30–45 баллов (студенты разобщены, имеются лишь отдельные лидеры, подавляющие личности остальных, коллективные дела проводятся от случая к случаю и не оказывают значительного влияния на окружающих). Критический уровень групповой сплоченности – ниже 30 баллов (студенты не организованы и почти не управляемы, нет лидеров среди них самих, отсутствуют и авторитеты среди преподавателей).

Вторым этапом исследования была разработка программы социально-психологического тренинга по формированию групповой сплоченности и ее апробация на группе студентов первого курса факультета социальной педагогики и

психологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». В состав экспериментальной группы вошли 22 студента первого курса специальности «Психология». Основная цель – формирование групповой сплоченности – в данном тренинге достигалась через формирование единства участников группы на различных уровнях межличностных отношений (по А.В. Петровскому) – эмоциональном, ценностном, поведенческом. В реальном процессе межличностного взаимодействия эмоциональная, поведенческая и ценностная составляющие группового единства тесно связаны между собой. Групповое единство возникает как синтез эмоциональных переживаний, ценностных отношений, совместных действий членов группы, что обуславливает качественно новый уровень взаимоотношений в группе – групповую сплоченность. Основным предметом формирования единства выступает совместная деятельность участников в процессе тренинга, предполагающая активность, свободу в творческом самовыражении, снижение защитных механизмов, атмосферу доверия и эмоциональной близости.

Цель социально-психологического тренинга – сплочение коллектива, облегчение процесса адаптации к новым условиям деятельности, снятие психоэмоционального напряжения, разрешение внутригрупповых конфликтов. Тренинговые занятия развивают следующие навыки и умения: доброжелательность, интерес и умение строить доверительные отношения друг с другом; эмоциональное сопереживание; сотрудничество и умение действовать сообща; согласование своих действий с другими и совместное решение поставленных групповых задач; разрешение конфликтных ситуаций. На занятиях используются следующие методические средства: групповая дискуссия для сплочения – выделение общей цели; совместный разбор ошибок; решение ситуативных задач (вербализация); проигрывание и анализ конкретных ситуаций (принятие ответственности за команду, себя); ролевая игра (обыгрывание конфликтных ситуаций, выявление их причин); тренинговые упражнения.

Предполагаемый результат: в течение 8 занятий будут заметны изменения в сторону формирования позитивных командных отношений, которые будут способствовать сплочению и приводить к результативности. Критерием эффективности будет появление у студентов стремления двигаться к единой цели, преобладания способов учебных контактов, взаимной поддержки, что скажется на общегрупповых результатах. В основе разработанной нами программы со-

циально-психологического тренинга лежит модель формирования групповой сплоченности, теоретико-методологической основой которой выступают: принцип деятельностного опосредования психического (А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн); принцип единства социальных и психологических факторов в динамике групповых процессов (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, Р.Л. Кричевский, Д.А. Петровская, А.А. Свенцицкий); положение о ведущей роли совместной деятельности и общения в развитии группы как целостности (Б.Ф. Ломов, В.Н. Панферов, Н.Н. Обозов, И.П. Волков, Ю.Л. Хани); положение о различных структурных уровнях межличностных отношений и соответствующих им проявлений групповой сплоченности (А.В. Петровский, Г.М. Андреева, А.И. Донцов); положение о единстве как детерминанты групповой сплоченности (Р.Л. Кричевский, Е.Н. Дубовская, В.В. Шпалинский, Л.И. Уманский) [1].

Результаты и их обсуждение. Первым этапом исследования было проведение первичной диагностики в группе при помощи методик «Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева)», «Определение индекса групповой сплоченности Сисшора» и «Экспертная оценка сплоченности учебной группы». Ценностно-ориентационное единство – один из основных показателей сплоченности группы, фиксирующий степень совпадения позиций и оценок ее членов по отношению к целям деятельности и ценностям, наиболее значимым для группы в целом. Показателем ценностно-ориентационного единства служит частота совпадений позиций членов группы в отношении значимых для нее объектов оценивания. В ходе

обработки данных по методике «Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева)» было выявлено, что группа студентов первого курса недостаточно развита как коллектив, так как показатель С, характеризующий степень ценностно-ориентационного единства студентов, равен 0,28. Далее при помощи методики «Определение индекса групповой сплоченности Сисшора» мы выявили уровень групповой сплоченности в студенческой группе (рисунок 1). Показатели уровня сплоченности варьировались от ниже среднего (4–6,9 балла) до высокого (15,1 балла и выше).

Помимо этого, сплоченность группы оценивали куратор группы и педагог-психолог СППС факультета социальной педагогики и психологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Оба эксперта оценили уровень групповой сплоченности в студенческой группе как критический, так как, по их мнению, первокурсники были не организованы и почти не управляемы, среди них не было лидеров и отсутствовали авторитеты среди преподавателей.

Вторым этапом исследовательской работы была реализация программы социально-психологического тренинга групповой сплоченности в студенческой группе № 11. Программа состояла из 8 занятий, направленных на формирование позитивных командных отношений, которые будут способствовать сплочению и приводить к результативности, облегчат процесс адаптации к новым условиям деятельности, снимут психоэмоциональное напряжение.

И третьим этапом исследования было проведение вторичной диагностики в студенческой

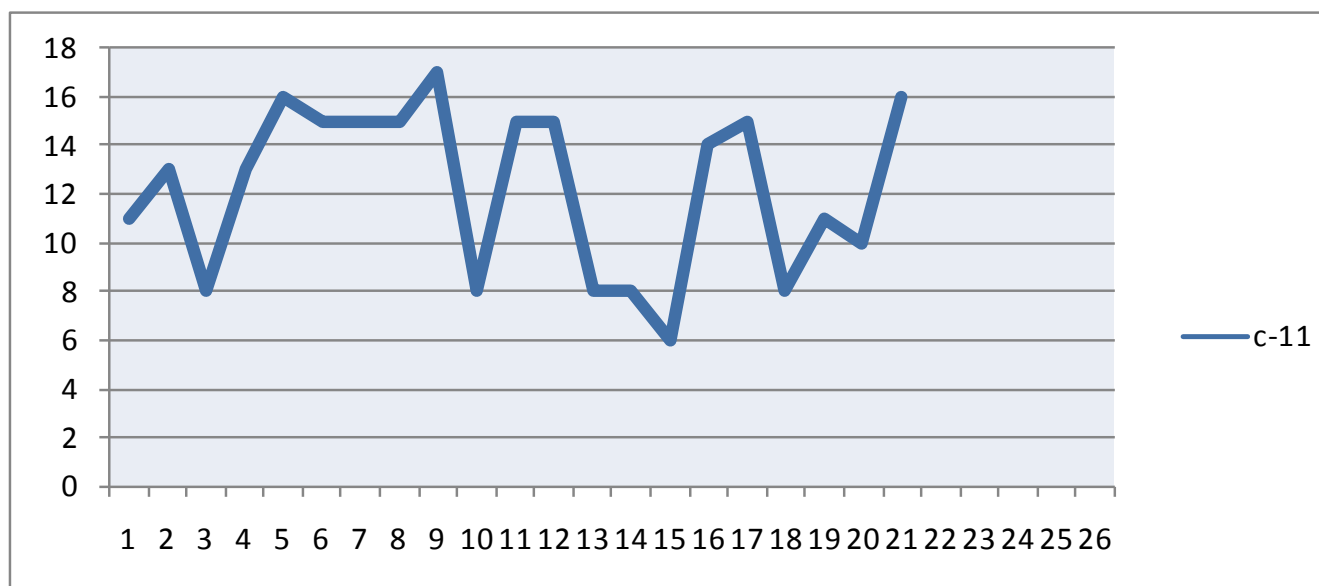

Рисунок 1 – Определение индекса групповой сплоченности Сисшора.

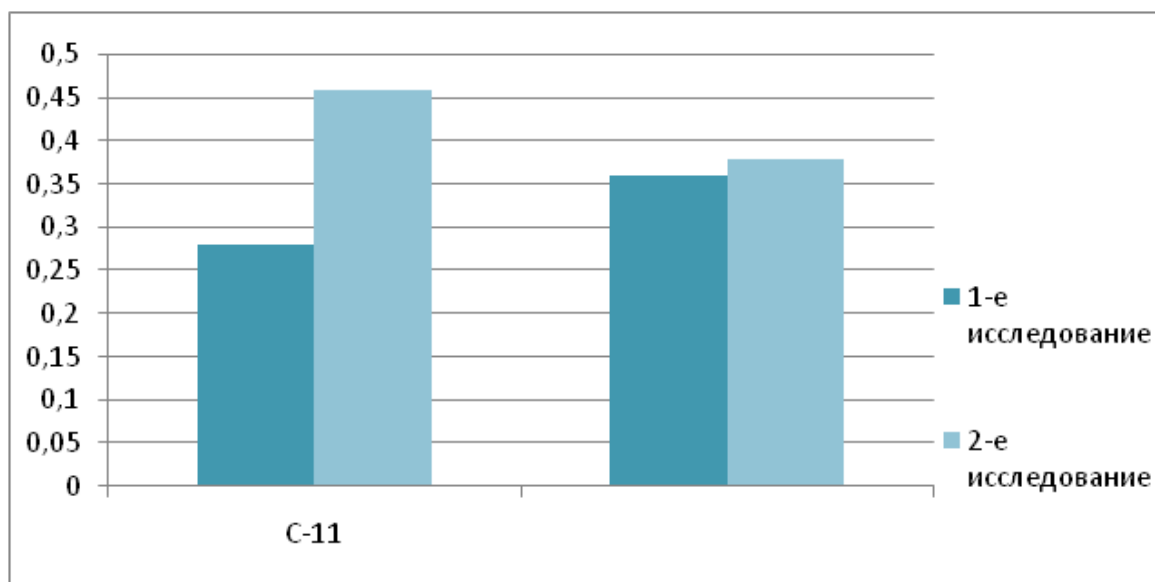

Рисунок 2 – Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ)
(В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева).

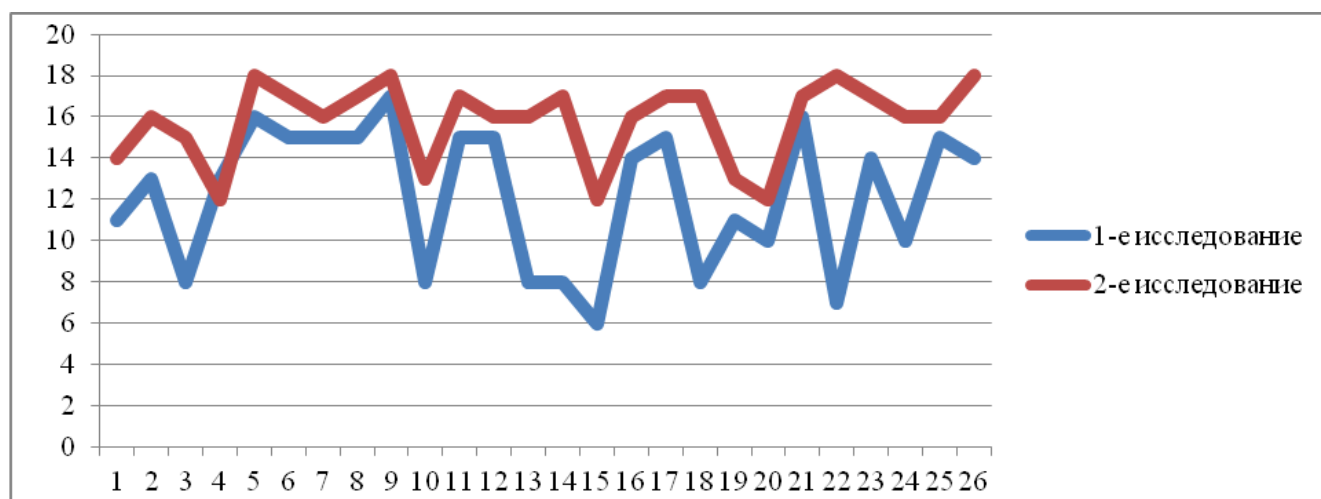

Рисунок 3 – Сравнение полученных данных при первичной и вторичной диагностике
по методике «Индекс групповой сплоченности коллектива Сишора».

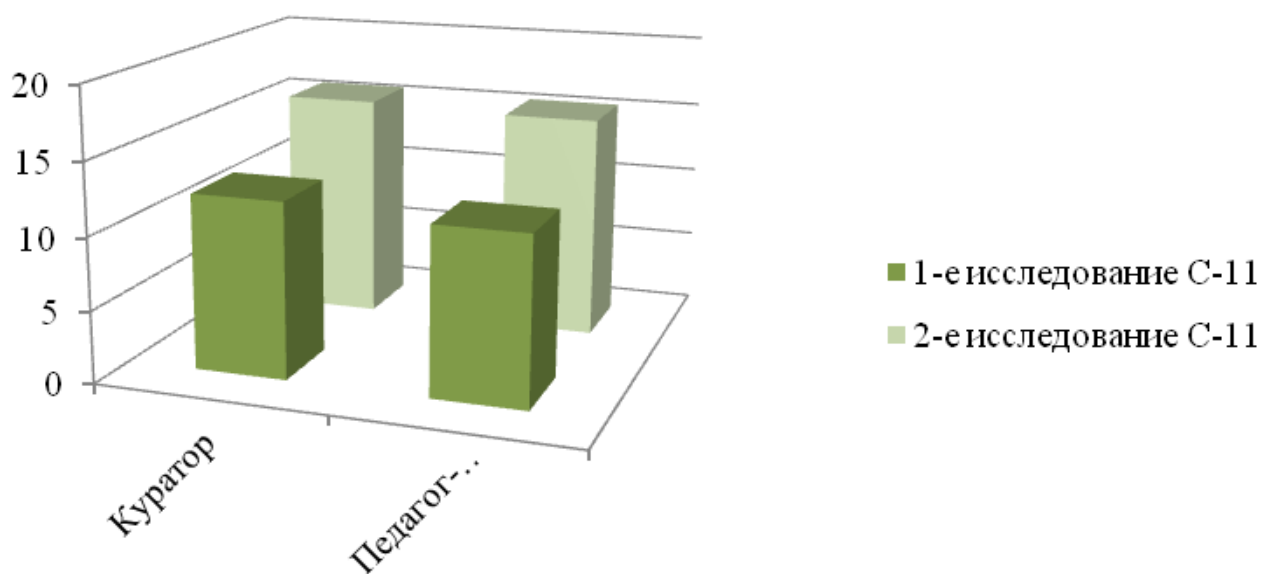

Рисунок 4 – Экспертная оценка сплоченности учебной группы.

группе с целью выявления эффективности использования социально-психологического тренинга как средства формирования групповой сплоченности. Показатель С (ценностно-ориентационное единство) в группе № 11 равнялся 0,46, что свидетельствует о том, что группа достигла достаточно высокого уровня групповой сплоченности (рисунок 2).

И так как в данной группе наиболее ценными качествами личности являются сообразительность (4), трудолюбие (6), коллективизм (17), честность (23), уверенность в себе (35), то можно предположить, что студенты этой группы успех в своей совместной учебной деятельности связывают именно с ними, то есть с положительным отношением к учебе и характером товарищеских отношений. Сравнение полученных данных при первичной и вторичной диагностике по методике «Индекс групповой сплоченности коллектива Сисшора» в студенческой группе можно увидеть на рисунке 3.

На основании рисунка 3 можно сделать вывод о том, что после проведения тренинговых занятий, направленных на повышение уровня сплоченности коллектива, ситуация в группе изменилась в сторону улучшения. Показатели сплоченности студенческой группы, как мы видим на рисунке 3, изменились, но не столь значительно и варьируют примерно в том же диапазоне, что и при первом исследовании, минимальный показатель сплоченности во втором исследовании стал выше, что свидетельствует о положительных изменениях в группе.

Экспертная оценка сплоченности группы куратором и педагогом-психологом СППС также значительно возросла. По результатам второго исследования эксперты оценивают уровень сплоченности группы как средний, что говорит о том, что действительно заметны положительные изменения, произошедшие в студенческой группе первокурсников в адаптационном периоде.

Заключение. В данной статье нами был проведен теоретический анализ понятий «групповая сплоченность» и «социально-психологический тренинг», а также представлено исследование, в котором эмпирическим путем была доказана эффективность социально-психологического тренинга в формировании групповой сплоченности студенческой группы в адаптационном периоде. Групповая сплоченность – это один из процессов групповой динамики, характеризующийся степенью приверженности к группе ее членов. Когда группа сплочена, все ее члены активно работают, всеми силами поддерживая остальных членов и поощряя их самоотверженную преданность группе и ее интересам. Тем самым они защищают друг

друга от общих проблем, гарантируют безопасность в период обучения в достижении единой общегрупповой цели. При слабой сплоченности в студенческой группе интерес к эволюции и процветанию группы пропадает, забота об утрате ее позиций и «лица» в целом уходит на второй план, и вероятность плодотворных совместных действий членов группы уменьшается. Формирование групповой сплоченности также можно производить посредством социально-психологического тренинга. Социально-психологический тренинг – это один из методов активного обучения и психологического воздействия, осуществляемого в процессе интенсивного группового взаимодействия и направленного на повышение компетентности в сфере общения.

Основная цель социально-психологического тренинга – повышение компетентности в общении – может быть конкретизирована в ряде задач с различной формулировкой, но обязательно связанных с приобретением знаний, формированием умений, навыков, развитием установок, определяющих поведение в общении, развитии перцептивных способностей человека, коррекцией системы отношений личности, поскольку личностное своеобразие является тем фоном, который окрашивает в разные цвета действия человек, все его вербальные и невербальные проявления.

Для изучения уровня групповой сплоченности до и после проведения социально-психологического тренинга использовались методики «Определение ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева)», «Определение индекса групповой сплоченности Сисшора» и «Экспертная оценка сплоченности учебной группы», которые показали, как изменились показатели сплоченности в студенческой группе до и после тренинга. Таким образом, результаты теоретического и практического изучения проблемы групповой сплоченности могут быть использованы в практике работы кураторов и СППС учреждений образования. Проведенное нами исследование углубляет существующие в социальной психологии представления о групповой сплоченности, которая рассматривается в нашей работе через единство членов группы в эмоциональной, ценностной и поведенческой сферах.

Разработанная программа социально-психологического тренинга, ориентированного на сплочение студенческой группы, прошла успешную апробацию; может быть в будущем внедрена в практику работы куратора первого курса студенческой группы на этапах ее адаптации в период обучения в высшей школе. Апробированная нами программа расширяет возможности методов социально-психологического обучения

студентов помогающих профессий в учреждениях образования [6]. Полученные результаты могут быть использованы в практике активных методов обучения, в работе психологических служб, в практико-ориентированной деятельности педагогов-психологов учреждений образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломинский, Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах / Я.Л. Коломинский. – Минск: Изд-во БГУ, 2009. – 284 с.
2. Петровская, Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга / Л.А. Петровская. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 168 с.
3. Данилова, Ж.Л. Использование тренинговых форм в образовательном взаимодействии / Ж.Л. Данилова // Психология здоровья: теоретические основы и практика использования здоровьесберегающих технологий. – Витебск: Изд-во ГУО «Витебский областной институт развития образования», 2008. – С. 12–15.
4. Зайцева, Т.В. Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие / Т.В. Зайцева. – М.: Смысл, 2002. – 116 с.
5. Фопель, К. Психологические группы: рабочие материалы для ведущего / К. Фопель. – М.: «Генезис», 2013. – 288 с.
6. Данилова, Ж.Л. Диалогический подход в педагогическом межличностном взаимодействии / Ж.Л. Данилова // Актуалогенез: эмпирические структуры личности: сб. науч. ст. – Витебск: Изд-во ВГУ имени П.М. Машерова, 2006. – С. 81–84.

УДК 377.6:37.026.9-057.87

Деловая игра как средство развития креативности учащихся среднего специального учебного заведения

Е.В. Шкетик

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Проблема развития творческой личности в настоящее время является весьма актуальной. Творческая личность всегда будет востребованной в обществе, так как в настоящее время приветствуется выдвижение новых идей, поиск эффективных стратегий в развитии отношений в системах «человек–человек», «человек–техника», «человек–знаковая система», «человек–художественный образ».

Цель статьи – изучение креативности учащихся-девушек среднего специального учебного заведения, анализ деловой игры как средства развития креативности учащихся ссуза.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе учреждения образования «Витебский государственный индустриально-технологический колледж». В нем приняли участие студентки I–III курсов (171 девушка). Для изучения креативности учащихся ссуза был использован «Опросник креативности Джонсона» (адаптированный). Для достижения поставленной цели применялись следующие методы исследования: психодиагностические, математической статистики (критерий Краскела–Уоллиса).

Результаты и их обсуждение. Представлены результаты исследования креативности девушек I–III курсов ссуза. С помощью критерия Краскела–Уоллиса были оценены различия между исследуемыми группами (1, 2, 3 курсы). Курс обучения явился параметром дифференциации. Были обнаружены достоверные ($p \leq 0,01$) различия между учащимися по показателям развития креативности, выявлены отрицательная динамика от первого ко второму курсу и восстановление показателей развития креативности на третьем курсе до первоначального уровня. Рассмотрено одно из средств развития креативности учащихся ссузов – деловая игра, которая стимулирует учащихся к активной познавательной деятельности, развитию и актуализации у них основных мыслительных операций, позволяет спроектировать будущую деятельность, включить учащихся в систему общественных отношений.

Заключение. Педагогам ссузов особое внимание необходимо уделять деловой игре как средству развития креативности для того, чтобы можно было говорить о положительной динамике развития данного феномена у учащихся от первого курса к выпускному третьему. Педагогическому составу рекомендовано использовать в своей деятельности активные методы обучения, креативные технологии, технологические приемы.

Ключевые слова: креативность, творчество, творческая активность, способность, творческий потенциал, развитие креативности, деловая игра, проблемная ситуация, гуманизация образования.

Business Game as a Means of Creativity Development of Vocational School Students

E.V. Shketyk

Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The issue of the development of the creative personality is nowadays rather topical. The creative personality will always be demanded in the society since new ideas are welcomed at present as well as search for efficient strategies in the development of the relations in the systems of man-man, man-technology, man-sign system, man-artistic image.

The purpose is the study of creativity of student girls of the vocational school, analysis of business game as a means of creativity development of vocational school students.

Material and methods. The study was conducted on the base of educational establishment "Vitebsk State Industrial and Technological College". First to third year student girls (171) participated in the research. To study vocational school student creativity Johnson Creativity Questionnaire (adapted) was used. To reach the research objective the following methods were used: psycho diagnostic, mathematical statistic method (Craskell-Wallis criterion).

Findings and their discussion. Findings of the study of creativity of I-III year girl students of a vocational school are presented. With the help of Craskell-Wallis criterion differences between the studied groups (1, 2, 3 year) were evaluated. The academic course was the parameter of differentiation. Reliable ($p \leq 0,01$) differences among students according to indicators of creativity development were identified, negative dynamics from the first to the second year and restoration of indicators of creativity development in their third year up to the original level was found out. One of the ways of creativity development of vocational school students, business game, was considered. It stimulates students' cognitive activity, development and actualization of their basic thinking operations, makes it possible to design future activity and to involve students into the system of public relations.

Conclusion. Vocational school teachers should pay special attention to business game as a means of creativity development. This would make it possible to consider positive dynamics of the development of this phenomenon from the first through the third, graduation, year. Teachers are recommended to use active teaching methods, creative technologies and technological tools.

Key words: creativity, creative activity, ability, creative potential, creativity development, business game, problem situation, humanization of education.

В настоящее время важным является развитие креативности как своеобразного внутреннего ресурса именно у учащихся средних специальных учебных заведений, так как выпускники ссузов являются востребованными в различных отраслях экономики. Важно, чтобы выпускник среднего специального учебного заведения был также мобильным, инициативным специалистом.

Креативность как интегративное, многомерное психическое образование, комплекс интеллектуальных, личностных особенностей человека, его внутренний ресурс, способствует самостоятельному выдвижению, генерированию большого количества оригинальных идей и нестандартных решений. Креативность выступает как один из ведущих факторов успешности человека, который обеспечивает возможность адаптироваться к быстро изменяющимся условиям жизни, является залогом успеха человека в профессиональной деятельности. Креативность определяет готовность личности изменяться и отказываться от стереотипов.

«Креативность не находится в прямой зависимости от качества памяти и суммы знаний ин-

дивида. Суть креативности, по мнению американских ученых, заключается не в накоплении знаний, не в их объеме, хотя знания служат основой творчества, а в умении открывать новые идеи, новые пути, делать оригинальные выводы» [1, с. 30].

Способность к преобразованиям является одной из динамических характеристик креативности, которая связана с такими чертами, как инициативность, находчивость, эмоциональность, независимость. Понятие креативности связано с творчеством, творческой деятельностью, порождающей что-либо качественно новое.

Креативность является областью исследований, которая представляет и теоретический, и практический интерес. Именно креативность – центральное звено деятельности любого человека при решении им новых проблем. Вклад в понимание креативности вносят экспериментальная психология, возрастная психология, дифференциальная психология, социальная психология [2].

По мнению И.А. Малаховой, современная трактовка проблемы креативности (исследования В. Андерсона, Дж. Гилфорда, А.Н. Лука, И.М. Розета, Я.А. Пономарева, Р. Стернберга и др.) отличается признанием того факта, что кре-

ативность рассматривается как универсальная интегративная способность к творчеству, которая необходима для любой сферы деятельности личности, а проявление творческих качеств носит универсальный характер. Развитие креативности в каком-либо определенном виде деятельности влечет за собой перенос творческих качеств на любую другую сферу человека, например, социальную, производственную, коммуникативную, бытовую. Всплеск исследовательской активности по изучению проблемы креативности начинается с середины прошлого века. Интерес к данной проблеме в наши дни также остается высоким [1].

В философской, педагогической, психологической литературе (В.П. Беспалько, Н.Ф. Талызина, М.Н. Скаткин, П.Я. Гальперин, А.М. Матюшкин, Т.В. Кудрявцев) накоплен достаточный опыт по совершенствованию образовательного процесса, его активизации. Современные технологии, методы обучения способствуют расширению объема знаний студентов, учащихся, активизируют их познавательную деятельность, развивают креативность.

Использование в учебном процессе среднего специального учебного заведения технологий проблемного, личностно ориентированного, развивающего обучения, элементов технологии коллективного способа обучения, информационных технологий, проблемных лекций, индивидуальной и групповой работы, а также деловых игр способствует развитию креативности учащихся. Далее подробнее рассмотрим деловую игру как средство развития креативности учащихся ссузов.

Цель статьи – изучение креативности учащихся-девушек среднего специального учебного заведения, анализ деловой игры как средства развития креативности учащихся ссуза.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе учреждения образования «Витебский государственный индустриально-технологический колледж». В исследовании приняли участие студентки первого, второго, третьего курсов (всего 171 девушка), обучающиеся по специальностям «Технология производства швейных изделий», «Парикмахерское искусство и декоративная косметика», получающих квалификации «Швея», «Парикмахер», «Мастер по маникюру», «Мастер по педикюру». Для изучения креативности учащихся среднего специального учебного заведения был использован «Опросник креативности Джонсона» (адаптированный). Опросник креативности обращает внимание на элементы, которые связаны с творческим выражением самого себя [3]. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы исследования: психодиагностические, математической статистики (критерий Краскала–Уоллиса).

Результаты и их обсуждение. Из 56 девушек первого курса колледжа нормальный (средний) уровень креативности выявлен у 24 девушек (43%), высокий – у 20 (36%), очень высокий – у 8 (14%), очень низкий – у 4 (7%).

Из 54 девушек второго курса колледжа нормальный (средний) уровень креативности выявлен у 29 девушек (54%), высокий – у 19 (35%), очень высокий – у 1 (2%), очень низкий – у 1 (2%).

Из 61 девушки третьего курса колледжа нормальный (средний) уровень креативности выявлен у 27 девушек (44%), высокий – у 31 (50%), очень высокий – у 1 (2%), очень низкий – у 1 (2%).

К третьему курсу уменьшается количество учащихся с низким уровнем развития креативности, однако становится больше учащихся с очень низким уровнем креативности. Ко второму курсу

Рисунок 1 – Креативность учащихся-девушек 1 курса колледжа.

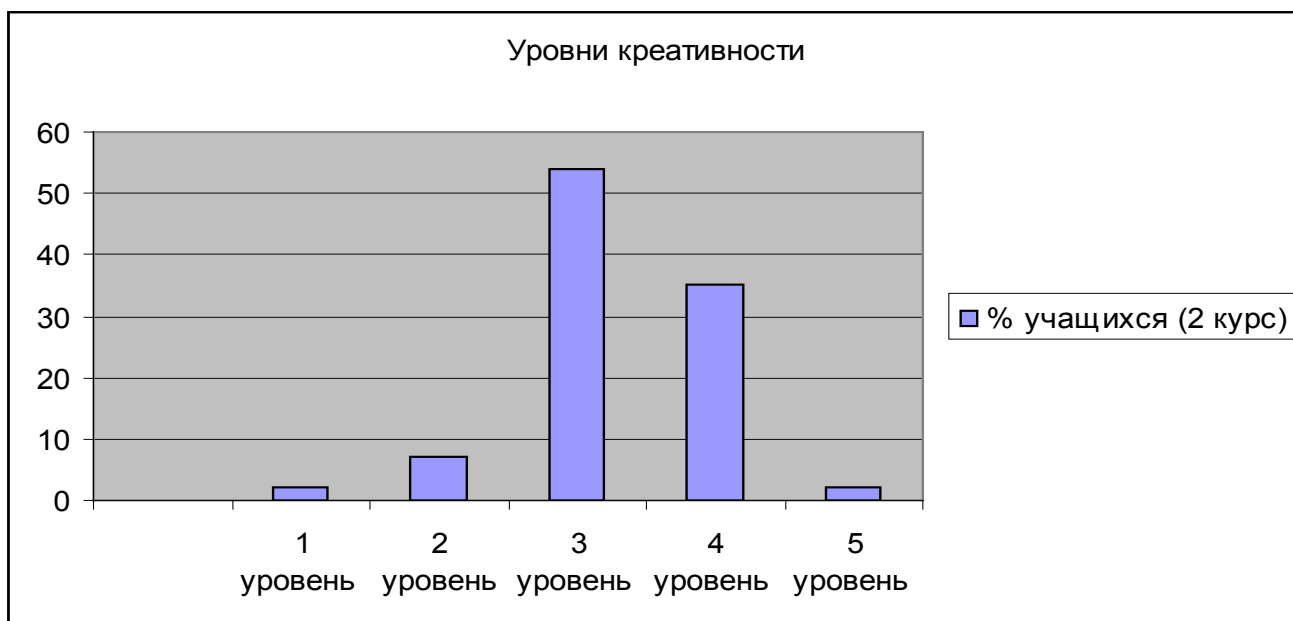

Рисунок 2 – Креативность учащихся-девушек 2 курса колледжа.

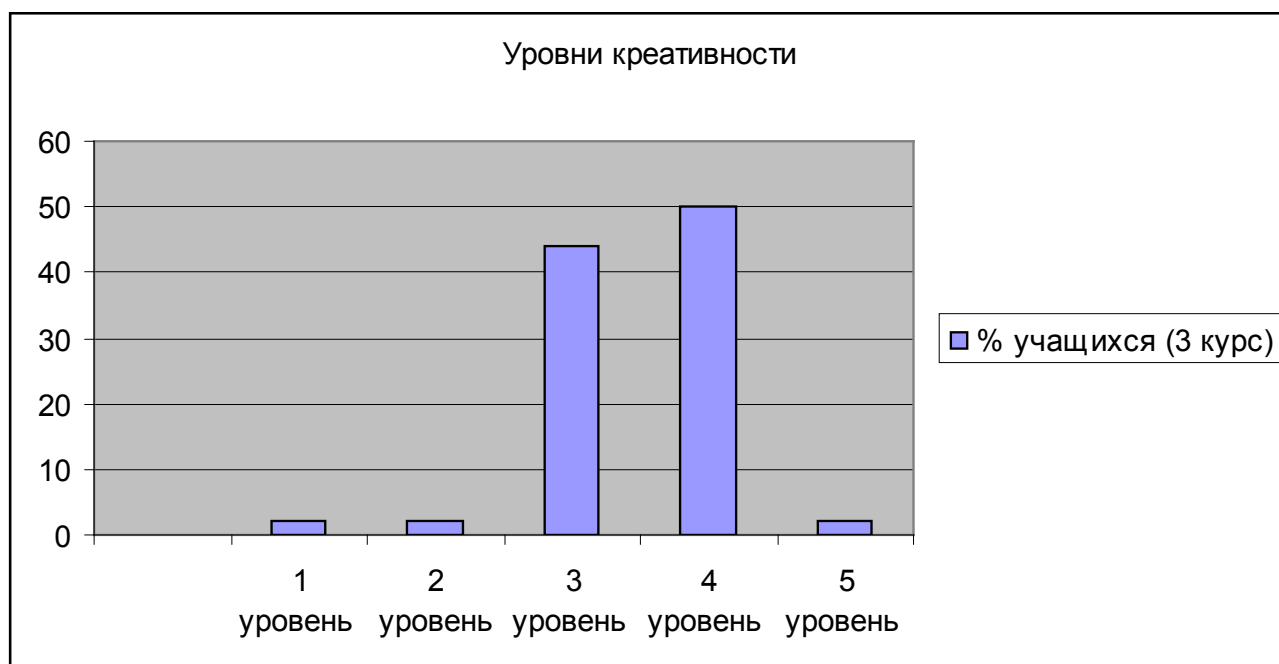

Рисунок 3 – Креативность учащихся-девушек 3 курса колледжа.

увеличивается количество учащихся с нормальным и средним уровнями креативности, но на третьем курсе количество учащихся с нормальным, средним уровнями креативности становится почти столько, сколько было на первом курсе. Отмечается увеличение количества девушек с высоким уровнем креативности (см. таблицу).

Большинство учащихся (47%) (средний уровень) способны иногда проявлять уверенность в своем решении, несмотря на возникшие затруднения, брать на себя ответственность за нестандартную позицию, содействующую решению про-

блемы (уверенный стиль поведения с опорой на себя, самодостаточное поведение), воздержаться от принятия пришедшей в голову типичной, общепринятой идеи, выдвигать различные варианты и выбирать наилучший, демонстрировать поведение, которое является неожиданным, оригинальным, но полезным для решения проблемы, проявлять воображение, чувство юмора, предлагать дополнительные идеи, версии, решения, окружать тонкие, неопределенные сложные особенности окружающего мира; 41% учащихся (высокий уровень) способны часто проявлять указанные

Таблица – Результаты исследования креативности у девушек колледжа по методике «Опросник креативности Джонсона»

Уровни креативности	1 курс (56 человек)		2 курс (54 человека)		3 курс (61 человек)	
	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%
1 (очень низкий)	-	-	1	2	1	2
2 (низкий)	4	7	4	7	1	2
3 (нормальный, средний)	24	43	29	54	27	44
4 (высокий)	20	36	19	35	31	50
5 (очень высокий)	8	14	1	2	1	2

характеристики; 6% учащихся (очень высокий) способны постоянно проявлять уверенный стиль поведения с опорой на себя, самодостаточное поведение, независимость, оригинальность, изобретательность, продуктивность, воображение, способность к конструированию, находчивость, изобретательность, разработанность, гибкость, беглость, чувствительность к проблеме, даже предпочтение сложностей; 5% учащихся (низкий уровень) редко проявляют обозначенные характеристики. Всего 2 девушки (1%) показали очень низкий уровень креативности.

Для оценки различий между исследуемыми группами (девушками первого, второго, третьего курсов разных специальностей) мы использовали критерий Краскела–Уоллиса. Курс обучения явился параметром дифференциации. Были обнаружены достоверные ($p \leq 0,01$) различия между учащимися по показателям развития креативности. При этом среднее значение для учащихся первого курса представлено значением 93,86; для второго курса – 69,61; у третьекурсников средний показатель креативности 93,61. Следовательно, можно говорить о наличии отрицательной динамики от первого ко второму курсу и восстановлению показателей развития креативности на третьем курсе до первоначального уровня.

На наш взгляд, полученные результаты можно объяснить характерной для средних специальных учебных заведений традиционной системой обучения, которая предполагает передачу информации от преподавателя к учащемуся, основывается на запоминании учащимися транслируемой педагогом информации, накоплении фактов.

Развитие креативности учащихся возможно только в специально организованных условиях, с введением в практику средних специальных учебных заведений активных методов обучения, которые позволяют устранять разного рода психологические «зажимы», шаблоны, которые блокируют творческие способности учащихся.

Активные методы обучения основываются на следующих дидактических принципах:

1) принцип деятельности (процесс познания должен быть организован как самостоятельная деятельность познающего); 2) принцип непрерывности (преемственность между всеми ступенями обучения); 3) принцип минимакса (ссуз предлагает каждому обучающему содержание образования на максимальном (творческом) уровне, обеспечивает его усвоение на уровне минимума (государственного стандарта); 4) принцип психологической комфортности (снятие стрессообразующих факторов учебного процесса); принцип вариативности (развитие у учащихся умения решать проблемы различными способами); 5) принцип творчества (максимальная ориентация на творческое начало в учебной деятельности студентов, приобретение ими собственного опыта творческой деятельности, формирование способности самостоятельно находить решение нестандартных задач) [4].

Более подробно остановимся на деловой игре как средстве развития креативности учащихся. Именно деловая игра способствует созданию положительного эмоционального отношения студентов к занятиям, позволяет сохранить их работоспособность более длительное время, помогает решать производственные задачи, превращая процесс обучения в творческий, вовлекая учащихся в продуктивную деятельность. Сложным вариантом деловой игры является многокомпонентная ситуация, решение которой требует организации взаимоотношений между учащимися-исполнителями. При подготовке к игре задания учащимся можно раздавать заранее, а также в начале игры. Учащиеся выполняют предложенные задания самостоятельно, иногда обращаясь за помощью к преподавателю. Деловую игру можно рассматривать также как способ воспроизведения ситуации, ролевых функций, специфики взаимоотношений, которые характерны для определенной профессиональной деятельности. Важно, чтобы деловая игра была не коллективным развлечением, а способом достижения задач обучения, продуцирования вариантов решения задачи.

В деловой игре можно выделить следующие этапы: 1) подготовительный, 2) собственно игра, 3) дополнительный, 4) заключительный. В зависимости от цели учебного занятия, а также от уровня подготовки учащихся работа может проводиться в подгруппах по 3–5 человек, а также в целой группе. Если преподаватель участвует в игре, то выполняет в ней второстепенную роль, наблюдает за всем происходящим, не прерывает деловой игры с целью исправления ошибок. Для осуществления деловой игры необходим общий сюжетный ход с возможностью импровизации. Приветствуется инициатива учащихся, предоставляется возможность проявить себя более слабым учащимся. В деловой игре можно применять элементы проблемного обучения. Так, наличие проблемной ситуации в деловой игре способствует продуцированию большого количества вариантов ее решения. Важно, чтобы учащиеся могли видеть проблемы, решать их, ориентироваться в новых условиях, самостоятельно приобретать необходимые знания, применять их на практике.

Мощным средством развития креативности являются также информационные и телекоммуникационные технологии, позволяющие учащимся раскрыться, отказаться от устоявшихся стереотипов при выполнении заданий, которые предусмотрены программой, но и при разрешении проблем, которые связаны с нестандартными профессиональными ситуациями.

Особое внимание следует уделить системообразующему фактору развития креативности – гуманизации образования. Суть гуманизации – развитие личности как активного субъекта познания, общения, творческой учебной деятельности. Наиболее полному развитию, а также реализации студентами своих потенциальных возможностей способствует ценностное отношение к собственному образованию. Все это в совокупности позволяет приобрести мобильность в профессиональной сфере. Гуманизация образования и воспитания представляет собой нравственно-психологическую основу протекания педагогического процесса. Необходимо отметить, что образование, ценность которого принято рассматривать на макроуровне (образование – это государственная ценность), мезоуровне (образование – это общественная ценность), микроуровне (образование дает возможность будущему специалисту реализовать в профессиональном плане, развить творческие способности лично-

сти), имея особый статус и являясь своеобразным фундаментом здания современного общества, выполняет одну из главных функций образования – культурно-гуманистическую [5].

Педагогам, которые работают с учащимися, необходимо также обладать соответствующими творческими способностями. Они должны уметь модифицировать собственную деятельность, обладать профессиональной интуицией, эмпатией, критичностью мышления, иметь собственный творческий стиль, постоянно совершенствовать свои знания в разных областях, активно внедрять в учебный процесс средних специальных учебных заведений информационные технологии. Именно инновационные технологии способны формировать инновационное поведение субъектов образовательного процесса. Важно, чтобы педагоги могли, а главное, имели желание достаточно эффективно использовать имеющиеся инновационные технологии, активные методы обучения.

Заключение. Педагогам следует уделять особое внимание необходимо уделять деловой игре как средству развития креативности для того, чтобы можно было говорить о положительной динамике развития данного феномена у учащихся от первого курса к выпускному третьему. Педагогическому составу рекомендовано использовать в своей деятельности активные методы обучения, креативные технологии (методы психологической активизации творческого мышления, методы систематизированного поиска идей, методы управляемого поиска идей и развития творческого воображения), технологические приемы (мозговой штурм, проблемные лекции, лекции-дискуссии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахова, И.А. Развитие креативности личности в социокультурной сфере: педагогический аспект / И.А. Малахова. – Минск: Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. – 325 с.
2. Любарт, Т. Психология креативности / Т. Любарт, К. Муширу, С. Торжман, Ф. Зенасни; пер. с фр. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 215 с. – (Университетское психологическое образование).
3. Туник, Е.Е. Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления / Е.Е. Туник. – СПб.: Питер, 2013. – 320 с.: ил. – (Серия «Практическая психология»).
4. Попова, О.В. Педагогические технологии и активные методы обучения в преподавании общеобразовательных дисциплин / О.В. Попова, Г.В. Василенко, Г.А. Моисеева. – Омск: ОмГКПТ, 2006. – 48 с.
5. Сманцер, А.П. Формирование у студентов ценностного отношения к образованию в процессе обучения / А.П. Сманцер, Т.А. Ханалыев. – Минск: БГУ, 2009. – 303 с.

Гендерные особенности профессионального самоопределения старшеклассников

**Н.И. Циркунова,
Я.Д. Берашевич**

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова»*

Процесс профессионального самоопределения является результатом воздействия многих взаимосвязанных внешних и внутренних факторов, в систему которых входит и гендер.

Значимость гендерного аспекта в профессиональном самоопределении и недостаточная изученность данной проблемы в литературе определили направление и цель нашего исследования – изучение гендерных особенностей профессионального самоопределения старшеклассников.

Материал и методы. Исследование было проведено в период с ноября 2014 по апрель 2015 года. В нем приняли участие представители 10-х классов ГУО «Средняя школа № 40» и ГУО «Средняя школа № 12» города Витебска. Общая выборка испытуемых составила 100 человек. Методики исследования: «Опросник С. Бем» и анкета «Ориентация» (автор И.Л. Соломин).

Результаты и их обсуждение. Современные социально-экономические условия влияют на принятие молодыми людьми новых гендерных ролей, все больше девушек и юношей предпочитают совмещать качества, присущие обоим полам. В ходе нашего исследования по выявлению степени выраженности маскулинных, феминных, андрогинных характеристик было обнаружено, что независимо от пола у испытуемых доминирует андрогинный тип личности. Андрогиния – важная психологическая характеристика человека, определяющая способность менять свое поведение в зависимости от ситуации. Она способствует формированию устойчивости к стрессам, достижению успехов в различных сферах жизнедеятельности.

Изучение профессиональных предпочтений учащихся показало, что старшеклассники в большинстве своем выражают желание овладеть творческими профессиями, однако это не совпадает с их возможностями и способностями к профессиям данного типа, а также востребованностью данного типа профессий современным рынком труда.

Вывод. Полученные в ходе исследования результаты говорят о наличии взаимосвязи между гендерными особенностями и предпочтениями того или иного типа и класса профессий, а также способностями овладения ими.

Данный вывод может стать основой для работы психологов и педагогов в русле профориентации, а также работы с профессиональными и гендерными стереотипами.

Ключевые слова: андрогинность, гендер, гендерная идентичность, гендерная социализация, маскулинность, неполная семья, пол, профессия, профессиональная сегрегация, профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, рынок труда, старшеклассник, стереотип, феминность.

Gender Features of Professional Self-Identification of High School Students

**N.I. Tsyркunova,
Ya.D. Berashevich**

*Educational establishment "Vitebsk State University named
after P.M. Masharov"*

Process of professional self-identification is the result of the impact of a lot of interconnected inner and outer factors, gender being part of their system.

Significance of the gender aspect in professional self-identification and insufficient study of this issue in literature preconditioned the direction and the objective of our research, which is study of gender features of professional self-identification of high school students.

Material and methods. The study was conducted from November 2014 to April 2015. Tenth year students of Secondary School No40 and Secondary School No12 of the City of Vitebsk participated in the research. General selection of the tested was 100 students. The techniques of the research were "S. Bem Questionnaire" and "Targeting Questionnaire" (by I.L. Solomin).

Findings and their discussion. Contemporary social and economic conditions influence taking new gender roles by young people; more and more girls and boys prefer combining qualities typical of both the sexes. During our research on finding out the degree of expression of masculine and feminine androgenic characteristics it was identified that regardless sex the androgenic personality type of the tested students dominates. Androgyny is an important psychological characteristic of a person, which determines the ability to transform his behavior depending on the situation. It provides building up stability to stress in achieving success in different life spheres.

The study of professional preferences of students showed that they have desires to master creative jobs; however, it does not correspond to their abilities and possibilities, neither to the demand in these jobs at the job market.

Conclusion. Findings of the research testify to the presence of the interconnection between gender features and preferences of this or that type and kind of jobs and abilities to master them.

This conclusion can become the basis for work of psychologists on career advising as well as work with professional and gender stereotypes.

Key words: androgyny, gender, gender identity, gender socialization, masculinity, one parent family, sex, profession, professional segregation, professional self-identification, job choice, job market, high school student, stereotype, femininity.

Проблема профессионального самоопределения личности требует переосмысления в связи с социально-экономическими преобразованиями, происходящими в нашей республике. Данные преобразования формируют потребность общества в активной, творческой личности, готовой к решению нестандартных социально значимых задач различных сфер будущей профессиональной деятельности.

Анализируя факты современной действительности, невольно задумываемся: в чем причина неудач, разочарований молодых людей? Возможно, одной из причин является неверный выбор профессии в юности. Сделать социально значимый и глубоко личностный выбор в профессиональном самоопределении – задача не из легких.

В психологии проблема профессионального самоопределения решалась в связи с анализом жизненного самоопределения (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн), в контексте изучения возрастных закономерностей формирования личности (Л.И. Божович, П.А. Шавир), в плане проблемы формирования человека как субъекта профессиональной деятельности (Е.А. Климов, В.В. Чебышева), в рамках изучения вопросов профессионального становления (Т.В. Кудрявцев, А.И. Сухарева, Е.М. Павлютенков) и психологических основ трудового воспитания школьников (Ф.И. Иващенко, Э.А. Фарапонова).

Социально-психологические особенности старшеклассников, характерные проявления этого возрастного периода в отношении жизненного самоопределения рассмотрены Л.И. Божович, Е.В. Бондаревской, В.И. Журавлевым, И.С. Коном, В.А. Крутецким, А.В. Мудрик, А.В. Петровским, Ю.В. Шаровым и др.; с акцентом на личностные, мотивационные аспекты профессионального самоопределения проведены исследования Е.А. Климовым, А.Е. Голомштоком, В.В. Назимовым и др.; особым результатом таких исследо-

ваний является концепция профессионального самоопределения, разработанная в институте профессионального самоопределения молодежи РАО (1993).

Профессиональное самоопределение – это определение человеком себя относительно выбранных в обществе (и принятых данным обществом) критериев профессионализма [1, с. 555].

Профессиональное самоопределение – важное событие на жизненном пути человека. Оно связано не только с прошлым опытом личности, но и простирается далеко в будущее, участвуя в формировании образа «Я», предопределяя многие стороны жизни. Наиболее изученными и признаваемыми факторами профессионального самоопределения являются интересы субъекта, способности. Профессиональное самоопределение отражает уровень личных притязаний, основанный на оценке своих способностей и возможностей [2].

Анализ литературы по данной проблеме указал на необходимость изучения и другого вопроса, связанного с профессиональным самоопределением старшеклассников: гендерной социализации личности. Изучение влияния гендерной социализации на процесс профессионального самоопределения важно для правильного понимания процессов социализации личности, формирования общественного сознания, выявления целей общественного развития [3].

Целью нашей работы стало изучение гендерных особенностей профессионального самоопределения старшеклассников.

Материал и методы. В 2014–2015 учебном году нами было проведено исследование, направленное на изучение профессионального самоопределения старшеклассников с учетом их гендерных особенностей. В нем приняли участие представители 10-х классов ГУО «Средняя школа № 40» и ГУО «Средняя школа № 12» города Витебска. Общая выборка испытуемых составила 100 человек.

Исследование проводилось с помощью следующих методик: «Опросник С. Бем» и анкета «Ориентация» (автор И.Л. Соломин).

Целью методики «Опросник С. Бем» является диагностика маскулинности/феминности испытуемых. Опросник используется для выявления степени выраженности маскулинных и феминных характеристик, а также позволяет определить тип личности: маскулинный, феминный, андрогинный [4].

Целью методики «Ориентация» является диагностика профессиональных интересов, склонностей и представлений о профессиональных способностях молодежи и взрослых людей. Анкета «Ориентация» состоит из 2 частей: «Я хочу» и «Я могу». В первой части испытуемый должен оценить по 4-бальной шкале (от 0 до 3 баллов) степень своего желания заниматься каждым из 35-ти представленных в списке видов деятельности. Эта часть анкеты является основной, предназначенной для определения сферы профессиональных склонностей, интересов, предпочтений, стремлений.

Во второй части нужно оценить с помощью такой же шкалы степень своих способностей в каждом из 35-ти заданных видов деятельности. Эта часть предназначена для определения представлений о профессиональных способностях. Вторая часть анкеты является дополнительной и диагностирует то, как испытуемый оценивает объективную степень выраженности профессиональных способностей.

Суждения в каждой части анкеты, характеризующие различные типы профессиональной деятельности, объединены в семь групп по пять суждений в каждой.

Первые пять групп суждений характеризуют типы профессий, разделенных по признаку «пред-

мет труда»:

- 1) человек–человек;
- 2) человек–техника;
- 3) человек–информация;
- 4) человек–искусство;
- 5) человек–природа.

Оставшиеся две группы суждений под буквами «А» и «Б» соответствуют двум классам профессий, разделенных по признаку «характер труда»:

- А) исполнительские;
- Б) творческие.

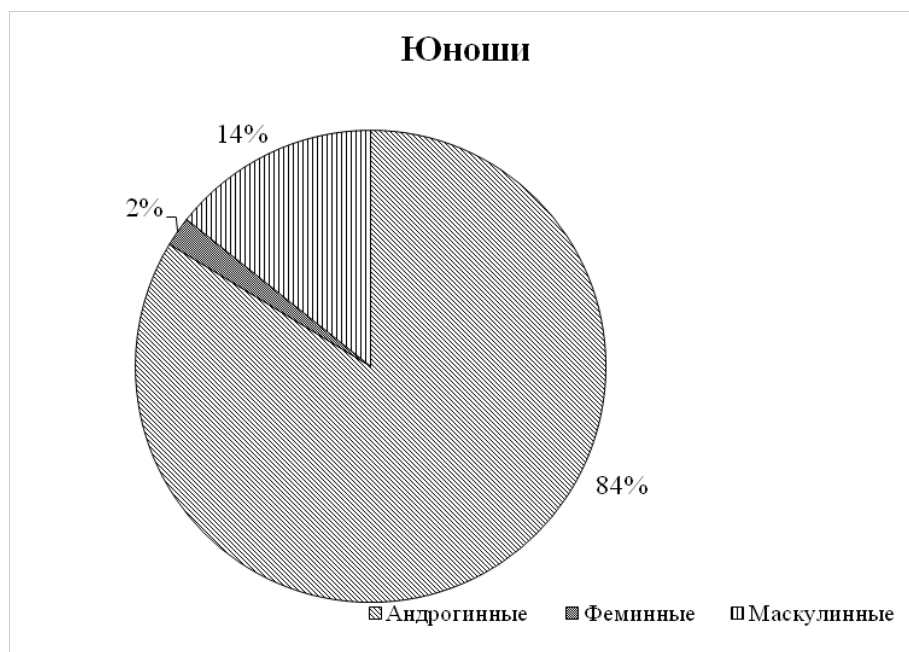
Для каждого испытуемого сначала определяется наибольшая склонность к тому или иному типу профессий (1, 2, 3, 4 или 5). Затем определяется склонность к одному классу профессий (А или Б).

Результаты и их обсуждение. Нами выделены три основных направления анализа результатов проведенного исследования:

- выявление гендерных особенностей старшеклассников;
- изучение профессиональных предпочтений учащихся старших классов;
- анализ влияния гендерных особенностей на профессиональное самоопределение.

Представим полученные результаты исследования в логической последовательности обозначенной выше триады.

В процессе изучения гендерных особенностей старшеклассников с помощью вышеописанной методики «Опросник С. Бем» было выявлено следующее: девушки андрогинного типа (АД) составляют 38% от общей выборки (38 человек), юноши андрогинного типа (АЮ) – 41% (41 человек), девушки феминного типа (ФД) – 8% (8 человек), юноши феминного типа (ФЮ) – 1% (1 человек), девушки маскулинного типа (МД) – 5% (5 человек),

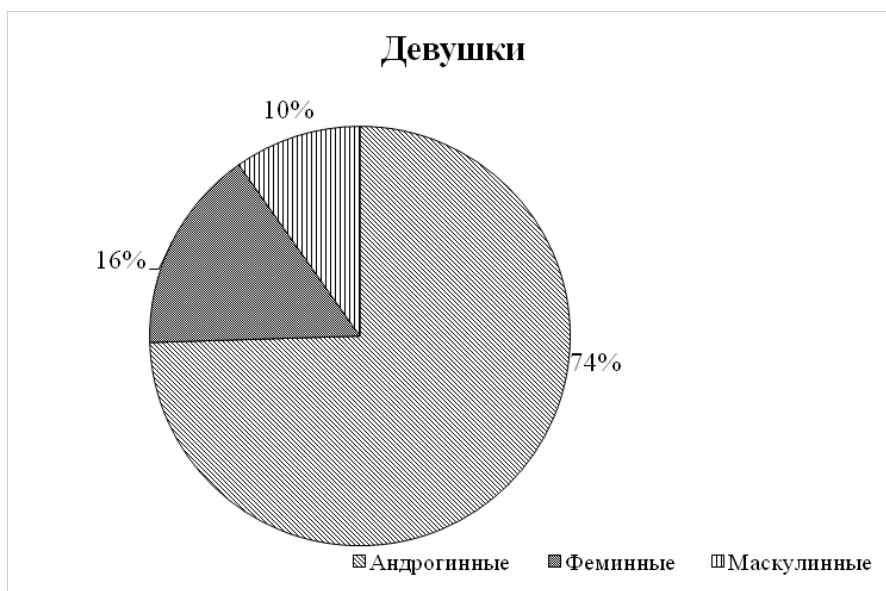

Рисунок 1 – Результаты изучения гендерных особенностей старшеклассников с помощью методики «Опросник С. Бем».

юноши маскулинного типа (МЮ) – 7% (7 человек). Таким образом, мы видим, что современные девушки и юноши предпочитают совмещать качества, присущие обоим полам (рис. 1).

При изучении профессиональных предпочтений учащихся старших классов были исследованы склонности к определенным типам и классам профессий, а также способности к их усвоению. По итогам проведения методики «Ориентация» были выявлены следующие склонности к типам профессий:

- человек–человек – 17 чел. (17%);
- человек–техника – 18 чел. (18%);
- человек–информация – 12 чел. (12%);
- человек–искусство – 34 чел. (34%);
- человек–природа – 19 чел. (19%).

Также были выявлены склонности к классам профессий:

- исполнительские – 30 чел. (30%);
- творческие – 70 чел. (70%).

Старшеклассники оценили свои возможности в овладении данными типами и классами профессий следующим образом:

- человек–человек – 55 чел. (55%);
- человек–техника – 16 чел. (16%);
- человек–информация – 13 чел. (13%);
- человек–искусство – 11 чел. (11%);
- человек–природа – 5 чел. (5%);
- исполнительские – 20 чел. (20%);
- творческие – 80 чел. (80%).

Таким образом, мы видим, что оценка возможностей не всегда совпадает с оценкой желания овладеть тем или иным типом профессии (рис. 2).

Старшеклассники в большинстве своем (как юноши, так и девушки) выражают желание овладеть творческими профессиями типа «Человек–

искусство», однако это не совпадает с их возможностями и способностями к профессиям данной категории. Свои способности немало испытуемых посчитали высокими в сфере «Человек–человек».

Данные тенденции указывают на необходимость оказания помощи со стороны взрослых в профессиональном самоопределении, формировании у старшеклассников адекватного уровня притязаний в выборе профессии, с учетом спроса профессии на рынке труда.

Анализ влияния гендерных особенностей на профессиональное самоопределение мы осуществили с помощью коэффициента взаимной сопряженности Пирсона и Чупрова, который используется для оценки тесноты связи между альтернативными признаками, принимающими любое число вариантов значений.

При помощи составленных таблиц взаимной сопряженности мы рассмотрели взаимосвязь между гендером и профессиональными предпочтениями и возможностями.

Алгоритм вычисления коэффициента взаимной сопряженности следующий.

С помощью составленных таблиц вычисляется показатель взаимной сопряженности. Он определяется как сумма отношений квадратов частот каждой клетки таблицы к произведению итоговых частот соответствующего столбца и строки по формуле:

$$\varphi^2 = \frac{m_1^2}{\sum m_{1j} \times m_{1i}} + \frac{m_2^2}{\sum m_{1j} \times m_{2i}} + \frac{m_3^2}{\sum m_{1j} \times m_{3i}} + \dots + \frac{m_6^2}{\sum m_{6j} \times m_{5i}}$$

Коэффициент Пирсона вычисляется по формуле:

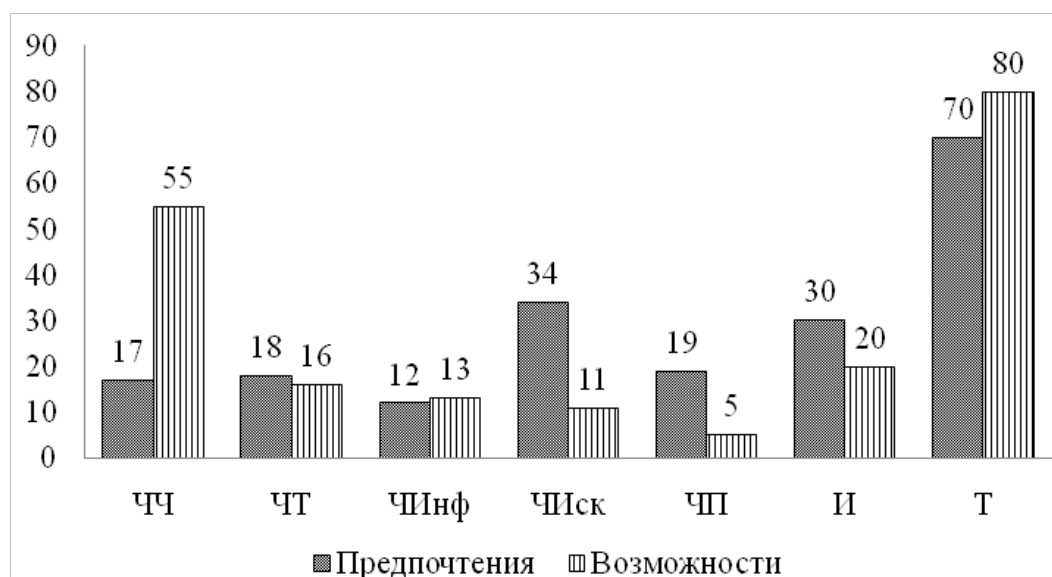

Рисунок 2 – Соотношение оценки учащимися своих предпочтений и возможностей.

$$K_{\Pi} = \sqrt{\frac{\varphi^2}{\varphi^2 + 1}}$$

Коэффициент Чупрова вычисляется по формуле:

$$K_{\chi} = \sqrt{\frac{\varphi^2}{(k_1 - 1) \times (k_2 - 1) + 1}}$$

где k_1 и k_2 – число строк и столбцов таблицы взаимной сопряженности.

Чем ближе коэффициент к 1, тем сильнее взаимосвязь между параметрами.

На основе произведенных расчетов были получены следующие результаты:

- в категории «Я хочу» (типы профессий) уровень взаимосвязи между гендерными особенностями и профессиональными предпочтениями умеренный ($\varphi^2 = 1,403$; $K_{\Pi} = 0,764$; $K_{\chi} = 0,269$);

- в категории «Я хочу» (классы профессий) уровень взаимосвязи между гендерными особенностями и профессиональными предпочтениями значительный ($\varphi^2 = 0,975$; $K_{\Pi} = 0,703$; $K_{\chi} = 0,442$);

- в категории «Я могу» (типы профессий) уровень взаимосвязи между гендерными особенностями и профессиональными возможностями умеренный ($\varphi^2 = 1,424$; $K_{\Pi} = 0,766$; $K_{\chi} = 0,267$);

- в категории «Я могу» (классы профессий) уровень взаимосвязи между гендерными особенностями и профессиональными возможностями значительный ($\varphi^2 = 1,081$; $K_{\Pi} = 0,721$; $K_{\chi} = 0,465$).

Рассматривая результаты сформированности профессиональных предпочтений и способностей старшеклассников с учетом их гендера, мы выявили, что у учащихся андрогинного типа проявляются высокие показатели по типу «Человек–искусство» в категории профессиональных склонностей и по типу «Человек–человек» в категории профессиональных

возможностей. Респонденты, имеющие феминный тип гендерной социализации, избегают профессий типа «Человек–техника», отдавая практически в равной мере профессиональные предпочтения оставшимся четырем типам. У учащихся маскулинного типа симпатии к определенному типу профессиональной деятельности выявлено не было, они так же, как и представители феминного типа, в равной мере отдают предпочтение каждому из 5 типов профессиональной деятельности.

Представители всех вышеуказанных типов личности оценили свои склонности и способности в классе профессий «Творческие» намного выше, чем по классу «Исполнительские».

Таким образом, мы видим, что между гендером и профессиональными склонностями и возможностями существует взаимосвязь.

Закключение. Проблема влияния гендерного аспекта на профессиональное самоопределение школьников разработана недостаточно. Профессиональное самоопределение – явление двустороннее: с одной стороны, тот, кто выбирает (субъект выбора), с другой – то, что выбирают (профессия как объект выбора). И субъект, и объект обладают большим количеством характеристик, чем объясняется неоднозначность явления выбора профессии.

Полученные в ходе исследования результаты говорят о наличии взаимосвязи между гендерными особенностями и предпочтениями того или иного типа и класса профессий, а также способностями овладения ими. Нами также были выявлены следующие факты:

- во-первых, наблюдается тенденция к андрогинизации населения. В исследовании юноши в большинстве своем избегали приписывания себе маскулинных качеств, все чаще отдавая

предпочтения андрогинным характеристикам. Также мал процент феминных девушек по сравнению с девушками андрогинного типа. Возможно, это связано с тем, что современное общество требует от людей большей гибкости, приспособляемости к быстро изменяющимся условиям жизни, из-за чего происходит избегание жестких гендерных ролей;

– во-вторых, был выявлен весомый процент старшеклассников, у которых профессиональные способности и возможности полностью или частично не совпадают с профессиональными склонностями и предпочтениями. Данная тенденция может свидетельствовать как о несовершенстве системы профориентационной помощи в школе, так и о негативном влиянии современного информационного общества и средств массовой информации на профессиональное самоопределение. Причиной этой закономерности также может являться перестройка системы ценностей современного поколения.

Становится очевидной необходимость в объединении усилий психологов, социальных педагогов, учителей и родителей при оказании помощи в выборе профессии, которая станет для человека впоследствии местом не только материального заработка, но и профессиональной и личностной самореализации и саморазвития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапарь, В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. – Изд. 3-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 806 с.
2. Акмеологический словарь / под общ. ред. А.А. Деркача. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 161 с.
3. Пряжников, Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. – М., 1996. – 246 с.
4. Реан, А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение / А.А. Реан. – СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2004. – 416 с.
5. Витебский городской интернет-портал // Кадровый вопрос на Витебщине [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://gorodvitebsk.by/news/14-10-2014/kadrovyy_vopros. – Дата доступа: 14.10.2014.
6. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 800 с.

УДК 159.9:616-056.36

Специфика эмоциональной сферы взрослых с интеллектуальной недостаточностью

С.В. Лауткина*,
Н.А. Курносова**

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

**Государственное учреждение «Территориальный центр социального обслуживания населения г. Новополоцка»

Человек с интеллектуальной недостаточностью – личность, развивающаяся в деятельности, общении, самопознании. Личность взрослого с интеллектуальной недостаточностью характеризуется нарушением всех психических процессов. Наиболее сохранной является эмоциональная сфера, играющая большую роль в усвоении умений и навыков, установлении контактов с окружающим миром. Проанализированы теоретические исследования особенностей эмоциональной сферы личности с нормальным психофизическим развитием и с интеллектуальной недостаточностью. Обнаружено, что эмоциональная сфера взрослых с интеллектуальной недостаточностью малоизучена, особенно эмоциональная сфера взрослых старше 35 лет.

Цель исследования – изучить специфику эмоциональной сферы личности взрослого с интеллектуальной недостаточностью.

Материал и методы. В исследовании принимали участие взрослые с умеренной интеллектуальной недостаточностью, постоянно проживающие в семьях и взрослые с умеренной интеллектуальной недостаточностью, постоянно проживающие в учреждении интернатного типа.

Методы исследования: описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный, статистический, корреляционного анализа, факторного анализа – метод главных компонент и вращения по методу варимакс.

Результаты и обсуждение. Получены достоверные результаты исследований состояния тревожности, дезадаптации, агрессии, психической активности и социальной желательности у взрослых с интеллектуальной недостаточностью, проживающих в семьях и учреждении интернатного типа. Однако перечисленные параметры наиболее высоки у взрослых, проживающих в семьях. У них же обнаружена взаимосвязь между наличием отрицательных эмоциональных переживаний испытуемых и типом отношения к ним со стороны матери.

Заключение. Результаты исследования подтверждаются фактом, что взрослые, проживающие в учреждении интернатного типа, не имея сильной эмоциональной привязанности к близким людям, не переживая подобного рода отношения, имеют позитивный эмоциональный фон. Также подтверждены факты о детерминированности эмоционального неблагополучия личности взрослых спецификой семейных взаимоотношений.

Ключевые слова: эмоциональная сфера, личность, взрослые с интеллектуальной недостаточностью, эмоциональное неблагополучие, специфика, тревожность, агрессивность, дезадаптация.

Specific Character of the Emotional Sphere of the Adult Personality with Intellectual Insufficiency

S.V. Lautkina*,
N.A. Kurnosova**

*Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masharov"

**State establishment "Local Center for Social Services of the City of Novopolotsk"

The person with intellectual insufficiency is a personality, which develops in activity, communication, self-cognition. The personality of the adult with intellectual insufficiency is characterized by violation of all mental processes. The safest sphere is the emotional one playing great role in assimilation of skills, establishment of contacts with world around. Theoretical researches of features of the emotional sphere of the healthy personality and the personality with intellectual insufficiency were analyzed. It is revealed that the emotional sphere of the adults with intellectual insufficiency hasn't been studied enough; especially it concerns the emotional sphere of adults older than 35 years old.

Research objective is to study specific character of the emotional sphere of the personality of the adult with intellectual insufficiency.

Material and methods. The participants of the research are the adults with moderate degree of intellectual insufficiency who constantly live in families and the adults with moderate degree of intellectual insufficiency who constantly live in residential facility.

Research methods are descriptively analytical, comparative, statistical, method of the correlation analysis, of the factorial analysis, method of the main components and of rotation – varimax.

Findings and their discussion. Reliable findings are obtained after research of adults' condition of uneasiness, disadaptation, aggression, psychic activity and social desirability of people with intellectual insufficiency living in families and residential facility. However, the listed parameters are more inherent to the adults who live in families. They also exhibit interrelation between the existence of negative emotional experience and the type of their mother's attitude towards them.

Conclusion. The findings of the research are confirmed by the fact that adults who live in residential facility without emotional attachment to close people, not experiencing relationship of this sort, have a positive emotional background. The fact of the determinacy of emotional trouble of the personality of the adults is also confirmed by specificity of the family relationship.

Key words: emotional sphere, personality, adults with intellectual insufficiency, emotional trouble, specificity, uneasiness, aggression, disadaptation.

Эмоциональная сфера человека – это явление сложное и многогранное, отражающее полифонию личности и ее взаимодействие с окружающим миром. К каждому члену общества предъявляются определенные требования: морально-этические, социально-политические и идеологические.

Необходимость исследования эмоциональной сферы определяется потребностями ряда общественных институтов. В современной общей психологии эмоции рассматриваются как сложные психологические образования. До настоящего времени отсутствует общепринятая единая теория эмоций. Проблема эмоций является наиболее важной среди исследований психических

процессов, определяющих внутреннюю жизнь и деятельность человека [1]. Вследствие этого, условия и детерминанты психических процессов становятся действенными только в случае их проникновения в сферу эмоциональных отношений, преломления в ней и закрепления. Возникающие трудности при изучении эмоциональной сферы объясняются А.Н. Леонтьевым нечеткой дифференциацией эмоций на подклассы, которые могут различаться как генетически, так и функционально. Несмотря на то, что отечественные и зарубежные ученые объясняют природу эмоций и чувств, не существует единой точки зрения на природу эмоций. Все научные исследования являются правомерными, так как представляют различные подходы к изучению эмоций и объяснению их связей с внешними воздействиями и органическими процессами. Накопленный теоретический материал позволяет говорить о двойственной природе эмоций [2; 3]. Изучение нарушений и патологии эмоциональной сферы поможет выявлению критериев эмоций и их природы. И именно поэтому в современном обществе актуальна проблема изучения интеллектуальной недостаточности, являющейся общим дефектом, охватывающим всю психику в целом [4].

Специфика эмоциональной сферы лиц с интеллектуальной недостаточностью проявляется в незрелости эмоций и чувств. Незрелость эмоциональной сферы обусловлена особенностями развития потребностей, мотивов, интеллекта человека с интеллектуальной недостаточностью. У таких лиц эмоции недостаточно дифференцированы, они склонны к полярным, лишенным тонких оттенков, эмоциям. Эмоции у лиц с интеллектуальной недостаточностью поверхностны, неустойчивы, слабо контролируемы. Наблюдается инертность эмоциональных реакций, часто имеющих ярко выраженный эгоцентрический характер. Эгоцентрические эмоции влияют на оценочные суждения: хорошо только то, что им приятно. Эмоции лиц с интеллектуальной недостаточностью непропорциональны по своей динамике: чрезмерная легкость и поверхностность переживания жизненных событий у одних и чрезмерная сила – у других. Данная особенность позволяет судить о неспособности к вычленению главного и второстепенного в происходящих событиях, выстраивать иерархию собственных отношений к различным предметам и ситуациям [5; 6]. Проанализировав имеющиеся теоретические исследования эмоциональной сферы личности взрослого с интеллектуальной недостаточностью, обнаружено, что на сегодняшний день недостаточно изучена эмоциональная сфера взрослых старше 35 лет с умеренной интеллектуальной недоста-

точностью. Резюмируя вышесказанное, нами поставлена цель исследования – изучить специфику эмоциональной сферы личности взрослого с интеллектуальной недостаточностью.

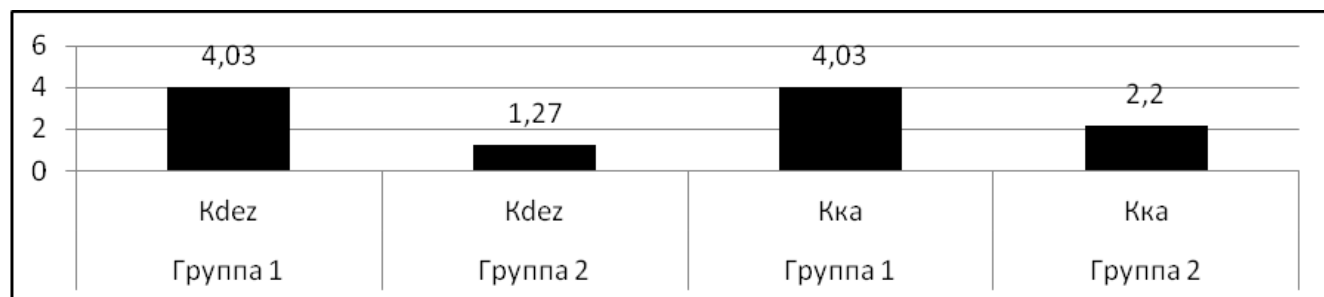
Материал и методы. Базу исследования составили две группы. *Группа 1* – взрослые с умеренной интеллектуальной недостаточностью, постоянно проживающие в семьях и посещающие ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения города Новополоцка». В группу входят: 8 юношей и 2 девушки в возрасте до 30 лет, 2 женщины в возрасте 42–46 лет, 3 женщины в возрасте 52–55 лет.

Группа 2 – взрослые с умеренной интеллектуальной недостаточностью, постоянно проживающие в Полоцком психоневрологическом интернате: 2 мужчины в возрасте 35 и 40 лет, 3 женщины в возрасте 46–50 лет, 3 женщины в возрасте 52–58 лет, 7 мужчин в возрасте 52–58 лет.

Исследование проводилось в 2 этапа: проведение диагностических методик и интерпретация полученных данных. На первом этапе мы изучали особенности эмоциональной сферы личности взрослых с умеренной степенью интеллектуальной недостаточности, постоянно проживающих в семьях и учреждении интернатного типа. На втором – уточняли результат исследования в группе 1.

Нами использовались следующие методики: тест «Рука» Э. Вагнера, тест «Шкала явной тревожности «СМАС» (адаптация А.М. Прихожан), тест тревожности (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки), тест личностных отношений и социальных эмоций О.А. Ореховой «Домики». Разумеется, эмоциональная сфера – один из компонентов в структуре личности, поэтому и применение проективных методик является обоснованным. Данные методики являются стандартизированными и проективными, предназначены для изучения личности [7–9]. Также нами использованы методы статистической обработки данных: t-критерий Стьюдента, ф-угловое преобразование Фишера, U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ и факторный анализ – метод главных компонент и вращение по методу варимакс.

Результаты и их обсуждение. Эмоции человека с умеренной интеллектуальной недостаточностью имеют различные степени дифференцированности, амбивалентности, инверсий. Испытуемые склонны к полярным эмоциям, слабо контролируемым, однако преобладает позитивный эмоциональный фон. Наблюдается значительная эмоциональная возбудимость. Сохранность эмоций отмечается в конкретной ситуации, связанной с элементарными потребностями. Происходит постоянное накопление отрицательного

Примечание: Kdez – коэффициент личностной дезадаптации Kka – коэффициент коммуникативности – агрессивности.

Рисунок 1 – Сравнение результатов диагностики по тесту «Рука» в группах 1 и 2.

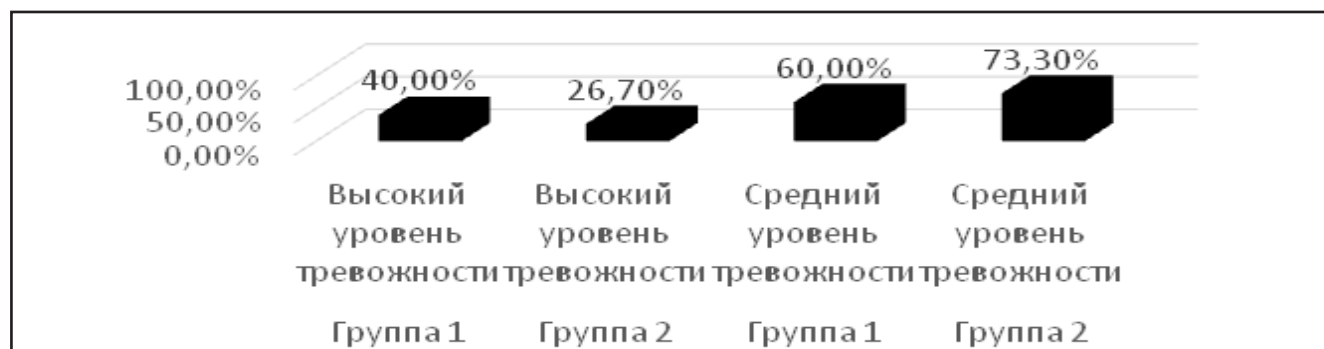
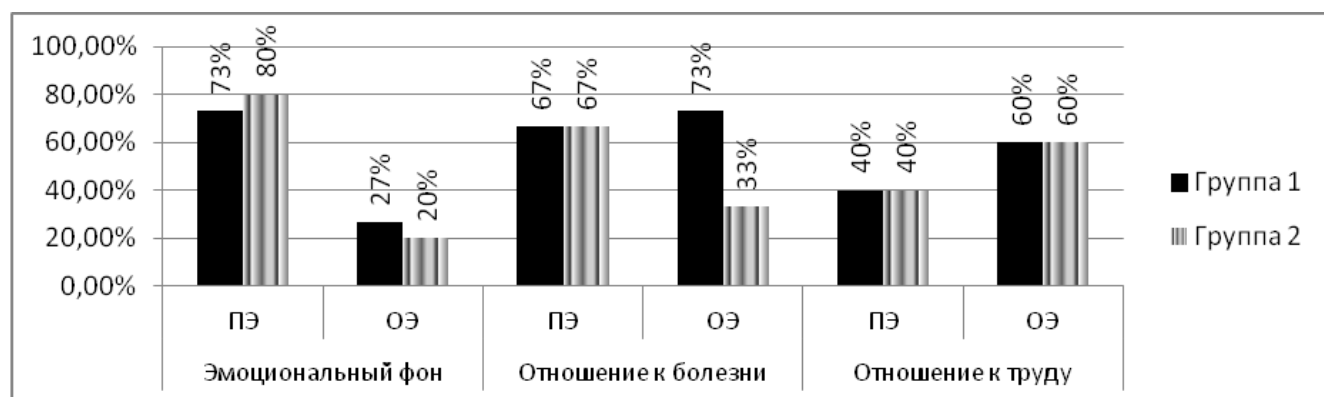

Рисунок 2 – Результаты диагностики уровней тревожности по тесту Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки в группах 1 и 2.

Примечание: ПЭ – положительные эмоции, ОЭ – отрицательные эмоции.

Рисунок 3 – Результаты диагностики по методу О.А. Ореховой «Домики» в группах 1 и 2.

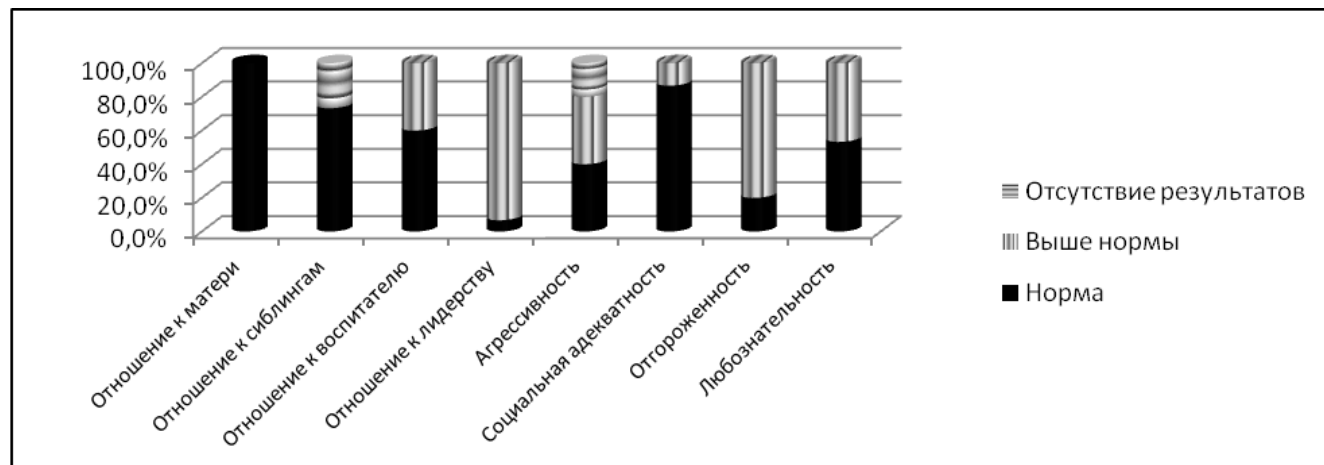

Рисунок 4 – Результаты тестирования группы 1 по методу «Фильм-тест. Межличностные отношения ребенка» Р. Жилия.

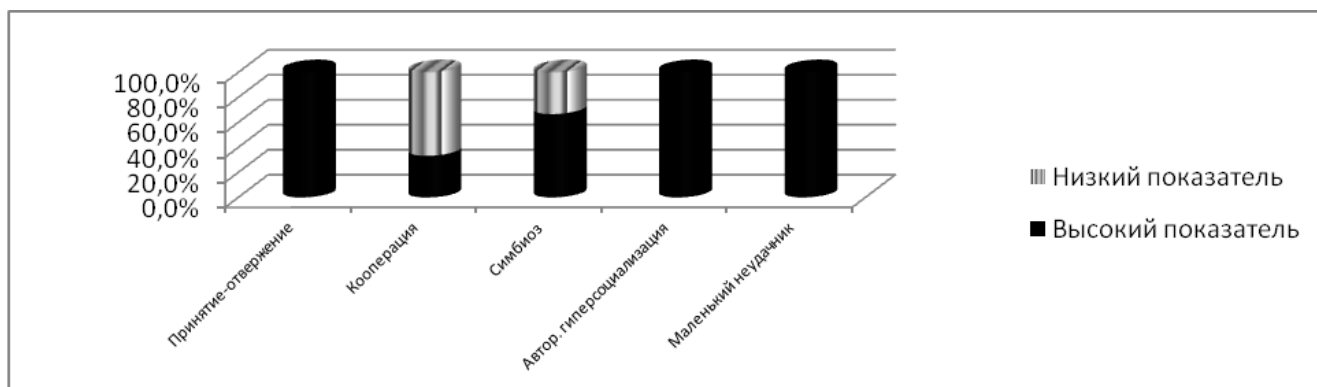

Рисунок 5 – Результаты тестирования группы родителей по методу «Диагностика родительского отношения» А.Я. Варга и В.В. Столина.

опыта. Эмоциональные отношения со сверстниками характеризуются проявлением негативных эмоций, а со значимыми взрослыми – проявлением позитивных эмоций, наблюдается дефицит чувства социальной ответственности, негативное отношение к трудовой деятельности, чувство приспособления к социальному окружению и негативное отношение к своей болезни.

Получены достоверные результаты исследований состояния тревожности, личной дезадаптации, агрессии, психической активности, социальной желательности у испытуемых двух групп.

В ходе сравнительной интерпретации результатов диагностики выявлены значимые различия в уровне агрессии, тревожности, психической активности, личной дезадаптированности взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью, проживающих в семьях и в интернате. Однако перечисленные параметры наиболее высоки у взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью, проживающих в семьях. Результаты представлены на рисунках 1–3.

Полученные результаты позволили предположить, что отрицательные проявления в эмоциональной сфере могут быть детерминированы особенностями взаимоотношений с родителями. Мы решили проверить это с помощью методик «Фильм-тест. Межличностные отношения ребенка» Р. Жилия и «Диагностика родительского отношения» А.Я. Варга и В.В. Столина, выполненных испытуемыми с умеренной интеллектуальной недостаточностью и их родителями (матерями) [10; 11]. В процессе сопоставления результатов была обнаружена взаимосвязь между наличием отрицательных эмоциональных переживаний у испытуемых и типом отношения к ним со стороны матери. Кроме того, эмоциональные контакты с сиблингами, эмоциональная привязанность ко взрослым, социальная адекватность и уровень психической активности также детерминированы отношением со стороны матери. Результаты исследования представлены на рисунках 4 и 5.

Мы полагаем, что взаимоотношения в семьях взрослых с интеллектуальной недостаточностью складываются неоднозначно и во многом определяются отношением к их дефекту со стороны родителей, а именно матери. Отношение со стороны матерей к своим взрослым детям как к больным и беспомощным приводит к существованию в семье культа больного и к ощущению ими своей исключительности. Взрослые с интеллектуальной недостаточностью имеют негативное отношение к своей болезни, не принимают себя такими, какими они есть, имеют неадекватную систему представлений о себе и других людях. Более того, чем больше ожиданий предъявляется со стороны матери к своему «особенному» ребенку, тем больше негативных эмоциональных последствий это имеет. Тот же результат обнаруживается и в ситуации чрезмерной опеки своего ребенка.

Заключение. Выявлено, что все психологические теории, в которых эмоции и другие психические процессы исследуются в единстве, являются основой для поиска ответов на поставленные перед наукой вопросы. Все научные исследования являются правомерными, так как представляют различные подходы к изучению эмоций.

Обнаружено, что эмоциональная сфера личности взрослых с интеллектуальной недостаточностью на сегодняшний день малоизучена. Исследование нарушений и патологии эмоциональной сферы поможет выявлению критериев эмоций и их природы.

Эмоции человека с умеренной интеллектуальной недостаточностью имеют различные степени дифференцированности, амбивалентности, инверсий. Испытуемые склонны к полярным эмоциям, слабо контролируемым, преобладает позитивный эмоциональный фон. Наблюдается значительная эмоциональная возбудимость. Сохранность эмоций отмечается в конкретной ситуации, связанной с элементарными потребностями. Происходит постоянное накопление отрицательного опыта.

В результате исследования выявлены значимые различия в уровне агрессии, тревожности, психической активности, личной дезадаптированности личности взрослых, проживающих в семьях и в интернате. Перечисленные параметры наиболее высоки у взрослых с интеллектуальной недостаточностью, проживающих в семьях. Также нами обнаружена взаимосвязь между наличием отрицательных эмоциональных переживаний у взрослых с интеллектуальной недостаточностью, проживающих в семьях, и типом отношения к ним со стороны матери.

Таким образом, данные, полученные в результате исследования, позволяют делать выводы о детерминированности эмоционального неблагополучия личности взрослого с интеллектуальной недостаточностью спецификой семейных взаимоотношений. Это подтверждается тем фактом, что взрослые, проживающие в учреждении интернатного типа, не имеют сильной эмоциональной привязанности к близким людям и, как следствие, не переживая подобного рода отношения, имеют более позитивный эмоциональный фон.

Дальнейший анализ полученного в настоящем исследовании теоретико-эмпирического материала, изучение других сторон эмоционально-личностной сферы помогут решать стоящие

перед наукой и практикой вопросы диагностики и коррекции эмоциональной сферы у лиц с интеллектуальной недостаточностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1. – 232 с.
2. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вилюнас. – М.: Просвещение, 1976. – 143 с.
3. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб.: Питер, 2002. – 464 с.
4. Выготский, Л.С. Основы дефектологии / Л.С. Выготский. – СПб.: Лань, 2003. – 654 с.
5. Коломинский, Я.Л. Психическое развитие детей в норме и патологии / Я.Л. Коломинский, Е.А. Панько, С.А. Игумнов. – СПб.: Питер, 2004. – 480 с.
6. Гиппенрейтер, Ю.Б. Психология эмоций / Ю.Б. Гиппенрейтер; под ред. В.К. Вилюнас, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 288 с.
7. Лубовский, В.И. Психологические проблемы диагностики аномального развития детей / В.И. Лубовский. – М.: Педагогика, 1983. – 104 с.
8. Варга, Д. Дела семейные: пер. с венг. / Д. Варга. – М.: Педагогика, 2006. – 160 с.
9. Ткачева, В.В. Психологическое изучение семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии / В.В. Ткачева. – М.: УМК «Психология», 2004. – 192 с.
10. Селигман, Н. Обычные семьи, особые дети / Н. Селигман, Р.Б. Дарминг. – М.: Теревинф, 2007. – 302 с.
11. Разумова, А.В. Стили семейного воспитания и восприятие родителями своих детей / А.В. Разумова // Вестн. МГУ. – 2000. – № 1. – С. 88–93.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указываю-

щие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: абзац – 1 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К статье нужно приложить экземпляр иллюстраций. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;
- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество

автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи ав-

тору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

16. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **“Law. Economics. Psychology”** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section **“Materials and Methods”**;
- section **“Results and Discussions”**;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section **“Materials and Methods”** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section **“Results and discussions”** the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section **“Conclusion”** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14,000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers

should be prepared in Word for Windows. Use the following format page: paragraph – 1 cm; field: top – 2,5 cm from the bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, on the right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations should be numbered in the order of citation in the text. It is necessary to attach a copy of illustrations to the article. Figure captions, diagrams and tables are printed single-spaced. The names of tables and figures should not be abbreviated.

11. The size of all variables used in the text should comply with the International System of Units (SI).

12. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

13. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material

and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's home address, phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

14. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

15. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

16. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

